

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Е. В. САЖИНА

**ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
ПЕЧАТНЫХ СМИ
БЕЛАРУСИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2024

УДК 811'42:070(476):070(410)

Сажина, Е. В.

Полемический дискурс печатных СМИ Беларуси и Великобритании / Е. В. Сажина ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. – 209 с.

ISBN 978-985-32-0048-5

В монографии рассматриваются особенности моделирования когнитивно-коммуникативного пространства полемического дискурса печатных СМИ в сопоставительном аспекте. Систематизированы теоретико-методологические подходы к изучению полемического компонента дискурса печатных СМИ в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы. Определены границы и наполнение жанрового пространства исследуемого дискурса, выявлены его структурные, когнитивно-семантические и лингвопрагматические характеристики, обозначены основные тенденции развития полемического дискурса печатных СМИ в различных языках.

Предназначена специалистам в области медиалингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, жанроведения, а также аспирантам и магистрантам филологических специальностей.

Табл. 2; Илл. 7; Библиогр.: 296 назв.

Рекомендовано к изданию научно-техническим советом
учреждения образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Рецензенты:

доктор филологических наук О. А. Лещинская,
доктор филологических наук О. А. Артёмова

ISBN 978-985-32-0048-5

© Сажина Е. В., 2024

© Учреждение образования «Гомельский
государственный университет
имени Франциска Скорины», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
1 Полемический дискурс печатных СМИ как многоаспектный феномен современных медиаисследований.....	7
1.1 Полемический дискурс в дискурсном пространстве масс-медиа.....	7
1.2 Полемическая природа дискурса печатных СМИ.....	9
1.3 Жанровое разнообразие полемического дискурса печатных СМИ.....	12
1.3.1 Проблемная статья как ядерный жанр полемического дискурса.....	13
1.3.2 Отклик читателя как структурный элемент полемического дискурса.....	22
1.4 Полемический дискурс печатных СМИ: когнитивный аспект.....	29
1.5 Полемический дискурс печатных СМИ: лингвопрагматический аспект.....	31
1.6 Полемичность дискурса печатных СМИ и ее индексирование.....	35
2 Концептуальная картина полемического дискурса белорусских и британских печатных СМИ.....	37
2.1 Структура макроконцепта «полемичность» в полемическом дискурсе на материале неблизкородственных языков.....	37
2.2 Особенности вербализации концептосферы полемического дискурса печатных СМИ на материале неблизкородственных языков.....	49
3 Структура полемического дискурса и особенности ее вербализации в белорусской и британской прессе.....	52
3.1 Структурная организация полемического дискурса и ее индексные показатели: сопоставительный аспект.....	52
3.2 Структурные элементы русскоязычного и англоязычного полемического дискурса.....	71
3.3 Интенциональный компонент полемического дискурса печатных СМИ.....	85
3.4 Коммуниканты полемического дискурса печатных СМИ: сопоставительный аспект.....	100
4 Коммуникативные стратегии и тактики в полемическом дискурсе белорусских и британских печатных СМИ.....	114

4.1 Стратегия информирования и тактики ее реализации в русскоязычном и англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ.....	114
4.2 Стратегия контактоустановления и тактики ее экспликации в полемическом дискурсе.....	121
4.3 Стратегия аргументации и тактики ее репрезентации в полемическом дискурсе на русском и английском языках....	133
4.4 Оценочная стратегия и тактики ее реализации в полемическом дискурсе печатных СМИ: сопоставительный аспект.....	144
5 Коммуникативное взаимодействие и его структура в полемическом дискурсе белорусских и британских печатных СМИ.....	155
Заключение.....	175
Литература.....	180

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении столетий печатное слово, выражаемое через различные СМИ, информирует, побуждает, удивляет, стимулирует к ответной реакции, воздействуя на умы массовой аудитории. Видоизменяясь под воздействием технического прогресса и расширяя свои границы, печатная пресса по-прежнему считается мощным источником манипулятивного воздействия и находится в центре внимания различных научных направлений, включая лингвистику.

Еще в конце 1980-х газетный текст становился объектом лингвистических исследований [1; 2; 3; 4; 5; 6 и др.], когда ученые предпринимали попытки изучить его с точки зрения структуры, категории диалогичности, прагматики, «значения» и «смысла» и т. д.

Конец XX ст. – начало XXI ст. стал поворотным в лингвистике, когда антропоцентризм в науке выдвинул функциональный аспект на первый план филологических исследований. Сохраняя основные характеристики функционального языкознания предыдущего периода, новый коммуникативный подход, получил название когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания и отличается рядом признаков, среди которых когнитивная составляющая становится его неотъемлемой частью [7]. Данное свойство позволяет учитывать когнитивную и коммуникативную функции при описании и разъяснении всех языковых явлений, включая дискурс.

Газетный текст, погружаясь в дискурсивную оболочку, становится объектом исследования с учетом экстралингвистических, психологических, лингвистических и др. факторов, отражая авторскую речь, погруженную в жизнь (Т. Г. Добросклонская [8], В. И. Карасик [9], Т. П. Карпилович [10], Н. И. Клушина [11], Э. А. Лазарева [12], И. В. Лешкевич [13], О. В. Луцинская [14] и др.), когда в основу коммуникации заложены фундаментальные представления о неразрывной связи когнитивного и социального, коммуникативного, индивидуального, где человеческий фактор в языке становится объединяющим началом [15].

В рамках указанной парадигмы дискурс и текст печатных СМИ, которые до сих пор рассматривались с точки зрения категориальной сущности, [16], структурно-содержательной специфики отдельных жанров [17], основных лингвостилистических параметров [18], элокутивной организации газетного дискурса [19] и т. д., привлекают особое внимание, так как до сих пор нерешенными остаются проблемы исчисления категорий дискурса, установления их прототипических признаков и особенностей вербализации, закономерностей их детерминированности контекстом и др.

Немаловажным также представляется изучение полемической формы коммуникации и ее измерения, поскольку до настоящего времени рассмотрение полемики отождествлялось с полемичностью, спором, дискуссией, диспутом, дебатами с небольшой дифференциацией по конфронтационной составляющей.

Недостаточную разработку получили также вопросы установления закономерностей структурно-композиционной, когнитивно-семантической и лингвопрагматической организации полемического дискурса печатных СМИ, особенностей языковой репрезентации элементов.

Поэтому, комплексный подход к изучению полемического дискурса как многоуровневого когнитивно-коммуникативного феномена может быть обеспечен только в случае разработки лингвопрагматической концепции когнитивно-дискурсивного моделирования полемического дискурса, чему будут способствовать результаты настоящего исследования.

Полученные данные будут способствовать разработке теоретических проблем вербализации полемического коммуникативного пространства дискурса печатных СМИ, языковой репрезентации его структурных, когнитивно-семантических и лингвопрагматических особенностей, а также развитию когнитивно-коммуникативного подхода к исследованию других дискурсов. Вместе с тем результаты проведенного исследования могут найти применение в преподавании следующих учебных дисциплин: «Лингвистика дискурса», «Концептуальные основы современной лингвистики», «Основные направления теоретической лингвистики», «Дискурсивная практика», «Лингвистика текста», «Лингвистические универсалии», «Текст и дискурс в современной лингвистике», «Введение в романо-германскую филологию», «Стилистика», «Лингвистический анализ текста», «Теория межкультурной коммуникации».

Полученные результаты будут востребованы при создании учебных курсов и написании учебных пособий по дискурс-анализу, медиалингвистике, функциональной грамматике, когнитивной лингвистике, лингвопрагматике, жанроведению, а также при написании научных монографий, квалификационных научных работ.

1 ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПЕЧАТНЫХ СМИ КАК МНОГОАСПЕКТНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАИССЛЕДОВАНИЙ

1.1 Полемический дискурс в дискурсном пространстве масс-медиа

Средства массовой информации, охватывающие в совокупности связи человека с обществом и его подсистемами, все области общественных отношений, в которые включена личность, неразрывно связаны с коммуникационными технологиями, подвергаясь воздействию последних, благодаря чему сформировалось самостоятельное научное направление – медиалингвистика.

Изучив медийный дискурс через призму различных подходов, мы приходим к выводу, что он представляет собой синкретичное образование, впитавшее в себя ряд типов дискурса, подчиненных основной цели СМИ как социального института – оказывать дифференцированное воздействие на социального адресата посредством его информирования и интерпретации сообщаемой информации [20]. В свою очередь полемический дискурс печатных СМИ, трактуемый нами как совокупность связанных письменных текстов, представляющих собой высказывания участников в некоторой полемической ситуации, имеющий своей коммуникативной целью поиск решения актуальной проблемы, является частью медиадискурса и имеет ряд собственных для него характеристик.

В ходе исследования было установлено, что полемический дискурс имеет сходство с *политическим дискурсом* в жанрах полемических публикаций, например, таких как проблемная статья, которая может быть посвящена проблеме политического характера [21; 22]. Отличие же состоит в целевых установках обоих дискурсов, так как политическая коммуникация направлена на борьбу за власть, а исследуемой нами полемической дискурс преследует цель найти решение актуальной проблемы, сложного вопроса.

От *дискурса научной полемики*, составляющими элементами которого являются аргументация и конфликт и включающего в себя полемическую статью в научном журнале и статьи-отзывы на нее, полемический дискурс печатных СМИ отличает также целевая установка. Так, цель дискурса научной полемики состоит в выводе нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, в глобальном познании мира [23, с. 10]. М. С. Глушкова отмечает, что «Принципы ведения

научной полемики не имеют строгой институциональной локализации и активно используются в других дискурсах (научно-деловом, научно-учебном, телевизионном и пр.)» [24]. Представляя собой сложное соотношение кооперативного и конфликтного общения, дискурс научной полемики характеризуется определенной риторической организацией, в рамках которой осуществляется развитие, сдерживание или затухание полемики, вербализующейся в рамках высказываний, обладающих полемическим потенциалом. В свою очередь участники полемического дискурса печатных СМИ ищут пути решения различных проблем, предлагая в ходе дискуссии свои точки зрения по отношению к сложившейся ситуации, но не решают научные задачи.

Исследуемый полемический дискурс также переплетается с *Интернет-дискурсом*. Несмотря на их сходство в жанровом плане (представленность Интернет-дискурса общеинформационными жанрами: статьи, передовые на важнейшую тему дня, интервью и т. д.), главное отличие состоит в канале передачи и получения информации: полемический дискурс печатных СМИ имеет различные каналы (периодические издания и Интернет), а Интернет-дискурс не представлен бумажными изданиями [25, с. 9; 26, с. 133; 27, с. 46]. Интернет для полемического дискурса печатных СМИ является одним из средств передачи информации. Данный факт позволяет говорить о специфике канала передачи данных, характерной для исследуемого нами дискурса, который представляет собой способ коммуникации, включающий в себя виртуальную форму (посредством Интернета) и коммуникацию посредством печатных периодических изданий.

Схематически точки пересечения полемического дискурса печатных СМИ с вышеперечисленными дискурсами и его место в дискурсном пространстве можно представить следующим образом (рисунок 1).

Рисунок 1 – Полемический дискурс печатных СМИ в дискурсном пространстве

Характеризуясь как дистантный, ретинальный (передача сообщения неизвестному и не определенному количественно получателю информации), с индивидуально-коллективным субъектом (под этим подразумевается не только соавторство, но и, например, общая позиция газеты) и массовым рассредоточенным адресатом [28, с. 7–9], полемический дискурс печатных СМИ имеет черты массовой с элементами личностной и групповой коммуникации.

Исследуемому дискурсу присуща относительная временная предельность, так как информационный обмен может продолжаться от нескольких дней до нескольких лет, прерываться и возобновляться спустя какое-то время. По форме полемический дискурс является письменным (текстовым и графическим).

Значимой чертой дискурса является отражение коммуникативных и когнитивных установок участников коммуникации. Однако, несмотря на достаточно широкий круг исследований, подтверждающих направленность коммуникативных установок автора текста в рамках данного дискурса в первую очередь на максимально возможное речевое воздействие на фоне фактуальной информации, до сих пор остается мало изученной такая когнитивно-дискурсивная категория, как полемичность, которая, на наш взгляд, в дискурсе печатных СМИ в рамках жанровых групп имеет разную степень выраженности.

1.2 Полемическая природа дискурса печатных СМИ

Корни зарождения полемики уходят в далекое прошлое. Еще в Древней Греции античные мыслители заметили, что спор играет важную роль для выяснения истины. Несмотря на то, что спор имел свои разновидности, такие как диалектические беседы и софистические споры, он всегда пользовался популярностью. Публичные обсуждения острых проблем, актуальных тем как правило проводились в диалогической форме, что позволяло коммуникантам при помощи вопросов и ответов искать решение обсуждавшиеся проблем. В диалогическом споре каждый из участников мог отстаивать личную позицию, получать ответы на актуальные вопросы не в готовом виде, а путем размышления, совместного обсуждения проблемы, поиска правильного решения. Так приобрели свою популярность Сократовские диалоги.

В Древней Индии полемике также уделялось большое внимание, что было обусловлено потребностью в развитии логики и философии. Разнообразные дискуссии и многочисленные диспуты были весьма

популярны. При этом важно отметить, что одной из традиций индийского спора является серьезное и вдумчивое отношение к взглядам и идеям противника. До наших дней дошло «индийское правило спора»: прежде чем опровергать противника, нужно хорошо понять суть его позиции, удостовериться, что она правильно понята.

Как показывает анализ литературы, полемика затрагивала все стороны жизни человека, пронизывая в той или иной степени все социальные сферы, включая и человеческий быт. С появлением печатной прессы полемика проникла на полосы печатных изданий, поскольку именно в полемическом диалоге автор статьи и читатель могли принять совместное участие в решении той или иной актуальной проблемы.

При рассмотрении полемичности дискурса печатных СМИ следует дифференцировать ее от полемики как речеписьменной формы коммуникативного взаимодействия, в ходе которого ведется утверждение позиции относительно обсуждаемого предмета, основанной на различиях взглядов, мнений участников коммуникации. Находясь в одном ряду с дискуссией и спором, полемика также признается формой аргументативной коммуникации, но между указанными понятиями не ставится знак тождества.

Для определения полемики и схожих с ней форм коммуникации обратимся к анализу словарных дефиниций. Большой толковый словарь русского языка дает следующее определение рассматриваемых понятий: «СПОР, -а (-у); м. 1. Словесное состязание при обсуждении чего-л., в котором каждая из сторон отстаивает свое мнение, свою правоту. Начать, затеять (разг.), вести с. Научный с. Ученые споры. С. между братьями. Участвовать в споре. Вмешаться, включиться в с. Втянуть кого-л. в с. Поддерживать кого-л. в споре. Разгорелся, завязался с. об искусстве, о политике. Прекратите этот бесконечный, бессмысленный с.! * Меж ними все рождало споры (Пушкин). 2. Выяснение разногласия по какому-л. вопросу, разрешаемое судом или иным уполномоченным органом. С. о наследстве. Трудовой с. (отсутствие согласия между работниками и работодателями об условиях труда или по вопросам социально-трудовых отношений). Имущественный с. (взаимное притязание на владение чем-л.). 3. Поэт. Поединок, битва, единоборство. С. со стихией. * О громкий век военных споров, свидетель славы россиян (Пушкин). // Состязание, соперничество. * Алмазная роса Живым огнём с огнями неба в споре (Фет). Вне спора. Не подлежит сомнению, очевидно. На спор. На пари. Спору нет, в зн. вводн. словосоч. Бесспорно, несомненно. * Ты прекрасна, спору нет (Пушкин)» [29].

«ПОЛЕМИКА, -и; ж. [от греч. *polemikos* – воинственный, враждебный]. Спор при обсуждении каких-л. вопросов. Литературная, научная, страстная, острая п. Вести полемику, вступать в полемику с кем-л. по какому-л. вопросу. Прервать полемику между кем-л. В пылу полемики. Полемический; Полемичный (см.)» [30].

«ДИСКУССИЯ, -и; ж. [от лат. *discussio* – исследование, обсуждение]. Свободное публичное обсуждение какого-л. спорного вопроса. Вступить в дискуссию. Научная, политическая д. Бурная д. Д. по вопросам экологии. Развернуть дискуссию. Дискуссионный (см.)» [31].

Авторы различных исследований отмечают, что различия между этими формами заключаются в их целевых установках: цель дискуссии – поиск общего согласия, того, что объединяет разные точки зрения, цель полемики – утверждение одной из противостоящих позиций, цель спора – достижение истины.

В соответствии с коммуникативно-прагматическими и структурными характеристиками мы можем сказать, что «полемика представляет собой диалогическое (устное и письменное) общение компетентных в конкретной сфере деятельности субъектов, имеющих различные (противоположные) точки зрения относительно обсуждаемого вопроса, с целью утверждения своей позиции и опровержения другой при помощи достаточной и убедительной аргументации» [32]. Полемика характеризуется как спонтанная и непредсказуемая вербальная борьба, не имеющая ограничений по времени и количеству участников.

В отличие от полемики спор как обсуждение любого вопроса на любую тему в устной или письменной диалогической форме может включать полемику, дискуссию, диспут, дебаты, прения, препирательство, ссору, пререкание [33, с. 12], т. е. охватывать различные сферы жизнедеятельности коммуникантов.

Дискуссия, основанная на решении вопроса в рамках конкретной темы с целью определения истины либо приближения к ней [33, с. 14], как правило проходит по определенным правилам, регламенту, где коммуниканты используют корректные приемы в регламентированном временном отрезке.

С точки зрения языковой репрезентации полемика отличается высокой степенью оценочности и экспрессивности. В тексте распространены слова различных тематических групп. На синтаксическом уровне наиболее часто встречаются такие выразительные средства синтаксиса, как риторические вопросы, восклицательные предложения, антитеза и т. д.

При вербализации спора употребляются глаголы в отрицательной форме, фразеологизмы с негативным значением, отрицательные наречия и местоимения, противительные союзы, отрицательная частица *не*.

Дискуссия отличается сходством с бытовым диалогом, поэтому для нее характерна прерывистая речь, обрыв мысли, парантеза, перемещение глаголов, частей сказуемого в препозицию, повторы, уточнения, дополнения и др. Дискуссия менее экспрессивна, но не менее информативна по сравнению с полемикой и спором.

Переходя к рассмотрению полемичности обнаруживается следующее определение: полемичность, -и, ж. Свойство по знач. прил. полемичный. Полемичность тона [34]. Здесь присутствует резкость, пристрастность в выражении, изложении чего-л., также подчеркивается острота, резкость как отличительная черта полемичности. То есть, полемичность присуща и для полемики, и для спора, и для дискуссии, но, по нашему мнению, в перечисленных формах она имеет разную степень выраженности. Представляя собой свойство текста, полемичность присутствует в различных жанрах исследуемого дискурса, но, как мы полагаем, уровень ее экспликации отличается.

1.3 Жанровое разнообразие полемического дискурса печатных СМИ

Как отмечалось нами ранее, полемический дискурс печатных СМИ представляет собой определенный тип коммуникативного действия субъекта в сфере массовых коммуникаций, определяемый совокупностью экстралингвистических факторов, а также системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок адресанта, взаимодействующего с адресатом и обуславливающим особую упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в текстах [36; 37; 38; 39; 40; 41; 41; 42]. Тексты характеризуются определенной грамматикой, лексическим наполнением, определенной семантикой и т. д., которые выделяют их как жанры. Именно жанры, выступая как инструмент коммуникативного взаимодействия, являющегося результатом любой коммуникативной ситуации/события, выступают как структурная основа для исследуемого дискурса.

Полемический дискурс печатных СМИ формируется при помощи текстов определенных жанров, которые характеризуются полемичностью, т. е. способностью выражать намерения адресанта обсудить проблемы/вопросы через противопоставление/сравнение различных точек

зрения при помощи определенного набора языковых средств. Поскольку многие жанры, входящие в полемический дискурс, были уже подробно изучены ранее [43; 44; 45; 46; 47; 48; 49], в настоящей работе мы остановимся более подробно на проблемной статье и откликах читателей, которые ранее были исследованы в меньшей степени. Данные жанры интересны еще и с той позиции, что они образуют диалогический комплекс, на примере которого можно установить в достаточном объеме закономерности вербализации когнитивно-коммуникативного пространства полемического дискурса печатных СМИ. Параллельно будут исследованы все жанры, входящие в когнитивно-дискурсивное поле дискурса с целью выявления степени выраженности полемичности в дискурсе печатных СМИ в целом на материале двух неблизко-родственных языков.

1.3.1 Проблемная статья как ядерный жанр полемического дискурса

Выделение полемического дискурса печатных СМИ в отдельный тип институционального дискурса стало возможным на основании положения о том, что, как и всякий другой дискурс, он имеет полевое строение, в центре которого находится жанр/ы, в максимальной степени соответствующий/е основной цели коммуникации [50; 51]. Одним из ядерных жанров исследуемого нами типа дискурса является проблемная статья, которая в совокупности с другими жанрами реализует его основную цель – информирование и воздействие через взаимодействие в поиске решения актуальной проблемы.

Проблемная статья как жанр охватывает широкую сферу человеческой деятельности и связана с обсуждением и решением различных социальных, политических, экономических проблем, вопросов образования, науки, техники и т. п. Прагматическая установка текста конкретной проблемной статьи реализуется при помощи следующих частных авторских установок: установки на привлечение внимания читателя, на эмоциональное воздействие, на оценку, на создание и поддержание контакта с читателем, установки на полемику, на создание впечатления объективности, установки на побуждение к действию [52, с. 5].

Проблемная статья как самостоятельный жанр анализировалась с точки зрения композиционного типа развертывания содержания текста («спирального развертывания») [52, с. 23]. Для нее свойственно употребление цитирования или авторских ремарок, риторических

вопросов, эмотивно-оценочной лексики, а также графических изображений (фотографий и иллюстраций), при помощи которых автор представляет дополнительную информацию, иллюстративный материал, что способствует повышению общего эмоционального тона всей статьи [53, с. 187–204].

М. Ф. Попова разграничивает проблемную от пропагандистской (теоретико-пропагандистской) и редакционной статей по целевой установке, указывая в качестве предмета проблемной статьи серьезное общественное противоречие, которое необходимо разрешить. Основными особенностями разработки концепции проблемной статьи автор рассматривает цикличность, системность, комплексность, а также дискуссионность, благодаря которой, как правило, по социально значимым проблемам в прессе организуется общественная дискуссия, в которую вовлекают и читателя [53, с. 187–204].

В отличие от полемической статьи, в основе которой А. А. Тертычный рассматривает конфликт разных школ, течений, кандидатов, враждующих сторон и т. д., проблемную статью он относит к тактико-аналитической, где внимание автора сосредоточено на актуальных проблемах практически значимых отраслей и сфер деятельности, когда нужно найти причины проблемы, описать состояние выбранного сегмента и сделать выводы, которые могут помочь преодолеть трудности [54].

Однако, на наш взгляд, ранее проведенные исследования характеризуются отсутствием набора четких лингвистических критериев, которые бы способствовали более точной дифференциации проблемной статьи как самостоятельного дискурсивного жанра. Поэтому в рамках настоящего исследования мы предпринимаем попытку решить данный вопрос.

Проблема жанровой классификации имеет многолетнюю историю, поскольку интенсивное развитие технологий влияет на изменения не только в содержательном плане текстового кластера, но и на его структурные, когнитивно-семантические и коммуникативно-прагматические аспекты. Одни жанры исчезают, на их смену приходят другие, при этом в последнее время наблюдается четкая тенденция к конвергенции и гибридизации жанров, что затрудняет выработку единого подхода к жанровой классификации текстов и тем самым делает актуальными исследования, предпринимаемые лингвистами в области дискурса и генристики.

Ученые сходятся во мнении, что при текстовой дифференциации нельзя учитывать лишь один критерий, поскольку каждый тип текста может комбинировать в себе сходства и различия признаков

по-разному: например, сходства функциональных качеств могут противостоять информационным качествам текста. Выбор критериев типологизации осложняется и тем, что один и тот же текст может быть отнесен к различным группам из-за своей собственной многоаспектности.

По мнению Т. В. Шмелевой, которая в своей классификации избирает функционально-коммуникативный критерий, «речевая модель жанра может быть описана с помощью определенного набора параметров, жанрообразующих признаков, необходимых и достаточных для опознания, характеристики и конструирования речевого жанра: коммуникативная цель; образ автора; образ адресата; образ прошлого; образ будущего; диктум; языковое воплощение (формальная организация)» [55, с. 95].

М. Ю. Федосюк, опираясь на структурно-семантический критерий, расширяя и детализируя репертуар жанрообразующих признаков, рассматривает жанр как устойчивый, тематический, композиционный и стилистический тип текста [56, с. 104], набор конкретных форм реализации текста с учетом сферы, задач и целей. Так, обращаясь к функции как к одному из дифференцирующих признаков, автор рассматривает цель порождения того или иного текста с учетом способа ее реализации, то есть тех приемов, которые используются автором для достижения цели.

Форма итогового текста (прозаическая или поэтическая), а также композиционная структура жанра как дифференцирующие признаки также важны по мнению лингвиста, при этом структуру жанра он представляет как сложное образование, содержащее как внешние, так и внутренние характеристики: наличие / отсутствие заголовка; наличие / отсутствие дополнительной предтекстовой информации; наличие / отсутствие преамбулы, введения; наличие / отсутствие послетекстовой информации [56].

Также М. Ю. Федосюк предлагает учитывать тематику, объем конкретного текста, количество проблем, которые могут быть решены в рамках того или иного жанра, способы передачи информации при общении, выражение субъективности, образ адресата и адресанта и внеязыковые факторы [56].

Не менее важным дифференцирующим признаком, по мнению В. В. Деменьтева, признается авторская интенция, которая может выражаться прямым и косвенным способом [57, с. 28].

М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова строят свою классификацию жанров с учетом некоторых функций языка и речи, учитывая деление коммуникации на фатику и информатику, а также опираясь на структурно-семантический критерий [58].

В настоящей работе в силу отсутствия единых принципов для построения классификации для выделения проблемной статьи в самостоятельный жанр мы будем отталкиваться от структурно-семантического и функционально-коммуникативного критериев, поскольку проблемная статья является ядерным жанром полемического дискурса печатных СМИ и представляет тип высказывания, характеризующийся культурной, социальной, ситуативной обусловленностью, имеющий определенный способ организации текста и ориентацию на конкретную цель, и определяется типом интенции адресанта, типом реакции, ожидаемой от адресата, коммуникативной культурой общества [59].

При рассмотрении структурно-семантического критерия в ходе анализа проблемных статей нами была изучена содержательная структура и установлен перечень ее семантических компонентов. Так, удалось выделить следующие составляющие: вводка, введение в проблему, анализ, выводы.

Функция компонента *вводка* заключается в кратком описании проблемы, рассмотрению которой посвящена статья, а также привлечении внимания читателя. В содержательном плане русскоязычные и англоязычные вводки в проблемных статьях содержат ключевые лексемы, указывающие на одну из причин и/или последствий проблемы, обсуждению которой посвящена публикация. Рассмотрим следующие примеры из белорусской русскоязычной газеты «СБ. Беларусь сегодня» и британской газеты “The Guardian”:

– *Стыд – блюдо, которое подается горячим. С начала событий в Украине среди части русскоязычного населения всего мира стало очень популярно извиняться. Попросить прощения некоторые умудрились за все, что хоть как-то может связывать их с Россией. Даже если они там ни разу не были и никогда до этого не интересовались политикой* [60];

– *US allies in the fight, the warlords and corrupt officials, would go on to undermine the legitimacy of the Afghan government* [61]. ‘Союзники США в борьбе, полевые командиры и коррумпированные чиновники, продолжают подрыв легитимности афганского правительства’.

В выше приведенных примерах выделенные лексемы маркируют последствия проблем, которые возникли в обществе. Так, в первом случае проблема двуличия некоторых граждан породило моду на принесение извинений за любые связи с Россией, во втором случае – поражение американской армии в Афганистане привело к тому, что руководители различных рангов предпринимают попытки любым

способом, включая публикации в прессе, переложить всю ответственность на афганских лидеров. Следует отметить, что центральная проблема, которая раскрывается в самой статье, во вступлении не указывается.

Компонент *введение в проблему* содержит информацию о центральной проблеме, о ее сути. Например:

– С начала событий в Украине среди части русскоязычного населения всего мира стало очень популярно извиняться. Попросить прощения некоторые умудрились за все, что хоть как-то может связывать их с Россией. Даже если они там ни разу не были и никогда до этого не интересовались политикой.

Своя принадлежность к решениям на высоком уровне не имела никакого значения, но повиниться перед всем миром за происходящее в Украине посчитали нужным музыканты, блогеры, актеры, телеведущие и другие далекие от текущих событий люди. Как будто каждый из них был персонально повинен за беду всего украинского народа, за принятые решения российских властей, за свою даже минимальную причастность хоть к чему-то русскому. И за то, что вообще пришлось появиться на свет [60];

– Everyone is to blame for the catastrophe in Afghanistan, except the people who started it. Yes, Joe Biden screwed up by rushing out so chaotically. Yes, Boris Johnson and Dominic Raab failed to make adequate and timely provisions for the evacuation of vulnerable people. But there is a frantic determination in the media to ensure that none of the blame is attached to those who began this open-ended war without realistic aims or an exit plan, then waged it with little concern for the lives and rights of the Afghan people: the then US president, George W Bush, the British prime minister Tony Blair and their entourages [61]. ‘В катастрофе в Афганистане виноваты все, кроме людей, которые ее затеяли. Да, Джо Байден облажался, выскочив так хаотично. Да, Борис Джонсон и Доминик Рааб не смогли принять адекватные и своевременные меры для эвакуации уязвимых людей. Но средства массовой информации полны решимости добиться того, чтобы никто не возлагал вину на тех, кто начал эту бессрочную войну без реалистичных целей или плана выхода, а затем вел ее, мало заботясь о жизнях и правах афганского народа: тогдашний президент США Джордж Буш-младший, премьер-министр Великобритании Тони Блэр и их окружение’.

Так, в русскоязычном примере центральной проблемой выступает русофобия, которая была искусственно спровоцирована в странах Запада на фоне специальной военной операции, в англоязычном примере – проблема ответственности за провал военной операции в Афганистане.

В компоненте *анализ* адресант детально рассматривает проблему, анализирует ее причины и последствия, раскрывает возникающие сопутствующие трудности, называет вероятных виновников создавшейся проблемной ситуации как в следующих примерах:

– *Но чем больше пополнилась толпа виноватых, тем сильнее окружающий мир стремился наказывать. Просто по факту. За все русское. Неважно, в какой стране ты родился, где вырос и чем занимался до начала конфликта в Украине. Ты виноват. Априори. И эту вину должен смыть своими слезами. Утереть волосами. Сокрушительно. Пав к ступням остального правильного и морального мира. Убеждая остальных, что ты не такой [60];*

– *Another factor in the UK is a continued failure to come to terms with our colonial history. For centuries the interests of the nation have been conflated with the interests of the rich, while the interests of the rich depended to a remarkable degree on colonial loot and the military adventures that supplied it. Supporting overseas wars, however disastrous, became a patriotic duty [61].* ‘Еще одним фактором в Великобритании является продолжающаяся неспособность примириться с нашей колониальной историей. На протяжении столетий интересы нации смешивались с интересами богатых, а интересы богатых в значительной степени зависели от колониальной добычи и военных авантур, которые ее обеспечивали. Поддержка зарубежных войн, какими бы катастрофическими они ни были, стала патриотическим долгом’.

Семантический компонент *выводы* содержит авторский вариант решения проблемы, ответ/ы на проблемный вопрос, размышления автора о возможных путях выхода из сложившейся ситуации, а также вероятные последствия, если проблема останется не решенной. Рассмотрим следующие примеры:

– *Такой вот ход конем, который позволяет коллективному Западу поддерживать травлю России среди гражданского общества. И Беларуси заодно. Ведь мы Союзное государство. Никого не интересуется, что наши военные в украинском конфликте никак не участвуют. Мы не присоединились к травле, и потому Запад еще не раз попытается заставить наших людей оправдываться. За что и перед кем, непонятно. Ведь как раз белорусский Президент и сделал больше всех, чтобы между Россией и Украиной скорее наступил мир. Просто его реальная помощь выглядит не так эпично, как осуждающая толпа с украинским флагом или нецензурные лозунги про русский корабль. Но разве Западу выгодно это заметить? Им нужно шоу [60];*

– *You can get away with a lot in the media, but not, in most outlets, with opposing a war waged by your own nation – unless your reasons are solely practical. If your motives are humanitarian, you are marked from that point on as a fanatic. Those who make their arguments with bombs and missiles are “moderates” and “centrists”; those who oppose them with words are “extremists”. The inconvenient fact that the “extremists” were right and the “centrists” were wrong is today being strenuously forgotten* [61]. ‘Вам может сойти с рук многое в средствах массовой информации, но не в большинстве изданий, когда вы выступаете против войны, которую ведет ваша собственная нация, если только ваши причины не являются исключительно практическими. Если ваши мотивы гуманны, с этого момента вы отмечены как фанатик. Те, кто приводит аргументы бомбами и ракетами, являются «умеренными» и «центристами»; те, кто выступает против них на словах, являются «экстремистами». Тот неудобный факт, что «экстремисты» были правы, а «центристы» ошибались, сегодня усиленно забывается’.

Так, в русскоязычной проблемной статье адресант в выводах после анализа проблемы объясняет травлю России среди гражданского общества в целом и Беларуси в частности тем, что Западу нужно шоу. В англоязычной публикации в компоненте *выводы* адресант размышляет об отношении редакций к журналистам, которые выступают против войны, и затем дает свою оценку сложившейся ситуации.

Независимо от языка проблемной статьи главным жанрообразующим признаком выступает коммуникативная цель, которая заключается в том, чтобы проинформировать адресата о наличии серьезного общественного противоречия, требующего совместных усилий для решения. Говоря о коммуникативно-прагматической направленности исследуемого жанра, обратимся к анализу следующего примера:

Food manufacturers have called on ministers to alleviate labour shortages by allowing them to employ prisoners. This comes as other firms, from hauliers to supermarkets, are also finding themselves short of workers for reasons relating to Brexit and the pandemic. Prisoners could indeed help out, if they are given the opportunity to do real work for a real wage – but a lot would need to change to make this happen, not least the prisons [62]. ‘Производители продуктов питания призвали министров уменьшить нехватку рабочей силы, разрешив им нанимать заключенных. Это связано с тем, что другие фирмы, от перевозчиков до супермаркетов, также испытывают нехватку рабочих по причинам, связанным с Brexit и пандемией. Заключенные действительно могли бы помочь,

если бы им дали возможность выполнять настоящую работу за реальную заработную плату, но для этого нужно многое изменить, не в последнюю очередь в тюрьмах’

Как мы видим из примера, существует проблема оплаты труда заключенных, услугами которых могли бы воспользоваться различные компании, тем самым решив другую проблему – нехватку рабочих. Привлекая внимание адресата к данному вопросу, адресант ставит определенную коммуникативную цель, что и отличает исследуемый жанр проблемной статьи от, например, полемической.

В примере из белорусской русскоязычной прессы мы наблюдаем аналогичную ситуацию: *Директор мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» вынужден обратиться в ГАИ. Причина – проблема с велосипедистами и самокатчиками, которые носятся по мемориалу и мешают людям, пришедшим в Брестскую крепость спокойно почтить память павших. Да и безопасности экскурсантов угрожают, ведь летящий со скоростью под 60 км/ч самокат или велосипед объективно представляет угрозу для окружающих [63]*, где поднимается проблема нанесения вреда памятникам архитектуры.

То есть, как мы видим, в обоих языковых вариантах главным дифференциальным признаком жанра «проблемная статья» является коммуникативная цель – информирование о наличии серьезного общественного противоречия, проблемы, которые требуют решения и стимулирование к ответной реакции.

В свою очередь коммуникативные интенции адресанта представлены следующим набором: 1) информационно-оценочная интенция; 2) убеждение; 3) побуждение; 4) оценка и др. Рассмотрим следующие примеры из белорусской и британской прессы:

– *Конкурентная борьба – суть западной политики. Именно поэтому против нас вводятся санкции [64]*;

– *Brexit formally took effect two years ago this week, but the economic and political consequences are still unfolding. ‘Brexit официально вступил в силу два года назад на этой неделе, но его экономические и политические последствия все еще проявляются’ [65]*.

Как мы видим из примеров, адресанты сообщают адресатам о наличии проблемы (причины экономических санкций, последствия выхода Великобритании из ЕС).

Далее мы наблюдаем реализацию намерения адресанта убедить адресата в серьезности рассматриваемого вопроса:

– *Между тем западные санкции сильно ударили по мировому рынку удобрений (заморожены средства производителей в евробаках,*

в терминалах ЕС арестована продукция, транспортники не дают суда для перевозки грузов). По статистике РЖД, экспортные поставки удобрений в январе – мае 2022 года только из России снизились на 24 % – до 12,5 миллиона тонн. Все это ведет к ломке логистики [64];

– *Analysing the World Values and the European Values surveys, Adler found that centrists in wealthy countries were less supportive of democracy than their counterparts on either the left or the far right. Less than half of centrists in the US thought elections were essential; only 25 % saw civil rights as a critical feature of democracy [65].* ‘Анализируя опросы «Мировые ценности» и «Европейские ценности», Адлер обнаружил, что центристы в богатых странах меньше поддерживают демократию, чем их коллеги как левые, так и крайне правые. Менее половины центристов в США считали выборы необходимыми; только 25 % считали гражданские права важнейшей чертой демократии’.

Из примеров очевиден факт реализации намерения автора убедить читателей в серьезности существующих проблем, которое осуществляется путем приведения статистических данных, а также аргументов, выраженных ссылками на авторитетные источники.

Побуждение к ответной реакции в проблемных статьях, как правило, реализуется через постановку вопросов:

– *Удастся ли с помощью какого-то чуда избежать мирового голода? [64]*

– *If a less democratic world is needed to deal with the climate, who are the people who'd like to bring a less democratic world into being? [65].* ‘Если для борьбы с климатом необходим менее демократический мир, то кто те люди, которые хотели бы создать менее демократический мир?’

Следует отметить, что зачастую вопросы, которые ставит автор проблемной статьи, носят риторический характер, поэтому ответная реакция со стороны адресата не всегда выражается прямыми ответами, а целым откликом, в котором содержатся высказывания по имеющемуся вопросу, размышления, мнение.

Дальнейший анализ практического материала позволил установить, что для реализации воздействия на эмоциональную сферу адресата задействуются различные языковые средства, среди которых лидирует по употребительности эмотивно-оценочная лексика:

– *Этот же механизм сработал на многих людях и теперь. Точнее, его грамотно отработали зарубежные манипуляторы, поднимая в социуме невротическое чувство вины, наказывая отвержением, если ты тоже не осуждаешь.*

Для человека *ощущать свою принадлежность к обществу* – это естественная потребность. И мы обычно *переживаем очень болезненно*, когда нас *подавляюще отталкивают*. В таких случаях зачастую люди начинают искать способы *заслужить принятие* [60];

– *This is a vital counter to the frankly eye-popping number of anonymous exceptionalist briefings from Downing Street employees which talk about the “saviour complex” some staff apparently felt. Unsurprisingly, perhaps, no one has ended up being more elitist than the guys who swept to power promising to smash elites, but who turned out to regard themselves as miles above rules that were followed even in extremis by silly little people like the actual head of state* [66]. ‘Это **жизненно важное противоречие** откровенно сногшибательному количеству анонимных брифингов исключительного характера от сотрудников Даунинг-стрит, в которых говорится о «**комплексе спасителя**», который, **по-видимому, испытывали** некоторые сотрудники. Возможно, **неудивительно**, что никто не оказался **более элитарным**, чем парни, которые **пришли к власти, обещая сокрушить элиты**, но которые, как оказалось, считали себя **намного выше правил**, за которым следовали даже в крайних случаях такие **глупые маленькие люди**, как фактический глава государства’.

В большинстве случаев указанная лексика имеет негативную окраску, что можно объяснить коммуникативной целью проблемной статьи – информирование о существующей проблеме.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что проблемная статья как один из ядерных жанров полемического дискурса печатных СМИ обладает собственной коммуникативной целью, особой интенциональной составляющей и свойственной только ему суперструктурой. Различия между русскоязычной и англоязычной проблемной статьей, на наш взгляд, выражаются при вербализации указанных критериев.

1.3.2 Отклик читателя как структурный элемент полемического дискурса

В конце XX века благодаря активному задействованию нового «транспортного» информационного канала Интернет начинают активно развиваться ряд подтипов медийного дискурса, среди которых и полемический дискурс печатных СМИ, одними из ядерных жанров которого выступают проблемная статья и отклики читателей

на нее, которые реализуют не только функции информирования и воздействия, но и активно задействуют свой коммуникативно-прагматический потенциал для реализации функции соучастия, которая предполагает переход читателей из пассивных потребителей в активных участников за счет комментирования, создания текстовых постов, графического, визуального, интерактивного и иного другого контента. Данный факт определяет необходимость изучения одного из жанров исследуемого нами полемического дискурса печатных СМИ – отклика читателя, поскольку установление его характеристик как самостоятельного жанра внесет определенной вклад в развитие как теории жанров, так и дискурсивного анализа.

Прежде всего, следует отметить, что жанр «отклик читателя» в системе полемического дискурса печатных СМИ имеет в качестве своего прототипа, с одной стороны, такой жанр, как «письмо-отклик», который определяется как «лаконичное и энергично выраженное заявление читателем своей позиции относительно высказанного публичного мнения журналиста о конкретном событии социальной практики, знаменующее начало непосредственного диалога», чья целевая установка – сопоставление оценок события журналистом и читателем [67, с. 54]. С другой стороны, отклик читателя вбирает в себя жанровые признаки комментария, представляющего собой объяснение, толкование к какому-либо тексту; рассуждения, пояснения и критические замечания о чем-нибудь [68, с. 54], трансформируя их в среде полемического дискурса печатных СМИ, что приводит к возникновению самостоятельного жанра.

Как известно, среди жанровых разновидностей комментария выделяют научный комментарий (автор – авторитетный специалист; адресат менее осведомлен, но заинтересован в получении дополнительной информации; объект – роман, его отдельные фрагменты, строки или лексемы; коммуникативная цель – информативная) [45; 69], комментарий-примечание (частный случай научного комментария) (автор – автор произведения, либо редактор, либо переводчик; адресат – широкий круг читателей, которых заинтересует данная тема; объект – отдельные лексемы, исторические факты, имена собственные, то есть то, что может быть не понято адресатом; коммуникативная цель – выравнивание фоновых знаний автора и адресата) [45; 69], комментарий в печатных СМИ (автор – осведомленный автор, который делится сведениями с широким кругом читателей; адресат – широкий круг читателей, которых заинтересует данная тема; объект – какое-либо одно событие, вызвавшее интерес у читателей; коммуникативная цель –

информативная) [45; 69], аналитический комментарий (автор – журналист-публицист, известные общественные и политические деятели; адресат – широкий круг читателей, которых заинтересует данная тема; объект – любой элемент жизни общества, который воспринимается этим обществом неоднозначно; коммуникативная цель – воздействующая) [45; 69], протестный комментарий (автор – колумнист, блогер, известный журналист, общественный деятель, медийное лицо, мнение которого интересно другим людям, «человек, абсолютно не приемлющий действия как законодательной, так и исполнительной власти» [70, с. 268]; адресат – читатели, разделяющие взгляды и убеждения автора; объект – какое-либо устное или письменное заявление властей, принятый закон, выдвинутые инициативы и т. д., событие; коммуникативная цель – апелляция к читателю), интернет-комментарий (сетевой комментарий) (автор – читатель, желающий выразить свое мнение/оценку по теме публикации в СМИ; адресат – автор публикации и/или широкий круг читателей, которых интересует данная тема; объект – светские новости, городские события, события местного или мирового масштаба, происшествия, криминал; коммуникативная цель – выразить отношение, чаще всего негативное, к комментируемому событию или его герою) [71, с. 169].

А. В. Колесниченко под комментарием понимает «расширение новости с целью ее разъяснения или оценки» [43, с. 73], выделяя разъясняющий комментарий (посвящен причинам или подробностям события, целям участников или взаимосвязи события с другими сферами жизни) и оценивающий комментарий (автор хвалит или критикует нечто, являющееся хорошим или плохим, красивым или ужасным, полезным или ненужным) [43, с. 73–74]. В зависимости от стратегии автор разграничивает четыре вида комментариев: «точка зрения» (пропаганда автором своего мнения), дискурсивный (автор стремится представить различные позиции), диалектический (представляет две точки зрения, которые идеальным образом отражают два возможных взгляда на проблему) и глоссированный (не анализ события, а нападение на реальность, которая воспринимается как плохая, несправедливая или фальшивая) [43, с. 75–79].

А. А. Тертычный рассматривает комментарий как самостоятельный жанр, целью которого является выражение авторского (журналистского) отношения к актуальным событиям, формулировка связанных с ними задачами и проблемами в форме сжатого анализа недостатков или достижений, а также выражение их оценки, прогноза развития и т. д. «Комментарий разнит от информационных жанров

именно наличие анализа. От статьи, обозрения, обзора и прочих аналитических жанров комментариев отличается тем, что в нем обычно анализируется какое-то явление, уже известное аудитории, и в этом анализе превалирует отношение к предмету отображения» [54, с. 31].

Рассматривая отклик читателя как жанр полемического дискурса белорусских и британских печатных СМИ с учетом существующих определений и набора жанрообразующих признаков, мы приходим к следующим выводам. Отклик читателя представляет собой подтип комментария, характеризующийся относительной самостоятельностью, поскольку его появление в медийном пространстве определяется выходом полемической публикации в печать. То есть речь идет о вторичном тексте. Коммуникативной целью жанра является выражение точки зрения, рассуждения, пояснительные и критические замечания по проблеме, описанной в полемической публикации, с целью поиска возможных решений существующей проблемы. При анализе отклика читателя наблюдается тематическая связность, которая задается автором проблемной статьи. Автором является читатель, личность которого, как правило, скрывается за псевдонимом или вымышленным именем. В данном случае мы можем предположить, что за вуалью «имени» может скрываться как простой обыватель, так и эксперт, журналист и др., то есть адресатами могут быть все заинтересованные лица.

Дальнейший анализ жанра показал, что по своей коммуникативной природе он реактивный, то есть нацелен на продолжение коммуникации, поскольку сам отклик читателя может стать объектом следующего отклика. Главным же отличием от других подтипов комментария остается тематическая спаянность с проблемой, описанной в полемической публикации в прессе.

Говоря об интенциональной составляющей откликов, можно выделить следующий набор интенций, свойственных для данного жанра: информативно-оценочная, оценка, убеждение, предупреждение, возращение, предложение, совет, мнение, согласие/несогласие и др.

При рассмотрении структурно-семантического критерия в ходе анализа откликов читателей в белорусской и британской прессе мы пришли к выводу, что можно выделить несколько наиболее встречаемых типов содержательной структуры и перечень их семантических компонентов:

- 1) мнение (о всей/части проблемной статьи/проблеме) – предполагаемое решение;
- 2) мнение (о герое/ях проблемной статьи) – сравнение – вывод;

- 3) мнение – анализ – выводы;
- 4) мнение – возможные последствия;
- 5) мнение – вывод;
- 6) лид (цитата из полемической публикации) – анализ – выводы;
- 7) мнение – анализ – выводы;
- 8) мнение.

Рассмотрим следующие примеры откликов на русском и английском языках:

Людмила Земскова: Текст подробный и правильный, что уж обленились читать?! (мнение) А меры нужно принимать жесткие в денежном эквиваленте (вывод).

Валентина Мялик: Эта проблема становится актуальной повсеместно, мешает движению пешеходов и транспорта (мнение), и ее СРОЧНО надо решать, очень много пострадавших, если ГАИ сами не могут справиться, надо на уровне решать, подключать ПРЕЗИДЕНТА!!!!!! (вывод).

Alexei Mitrofanov: Валентина Мялик (обращение), когда в моде были скутеры, кто-то хорошо написал: «Скутерист – это человек со скоростью автомобиля, защищенностью пешехода и представлениями о ПДД дворняги» (мнение).

Валентина Мялик: Alexei Mitrofanov, ой, ну что вы (обращение), скутеристов было не так много, и их быстро перевели на специализированные площадки для занятий (мнение), а тут просто по тротуару не пройти спокойно, а на машине не проехать переход, могут вылететь со скоростью и без остановки, а также и на проезжей части (анализ).

Эва Кульбенковска: Мемориальный комплекс существует, чтобы люди могли прийти и почтить память защитников Брестской крепости, а не уворачиваться от несущихся велосипедистов и едущих на самокатах людей (мнение). Если люди не понимают очевидного, значит должно следовать существенное наказание рублём. Альтернативы здесь не должно быть (вывод).

Татьяна Греча: Прошлым летом этого не было. Я посещала мемориал (анализ). А сейчас все расслабились. Только большие штрафы! Это отрезвляет! (вывод).

Tanuа Tsudik: Полностью согласна (мнение). У нас в Гродно есть памятник пограничникам. Там постоянно находятся группы подростков и дети, которые катаются по священному месту на скейтах, роликах. Рядом, часто, есть взрослые. Однако, на мое замечание на то, что это, фактически, святое место, ответ

взрослых: «Ну и что? А где детям кататься?...» (сравнение) Считаю, что катание в таких местах должно быть запрещено законодательно и наказываться, пока до людей не дойдет (вывод).

Елена Тапанг: *Tanya Tsydik, и вот еще поэтому властям города стоит подумать и организовать специально отведенные места для активного отдыха подобного рода, т. к. действительно мест с ровной хорошей поверхностью для катания на скейтбордах и роликах очень мало (я из Минска) (мнение). Вижу, как порой в подземном переходе катаются (анализ).*

Все-таки пусть лучше ребята спортом занимаются, чем сидят по подворотням (вывод).

Жанна Жанна: *Я считаю, что такие места нужно посещать только пешком! Должен быть запрет на катание на самокатах и велосипедах в таких местах (мнение). Это ведь не парк культуры и отдыха и не зона для велопрогулок. Это место подвига памяти и скорби ... (выводы) [72].*

Pipsqeeekandwilfred: Excellent article (мнение). The Tories are a cultural wasteland and have decimated the Arts for as long as I can remember which is a long time. As long as its Elgar P&C No1 on a loop they are happy. Very depressing (анализ). I hope I live long enough to see 'Murdoch' running/ruining the Proms broadcast on Talk TV of course ... (выводы). 'Отличная статья. Тори – это культурная пустошь, и они уничтожали искусство, сколько я себя помню, а это уже давно. Пока Элгар P&C №1 на связи, они счастливы. Очень удручающе. Я надеюсь, что проживу достаточно долго, чтобы увидеть, как «Мердок» ведет/разрушает трансляцию выпускного вечера на Talk TV, конечно...'

JuneJunes: If Britain is becoming a cultural desert you're only noticing because the cities are catching up with everywhere else (мнение). 'Если Британия становится культурной пустыней, вы это замечаете только потому, что города догоняют все остальные страны'.

Johannes07051833: Dear Mr Kettle (обращение), I believe it was Kenny Everett who said: "Classical music is the music you listen to when you grow up" (мнение). It's about time this country did the same (вывод). 'Уважаемый г-н Кеттл, кажется, Кенни Эверетт сказал: «Классическая музыка – это музыка, которую вы слушаете, когда вырастаете». Настало время и этой стране сделать то же самое'.

Manoftheworld: There is only one way to put it. Many Britons are philistines and the prevailing popular culture and values are trashy. Far from being deep, it is not even shallow. I was listening this morning to a "young" opera in Paris where young and previously untested opera

singers are coached, directed and allowed to perform serious pieces on stage. They are given all the paraphernalia to perform that the established professionals have access to (анализ).

French civil society invests heavily in high culture and recognises it as a value that needs to be nurtured for its own sake. In Britain, if you can't make the financial case, it doesn't make it. Money is not the only value (мнение). *And Britain is the worse for monetising just about everything. It leads to a self-reinforcing ignorance* (выводы). 'Есть только один способ выразить это. Многие британцы – филистеры, а преобладающая массовая культура и ценности – дрянные. Они не только не глубоки, но даже не поверхностны. Сегодня утром я слушал «молодую» оперу в Париже, где молодых и ранее непроверенных оперных певцов тренируют, направляют и позволяют им исполнять серьезные произведения на сцене. Им предоставляются все атрибуты для выступления, к которым имеют доступ признанные профессионалы.

Французское гражданское общество вкладывает большие средства в высокую культуру и признает ее как ценность, которую нужно развивать ради нее самой. В Британии, если вы не можете сделать финансовое обоснование, оно этого не делает. Деньги – не единственная ценность. И Британия хуже всего тем, что монетизирует практически все. Это приводит к самоусиливающемуся невежеству'.

Wiltsbloke: It's the lowest common denominator where any rubbish is called culture, because it comes from "the street" (мнение).

We are drifting further away from anything of value as Tik Tok becomes the medium for supposed artistic expression (анализ). *Put simply people are calling any old bollocks art and culture* (вывод) [73]. 'Это наименьший общий знаменатель, когда любой мусор называется культурой, потому что он приходит с «улицы».

Мы все дальше отдаляемся от чего-либо ценного, поскольку Tik Tok становится средством для предполагаемого художественного выражения. Проще говоря, люди называют любую старую чушь искусством и культурой'.

Возможны и иные варианты структурно-семантической организации откликов читателей, поскольку данный жанр, будучи вторичным, с одной стороны, уже оформился и приобрел характерные устойчивые признаки. С другой стороны он по-прежнему остается подвержен «стихийности» виртуальной среды, и его структура остается открытой.

Говоря о языковой репрезентации текстов откликов читателей, в них сочетается публицистический (в малой степени) и разговорно-бытовой стиль с обилием просторечных выражений,

экспрессивно-оценочных лексем, пейоративной лексики, присутствуют орфографические, пунктуационные и грамматические ошибки, что доказывает то, что автором может быть любой читатель прессы, как в следующих примерах:

– *Ирина Руденко: Элитное жилье. С консьержками, шлагбаумами. Что не так? Зажрались ребята. Захотелось перемен* [74];

– *DaveTroll: Some dodgy business, I imagine. Cooking up some conspiracies? Trimp-licking?* ‘Полагаю, какой-то хитрый бизнес. Готовите какие-то заговоры? Облизывание Тримпа?’ [75]

Таким образом, отклик читателя есть результат интерпретации первичного текста (прототекста) реципиентом, в результате которой содержание текста полемической публикации пропускается «сквозь призму когнитивной базы реципиента в контексте знаний, опыта, ценностей интерпретатора, его картины мира» [76], и образуется вторичный текст, относительно самостоятельный дискурсивный жанр, характеризующийся собственной коммуникативной целью, интенциональной составляющей, участниками, структурно-семантическими характеристиками, и являющийся структурным элементом полемического дискурса печатных СМИ.

1.4 Полемический дискурс печатных СМИ: когнитивный аспект

Как известно, при создании текстов в средствах массовой информации большое значение отводится когнитивному подходу, когда особым образом учитывается употребление основных средств языка, которые могут различаться, к примеру, в разных лингвокультурах, поскольку данная практика позволяет установить особенности моделирования когнитивных структур, а также процессов и механизмов речемыслительной деятельности, связанных с осуществлением выбора языковых единиц в медийном дискурсе в целом и полемическом дискурсе печатных СМИ в частности.

Поскольку изучение когнитивных свойств языковых явлений в связи с их функционально-коммуникативными свойствами вносит вклад в разработку когнитивно-коммуникативной модели дискурса, представляется интересным установление набора концептов, формирующих полемический дискурс белорусской и британской прессы, а также языковых средств репрезентации данных концептов. Помимо этого, анализ базовых и периферийных концептов как структур

хранения знаний в полемическом дискурсе печатных СМИ будет способствовать выявлению их структурно-содержательных, когнитивных свойств.

Как отмечалось нами ранее, важная особенность антропоцентрического направления в лингвистике – повышенный интерес со стороны исследователей к установлению закономерностей взаимодействия и взаимообусловленности между поведением человека и его ментальности. Прагматический анализ ситуативного контекста в совокупности с когнитивным анализом внутреннего контекста, которые не могут существовать друг без друга, применяемые лингвистами при типологии дискурсов, способствуют установлению специфики коммуникации в той или иной сфере человеческой жизнедеятельности.

Изучению ментальной сферы (области концептуализации) посвящены работы многих исследователей (Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик и др.), в которых подробно освещаются вопросы, связанные с моделированием когнитивного пространства человека посредством различных типов текстов [77, с. 68]. Контексты, представляя собой когнитивные структуры или блоки знаний, стоят за языковыми значениями слов и обеспечивают их понимание [78, с. 25]. В качестве основной единицы ментальности исследователи выделяют концепт как «отпечаток духовного опыта человека определенной культуры» [79, с. 9].

В настоящей работе мы трактуем концепт как весь потенциал значения слова, включающий в себя, помимо основного смысла, комплекс ассоциативных приращений, реализующихся в речи при определенном наборе слов в контексте. То есть, концепт рассматривается нами как структурный элемент языковой картины мира, формирующийся в результате когнитивной деятельности участников коммуникации, которому свойственна динамичность, детерминированная дискурсивно-коммуникативными условиями его реализации в том или ином типе дискурса. Концепт принадлежит не только уровню ментальных представлений или уровню культуры, но и является единицей, которая объединяет эти уровни в реальной коммуникации.

Результаты проведенных ранее исследований свидетельствуют о том, что в вербализации концептов принимают участие слова, сложная номинация, симиляры, контекстуальные синонимы, окказиональные индивидуально-авторские номинации и др. Вербализация концепта как ментального стереотипа в дискурсе позволяет адресанту и адресату адекватно воспринимать информацию, определять суть содержания высказываний и структуру дискурса в целом [77, с. 70].

1.5 Полемический дискурс печатных СМИ: лингвопрагматический аспект

Вопросы эффективной коммуникации, находящиеся в фокусе лингвистических исследований, позволил получить представление о лингвистической теории речевых стратегий, объясняющей когнитивные процессы планирования и контроля в рамках русского дискурса [80], коммуникативных стратегиях и коммуникативных структурах [81], коммуникативных стратегиях цифровой дипломатии [82], вербального утешения [83], конфронтационных коммуникативных стратегиях [84] и др. Однако процесс коммуникации не стоит на месте, появляются новые жанры, типы дискурсов, наблюдается конвергенция и гибридизация жанров, поэтому тактико-стратегический репертуар постоянно видоизменяется, обогащается, так как реализация воздействующей функции требует больших информационно-аналитических затрат.

Как показал анализ научной литературы, наибольшее количество научных работ в рамках тактико-стратегической организации дискурсов посвящено коммуникативному взаимодействию в политической, юридической и рекламной сферах [85; 86; 87; 88; 89; 90; 91; 92; 93]. В свете популярности перечисленных дискурсов полемический дискурс печатных СМИ также выходит на передний план, поскольку меняются условия протекания коммуникации (глобальный доступ к СМИ через Интернет), растут конфликтные проявления в обществе, появился искусственный интеллект и т. д., что вызвало необходимость менять тактико-стратегический арсенал, используемый коммуникантами в представлении/получении информации и оказании воздействия на адресата. Полемический дискурс печатных СМИ до сих пор остается мало изученным с точки зрения своей лингвопрагматической организации и набора языковых средств, которые вербализуют этот тактико-стратегический набор.

При рассмотрении коммуникативных стратегий и тактик важно, на наш взгляд, учитывать тот факт, что высказывания, оформленные в речь, не только передают информацию в виде сообщений, но и служат достижению цели того или иного дискурса – побудить к действию, убедить, обсудить, стимулировать контактоустановление и др., то есть перестроить категориальную структуру индивидуального сознания с внедрением в нее новых категорий [94, с. 20]. Для осуществления успешного речевого воздействия, эффективность которого определяется мерой совпадения цели воздействия и его результата [95], необходимо владеть коммуникативными стратегиями и тактиками.

Существуют различные трактовки коммуникативной стратегии. Так, Е. В. Вохрышева трактует данное явление как «базовую единицу деятельностного представления диалогического взаимодействия на всех уровнях его осуществления. Она представляет собой множество вариантов речевых реализаций, возможных в конкретных коммуникативных обстоятельствах и отражающих весь спектр смысловых потенций, а также процесс выбора коммуникантом одного варианта из множества других» [96]. По мнению автора, «специфика коммуникативной стратегии носит когнитивно-деятельностный характер и заключается в двойственности ее функционирования как структурно-когнитивного образования, включающего множество вариантов реализации, и процессуального, связанного с выбором определенного варианта» [96]. Важным здесь видится представление о гибкости коммуникативной стратегии и ее способности подстраиваться под определенные условия.

По словам О. С. Иссерс, речевая стратегия – это «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей, который включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [97, с. 100].

О. Н. Паршина понимает рассматриваемую категорию как «определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [98, с. 11].

Выделяют стратегии кооперации, играющие гармонизирующую роль и способствующие конструктивному достижению взаимовыгодных результатов в коммуникативной ситуации [99], и конфронтации, представляющие модели речевого взаимодействия или поведения, в которых используется ряд вербальных и невербальных дискурсивных средств, направленных на достижение определенного коммуникативного результата в конфликтной ситуации [100].

В монографии под коммуникативной стратегией понимается комплексное планирование процесса воздействия на адресата в процессе речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения, личных особенностей партнеров по коммуникации, их коммуникативных целей, прогнозирование результатов общения, а также осуществление этого плана [101; 102; 103; 104].

Коммуникативные тактики в свою очередь могут рассматриваться как практические инструменты адресанта, которые выражают, в отличие от стратегии, определенные коммуникативные намерения коммуниканта [105]. При этом тактики можно выявить посредством анализа текста, поскольку каждая тактика актуализуется с помощью определенного набора языковых средств.

Одна коммуникативная стратегия может реализовываться целым набором разнообразных тактик [103]. Вместе с тем для реализации различных коммуникативных стратегий могут привлекаться одни и те же тактики. Следовательно, при описании конкретного тактико-стратегического наполнения следует исходить из целей и ракурса анализа, типа дискурса, его жанровой разновидности.

Так, в англоязычном деловом дискурсе выделяются стратегии контактирования (тактики приветствия, вежливости, непринужденной беседы, благодарности, активного слушания, распределения / предоставления / перехвата / удержания инициативы, смены темы, вывода, прощания, подготовки почвы для дальнейшего общения и др.); усиления прагматического воздействия (тактики метафоризации, иронии, настойчивого повторения, аннотирования, сопоставления, утверждения в вопросительной форме, похвалы, обещания, оценки, подчеркивания качественных / количественных показателей, создания чувства общности, идентичности, апелляции к нормам / опыту / авторитету, поддерживающего контекста, комбинирования логических связей, просьбы, запроса, приказа, предложения, мозгового штурма, отказа, согласия и др.); ослабления прагматического воздействия (тактики вежливости, вуалирования, игнорирования, сдерживания эмоций, неискреннего согласия и др.); скрытого воздействия (тактики преувеличения, приуменьшения, метафоризации, иронии, «свой круг», апелляции к авторитету, стереотипизации, эвфемизации и др.); распознавания и нейтрализации прагматического воздействия (тактики частичного согласия, отказа с альтернативой, отказа при сохранении баланса отношений, разоблачения, ультиматума, подчинения, превентивной борьбы, игнорирования и др.) [106].

В американском политическом дискурсе выделяют стратегии дискредитации, подчинения и убеждения, захвата инициативы и контроля над ситуацией, самозащиты, каждая из которых обладает собственными способами языковой реализации через тактики «анализ-«минус», личное и безличное обвинение, обличение, оскорбление, издевка и насмешка, угроза, приказ, упрек и призыв, положительная саморепрезентация [107].

При анализе полемического публицистического дискурса Т. Б. Троицкая рассматривает полемику «с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода через призму конституирующих ее тактик» [108]. Автор дает определение полемической дискурсивной стратегии и классифицирует конституирующие ее тактики [109]. Под полемической стратегией понимается «проективное концептуальное видение

субъектом своего дискурсивного поведения, направленного на корректировку модели мира адресата, видение, основанное на интенции разрешения или обострения конфликтной ситуации, и способов ее выражения в конкретных языковых средствах» [108]. Мы согласны с Т. Б. Троицкой, что социальный контекст и тип дискурса влияют на реализацию полемической стратегии, и в публицистике ее цель – формирование мнения читателя, которому адресант «стремится показать и доказать ошибочность точки зрения оппонента» [108]. Автор разграничивает прямую полемическую стратегию, реализующуюся тактиками, которые репрезентируют отношения между коммуникантами. Косвенная полемическая стратегия, по словам Т. Б. Троицкой, «выстраивается преимущественно за счет тактик, эксплицирующих отношение автора к проблеме» [108]. Однако, анализируя предложенный подход к определению полемической стратегии, мы не совсем согласны с автором в том, что полемика является дискурсивной стратегией, «представляющей собой когнитивный процесс планирования дискурсивного поведения в виде совокупности альтернативных способов действий, интенционально ориентированный на убеждение адресата и одновременное опровержение позиции оппонента, а также реализацию этого плана в дискурсе» [108]. Полемика – это вид диалогического (устного и письменного) взаимодействия между коммуникантами, имеющими различные (противоположные) точки зрения относительно обсуждаемого вопроса, целью которого является утверждение своей позиции и опровержение другой при помощи достаточной и убедительной аргументации. Поэтому полемику нельзя отождествлять со стратегией. Полемика реализуется в дискурсе через определенный набор стратегий, которые в своей совокупности детерминированы полемической природой дискурса и подчинены ей в плане своей лингвистической организации через определенные тактики. Поскольку полемический дискурс печатных СМИ представлен не одним жанром писем читателей [110], а различными жанрами, которые характеризуются наличием в своей структуре полемического компонента разной степени выраженности, то его коммуникативно-прагматические характеристики будут представлены тактико-стратегическим комплексом, реализующим в своей совокупности цель исследуемого дискурса. Поэтому актуальным представляется установление набора стратегий и тактик, а также особенностей их вербализации в сопоставительном аспекте, которые используются для реализации цели полемического дискурса печатных СМИ.

1.6 Полемичность дискурса печатных СМИ и ее индексирование

Как отмечалось нами ранее, при рассмотрении полемической природы дискурса следует учитывать его цель, жанры текста, входящие в структуру этого дискурса, а также весьма важным на наш взгляд представляется разработка системы индексов, которые бы позволили определить степень выраженности полемичности в отдельном жанре печатных СМИ и дискурсе в целом, что позволит получить достаточно объективные качественные характеристики полученных данных.

Говоря о полемичности текстов жанров, формирующих дискурс печатных СМИ, следует отметить, что практически каждый из них по своей природе полемичен, потому что адресант анализирует информацию, основанную на событиях современной жизни и социально-экономических, политических, медицинских и др. проблемах, противоречиях. Однако степень выраженности полемичности в тексте каждого жанра может различаться. На наш взгляд, полемичность текста находит отражение в полемическом компоненте, который представляет собой совокупность структурно-композиционных элементов текста определенного жанра в рамках институционального дискурса, объединенных когнитивно-семантическими и коммуникативно-прагматическими признаками полемичности как системообразующей категории дискурса.

Структурно-композиционными признаками полемичности в исследуемом дискурсе выступают такие блоки текста, как *постановка проблемы* (блок текста того или иного жанра печатных СМИ, в котором сообщается о сложном теоретическом или практическом вопросе, требующем изучения, разрешения, формирования идеи, концепции для поиска ответа (решение проблемы) с проверкой и подтверждением в опыте), *оценочный блок* (в котором устанавливается значимости проблемы/вопроса для действующего и познающего субъекта), *комментарий* (блок текста, в котором приводятся рассуждения, пояснительные и критические замечания о существующей проблеме/вопросе), *мнение* (в котором приводятся убеждения, суждения, умозаключения, выводы, точки зрения по теме, основанное на интерпретации фактов или эмоциональном отношении к ним со стороны адресанта).

Каждый блок обладает собственными когнитивно-семантическими и коммуникативно-прагматическими признаками, которые имеют *индекс плотности*, *индекс интенсивности* и *индекс выразительности* полемического компонента.

Индекс плотности полемического компонента рассчитывается по формуле $Dns = nprop / nsent \cdot nbl$, где Dns – это плотность полемического компонента полемического дискурса печатных СМИ, $nprop$ – общее число пропозиций, входящих в структурно-композиционный блок, $nsent$ – общее число предложений, входящих в структурно-композиционный блок, nbl – общее число структурно-композиционных блоков в полемическом тексте [111].

Индекс интенсивности когнитивно-семантических признаков полемического компонента текста того или иного жанра рассчитывается по формуле $Ints = nactn(+ncirc) / tnaactn(+circ) \cdot nprop$, где $Ints$ – индекс интенсивности когнитивно-семантических признаков, $nactn(+ncirc)$ – количество актантов/сирконстантов со значением ‘спор’, ‘дискуссия’, ‘вопрос’, ‘проблема’, ‘перебранка’, ‘обсуждение’, ‘противостояние’, ‘мнение’ $tnaactn(+circ)$ – общее число актантов/сирконстантов в пропозициях, формирующих блоки полемического компонента, $nprop$ – количество пропозиций, входящих в структурно-композиционные блоки полемического компонента полемического дискурса печатных СМИ [112].

Индекс выразительности рассчитывается по следующей формуле: $Expr = nexpm / nsent(bl) \times nsent(t)$, где $Expr$ – индекс выразительности, $nexpm$ – количество языковых средств выражения полемического смысла, $nsent(bl)$ – количество предложений в полемическом компоненте исследуемого дискурса, $nsent(t)$ – количество предложений в тексте (всего) [113].

Система индексов позволяет отнести жанры полемического дискурса печатных СМИ к ядру (60,1–100), ближней (30,1–60) и дальней периферии (< 10–30), а также буферной зоне (0). Чем выше индекс, тем выше полемичность жанра.

Полученные данные лягут в основу выстраивания когнитивно-коммуникативной модели полемического дискурса печатных СМИ в соответствии со следующими этапами:

1. Определение цели дискурса.
2. Выявление прототипических характеристик типовых участников.
3. Установление ведущих интенций и языковых средств их репрезентации в полемическом дискурсе печатных СМИ.
4. Выделение структурных элементов исследуемого дискурса и особенностей их вербализации.
5. Определение концептосферы полемического дискурса печатных СМИ и специфики ее языковой экспликации.
6. Установление закономерностей тактико-стратегической организации полемического дискурса и ее языковых характеристик.

2 КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА БЕЛОРУССКИХ И БРИТАНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

2.1 Структура макроконцепта «полемичность» в полемическом дискурсе на материале неблизкородственных языков

Как показывает анализ литературы и результатов лингвистических исследований, на современном этапе развития массовых коммуникаций медийный дискурс, в целом, и полемический дискурс печатных СМИ, в частности, являются одними из наиболее разрабатываемых предметов лингвистического анализа.

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы представленные в дискурсе концептуальные социальные идеи, изучаются в непосредственной связи с познавательной деятельностью человека, с ценностными системами лингвокультуры, поскольку в рамках дискурса на основе концептуальных представлений адресанта и адресата происходит организация лингвистической и экстралингвистической информации для коммуникативного взаимодействия в соответствии с основной прагматической установкой дискурса. В связи с этим целесообразным представляется выявление дискурсообразующих концептов в полемическом дискурсе печатных СМИ на материале белорусской и британской прессы, установление признаков их вербального плана, что позволит определить роль исследуемого дискурса как среды формирования концептуального содержания, как своего рода регулятора коммуникации, создающего вокруг себя дискурс.

Мы согласны с Н. В. Крючковой, что концепт представляет собой структуру хранения знаний и выполняет ряд коммуникативных функций, получая содержательную определенность в коммуникации [114]. Справедливо считать, что «...адекватный анализ дискурса должен осуществляться параллельно в двух направлениях – фиксация и каталогизация ментальных единиц, образующих его смысловое пространство, с одной стороны, и выявление способов и закономерностей их материализации – с другой» [115, с. 106]. В связи с этим мы обращаемся к анализу концептосферы полемического дискурса печатных СМИ и его смыслообразующих концептов.

Как показали результаты ранее проведенных исследований, макроконцептом в полемическом дискурсе печатных СМИ является

«полемичность», которая объективируется лексемами *полемика* (рус. яз.) и *polemic* ‘полемика’ (англ. яз.), а также словосочетаниями *вести полемику*, *вступить в полемику*, которые объективируют макроконцепт через представление действия, связанного с полемическим характером взаимодействия между коммуникантами. В связи с этим лексему *полемика* можно принять за ключевое слово-репрезентант.

Синонимический ряд ключевого слова представлен следующими лексемами: *дебаты*, *дискуссия*, *диспут*, *пикировка*, *прения*, *препирательство*, *перебранка*, *словопрение*, *спор*, *эристика* [116]; *argument* ‘спор’, *attack* ‘нападение’, *debate* ‘дебаты’, *dispute* ‘спор’, *controversy* ‘противоречие’, *rant* ‘декламация’, *tirade* ‘тирада’, *diatribe* ‘диатриба’, *invective* ‘инвектив’, *philippic* ‘филиппик’ [117]. Далее был проведен ассоциативный эксперимент.

По результатам дефиниционного анализа и ассоциативного эксперимента полученные данные были подвергнуты процедуре когнитивной интерпретации и сформулированы следующие когнитивные признаки макроконцепта «полемичность» в русском и английском языках:

– ‘свойство устного/письменного текста выразить полемический смысл’;

– ‘процесс, связанный с решением проблем, вопросов, отстаиванием собственного мнения’.

Незначительные отличия были зафиксированы в периферии: рус. яз. – ‘многозначность’, ‘состояние напряженно-внимательного ожидания чего-л.’; англ. яз. – ‘то, что может причинить неприятность’, ‘состояние напряженно-внимательного ожидания чего-л.’.

Придерживаясь точки зрения М. В. Пименовой о том, что макроконцепт – это «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родовидовыми отношениями» [118, с. 157], для установления максимально полного представления о макроконцепте «полемичность» в целом и концептосфере полемического дискурса печатных СМИ в частности мы считаем важным установить набор концептов, являющихся гипонимами по отношению к исследуемому макроконцепту и несут в себе дополнительные когнитивные признаки макроконцепта «полемичность».

Для установления набора распространенных концептов 170 белорусским русскоговорящим респондентам и 170 британским англоговорящим респондентам было предложено ответить на следующий стимул: «Напишите напротив лексемы “полемичность” первое слово, которое приходит в голову. Для ответа использовать только одно слово /

Write the first word that comes to mind next to “polemic nature”. Use only one word for your answer». Результаты показали, что объективация исследуемого концепта в русском языке в 97,6 % случаев осуществляется лексемой *полемика*, в английском языке – *polemic* ‘полемика’ в 96,8 % случаев. Она наиболее обобщенно выражает значение полемичности. Далее респондентам был предложен следующий стимульный вопрос: «Запишите в течение 10 секунд слова или словосочетания, которые приходят вам первыми на ум, когда вы слышите «полемическая публикация в прессе». В ходе эксперимента было получено 557 ассоциатов на русском языке и 584 – на английском. Анализ полученного материала позволил установить набор одинаковых, различающихся и единичных реакций, предложенных респондентами, которые далее были подвергнуты семемному анализу. В результате удалось установить, что в поле макроконцепта «полемичность», который представляет родовое понятие по отношению к другим концептам, вошли такие концепты базового уровня, как «полемика», «проблема», «болезнь», «война», «противостояние» и др., каждый из которых имеет собственную организацию и широкий спектр средств оязыковлениия, и по отношению к макроконцепту «полемичность», то есть, ментальному образованию более высокого порядка, перечисленные концепты являются самостоятельными в его составе. Совокупность всех концептов формируют концептосферу полемического дискурса печатных СМИ.

Так, «полемика» как концепт имеет следующие семантические признаки, отраженные в словарных дефинициях в русском и английском языках: спор в процессе обсуждения чего-нибудь [119], спор при обсуждении, выяснении каких-н. проблем, вопросов [120], спор в печати, на диспуте, на собрании и т. п. при обсуждении каких-л. вопросов [121]; a piece of writing or a speech in which a person strongly attacks or defends a particular opinion, person, idea, or set of beliefs ‘письменное или речевое произведение, в которой человек резко нападает или защищает определенное мнение, человека, идею или набор убеждений’ [122]. Как мы видим, имеет место некоторое совпадение в значениях с той лишь разницей, что в русском языке ставится акцент на виде письменной/устной речи – ‘споре с целью выяснения проблем, вопросов’, что выделяет этот признак как ядерный, в то время как в англоязычном варианте концепта «полемика» семантическим признаком в зоне ядра будет являться ‘отстаивание мнения в письменной или устной форме’. Указанные признаки рассматриваются нами как соотносящиеся с базовым слоем концепта. Рассмотрим следующие русскоязычные примеры:

– Заодно в пылу **полемики** глава польского правительства напомнил юго-восточным соседям, что у Польши есть свои геополитические интересы, в числе которых – модернизация и современное перевооружение собственной армии, а поэтому Киеву придется забыть о военных поставках при посредстве Варшавы [123];

– И мне очень понравились как его доклад, так и дискуссия, которая шла, задаваемые вопросы. Была даже **полемика** между председателем КГК и одним из сенаторов. Это нормальная политическая жизнь [124];

– Но по мере ведения политической **полемики** и в силу необходимости выделить и обособить именно «свой» электорат, дать ему лозунги и мотивировать к голосованию за себя, позиции двух кандидатов постепенно расходились [125].

Из примера мы видим, что полемика видится как спор, который возник во время решения проблемы, вопроса.

Также в ходе анализа русскоязычного материала было установлено, что ядро концепта представлено семантическим признаком ‘отстаивание мнения в письменной или устной форме’, который свойственен для англоязычного концепта:

*Именно этот период истории Беларуси подвергается массовой атаке наших политических оппонентов. Главные позиции **полемики**: отрицается всенародный характер Великой Отечественной войны, заявляется, что на нашей территории была гражданская война [126].*

В англоязычном примере мы встречаем следующее употребление лексемы *polemic* ‘полемика’:

– *Her final point, in this satisfying **polemic**, is that women’s ability to manage conflicting demands could bring complexity and nuance to solving world problems and help us all navigate territories of contradiction [127].* ‘Ее последнее замечание в этой удовлетворительной **полемике** заключается в том, что способность женщин управлять противоречивыми требованиями может привнести сложность и нюансы в решение мировых проблем и помочь нам всем ориентироваться на территориях противоречий’;

– *David Dimbleby has suggested Emily Maitlis’s Newsnight monologue about Dominic Cummings was more of a “**polemic**” and her remarks should have been phrased as questions [128].* ‘Дэвид Димблби предположил, что монолог Эмили Мейтлис Newsnight о Доминике Каммингсе был скорее «**полемикой**», и ее замечания следовало формулировать как вопросы’;

– *Titles on the list range from Eddo-Lodge's **polemic** on race to Virginia Woolf's A Room of One's Own and Anne Frank's The Diary of a Young Girl. Eddo-Lodge's book, which won the the Jhalak prize for the best book by a British writer of colour, received 12 % of the public vote [129].* ‘Названия в списке варьируются от **полемики** Эддо-Лоджа о расовой принадлежности до «Собственной комнаты» Вирджинии Вульф и «Дневника молодой девушки» Анны Франк. Книга Эддо-Лоджа, получившая премию Джалака как лучшая книга цветного британского писателя, получила 12 % голосов публики’.

Как мы видим из примера, в британском полемическом дискурсе печатных СМИ ядро концепта представлено семантическим признаком ‘отстаивание мнения в письменной или устной форме’, который относится к базовому слою благодаря его фиксированности в лексикографических источниках. Других ядерных семантических признаков в проанализированных контекстах установлено не было.

Таким образом, ядро концепта «полемика» в русскоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ характеризуется наличием двух семантических признаков, в то время как ядро концепта «полемика» в англоязычном полемическом дискурсе образуется только одним значением ‘отстаивание мнения в письменной или устной форме’, образующим базовый концептуальный слой.

Далее нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, по результатам которого был установлен набор следующих ассоциатов к лексеме «полемика»: неоднозначность, дискуссия, неясность. Следует отметить, что «дискуссия» будет репрезентировать ранее установленный нами признак ‘спор с целью выяснения проблем, вопросов’. Две другие лексемы будут оязыковлять дополнительный признак ‘отсутствие одного/единственного/понятного значения или смысла’. Однако анализ сделанной нами выборки не обнаружил примеры репрезентации указанного дополнительного признака в русскоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ, что позволяет отнести данный семантический признак к периферии концепта «полемика».

В ходе свободного ассоциативного эксперимента в английском языке был установлен следующий набор ассоциатов на лексему ‘polemic’: controversy ‘спор’, critics ‘критика’, т. е. мы получаем дополнительные семантические признаки ядра: 1) ‘спор с целью выяснения проблем, вопросов’, 2) ‘обсуждение с целью негативной оценки’. Как в следующих примерах:

– *Under the Gun review – gun control **polemic** hits its target. Absorbing and gripping, this documentary details the rise of the NRA into*

a lobbying powerhouse – and provides an incentive to get involved in the debate [130]. ‘Под обзором оружия – **полемика** по поводу контроля над огнестрельным оружием достигает своей цели. Этот захватывающий и захватывающий документальный фильм подробно описывает превращение Национальной стрелковой ассоциации в мощный лоббистский центр и дает стимул принять участие в дебатах’;

– *Clearly we need much more careful weighing up of the arguments, and much less **polemic**, particularly **polemic** against people who are thought to argue their case simply on religious grounds* [131]. ‘Очевидно, что нам нужно гораздо более тщательно взвешивать аргументы и гораздо меньше **полемики**, особенно **полемики** против людей, которые, как полагают, отстаивают свою точку зрения просто на религиозных основаниях’.

Семантическим признаком, относящимся к периферии концепта, актуализирующимся в контексте полемического дискурса печатных СМИ, и репрезентирующимся в ассоциатах, является ‘оценка’:

– <...> картина Станислава Говорухина вызвала **горячую полемику** в прессе, получила множество призов <...> [132];

– <...> **СМИ** никогда не приоткроют подробности «**жаркой полемики**, которая развернулась в зале <...> [133];

– *Americans are from Mars, Europeans are from Venus. So says the latest **hot polemic** exciting transatlantic policy types: Robert Kagan’s Paradise and Power, a meditation on how Europeans have grown soft and idealistic (and feminine) while the Yanks remain tough, booted and aware (like real men) of how brutal a place the world can be* [134]. ‘Американцы с Марса, европейцы с Венеры. Так говорит последняя **горячая полемика**, волнующая представителей трансатлантической политики: «Рай и власть» Роберта Кагана, размышление о том, как европейцы стали мягкими и идеалистическими (и женственными), в то время как янки остаются жесткими, обутыми и осознающими (как настоящие мужчины), насколько жестоким этот мир может быть’;

– <...> **aggressive polemic** against religious faith with an increasing recognition among “serious and liberal-minded commentators”, he said *faith* <...> [135]. ‘<...> **агрессивная полемика** против религиозной веры с растущим признанием среди «серьезных и либерально мыслящих комментаторов», сказал он’.

Таким образом, анализируя полевою структуру базового концепта «полемика» в русскоязычном и англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ, мы пришли к выводу о том, что мы имеем дело с двухуровневым конструктом, состоящим из двух когнитивных

слоев. Полевая структура концепта состоит из ядерных и периферийных элементов, при этом промежуточные элементы отсутствуют. Ядро концепта в разноструктурных языках отличается набором семантических признаков, но наблюдаются сходства в представленности периферии, когда такой признак как ‘оценка’ актуализируется в контексте англоязычного полемического дискурса печатных СМИ. Мы также полагаем, что в динамике периферия концепта «полемика» может расширяться за счет приращения новых семантических признаков, способных актуализироваться в новых контекстах.

При анализе концепта «проблема» мы обратили внимание на то, что проблема как социальное явление включает в себя эмоционально-психологическую, морально-этическую и правовую стороны, поэтому многогранность вызываемых ею отношений отражается в структуре и содержании ментальных образований коммуникантов.

Прежде всего мы рассмотрели лексику «проблема» и установили семантические признаки, отраженные в ее словарных дефинициях в русском и английском языках, что позволило выявить почти полное сходство лишь с тем исключением, что в англоязычных толковых словарях помимо неодушевленных составляющих присутствует «человек»: *a situation, person, or thing that needs attention and needs to be dealt with or solved* ‘ситуация, человек или вещь, которые требуют внимания и должны быть рассмотрены или решены’, а также *a question that you use mathematics to solve* ‘математическая задача’ [136]. В результате интерпретации было определено, что когнитивным признаком исследуемого концепта в зоне ядра оказывается признак ‘ситуация, требующая внимательного рассмотрения и решения’, который рассматривается нами как соотносящийся с базовым слоем концепта. Рассмотрим следующий русскоязычный пример:

*«Факты ДТП с участием оленя пятнистого, лани, бобра и выдры по-прежнему носят единичный характер. Вместе с тем анализ ДТП с участием лани, в том числе характера ее обитания в угодьях страны, проведения мероприятий по вселению и расселению этого животного, а также мест таких ДТП указывает на наличие определенной **проблемы**, требующей принятия соответствующих мер», – отметил замначальника отдела [137].*

Из примера мы видим, что проблема с участием диких животных в дорожно-транспортных происшествиях требует внимательного рассмотрения и решения.

В англоязычном полемическом дискурсе мы встречаем следующий пример реализации семантического признака ‘ситуация, требующая внимательного рассмотрения и решения’ концепта «проблема»:

*When the solution to your **problem** is David Cameron, you know you're in deep trouble.*

The former PM is back in the cabinet after Suella Braverman's sacking. It goes to show how few options Rishi Sunak has left [138]. ‘Когда решение вашей **проблемы** – Дэвид Кэмерон, знаете, у вас большие проблемы. Бывший премьер-министр вернулся в кабинет министров после увольнения Суэллы Браверман. Это показывает, как мало вариантов осталось у Риши Сунака’.

Как и в случае русскоязычного контекста, в британском полемическом дискурсе печатных СМИ ядро концепта представлено концептуальным признаком ‘ситуация, требующая внимательного рассмотрения и решения’, который относится к базовому слою благодаря его фиксированности в лексикографических источниках.

Результаты проведенного анализа позволили установить, что для русскоязычных и англоязычных текстов такой семантический признак, как ‘человек как причина проблемы’, не свойственен.

Дальнейший анализ практического материала позволил прийти к выводу что в полемическом дискурсе печатных СМИ ядро концепта «проблема» также формируется таким семантическим признаком как ‘сложный вопрос’ и в русском, и в английском языках, как в следующих примерах:

Несколько лет назад именно в Беларуси она делала операцию по коррекции зрения, здесь же обращалась за помощью к дантистам (установка виниров). В минской клинике ей также провели ринопластику.

– **Проблема** не в качестве американской медицины – с этим как раз все в порядке, а именно в ее доступности, – объясняет Марина [139].

*Oil and gas are “not the **problem**” for the climate, but the carbon emissions arising from them are, the UK's net zero minister has told MPs.*

In words that suggested the UK could place yet more emphasis on technologies to capture and store carbon, Graham Stuart said fossil fuel production was not driving climate change, but demand for fossil fuels was [140]. ‘Не нефть и газ являются «**проблемой**» для климата, а выбросы углекислого газа, вызванные ими, заявил членам парламента министр Великобритании по чистоте нулевых выбросов. Говоря о том, что Великобритания могла бы уделять еще больше внимания технологиям улавливания и удерживания углерода, Грэм Стюарт сказал, что производство ископаемого топлива не является движущей силой изменения климата, а спрос на ископаемое топливо’

В ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента был установлен набор следующих наиболее употребительных ассоциатов к лексеме «проблема», совпадающие в русском и английском языке – решение/solution, решать/solve. Данные ассоциаты будут репрезентировать ранее установленный нами когнитивный признак ‘ситуация, требующая внимательного рассмотрения и решения’ и относится к ядру концепта. Лексемы задача, сложность, трудность, затруднение в русском языке и issue ‘проблема, вопрос’ в английском языке будут оязыковлять ранее рассмотренный признак ‘сложный вопрос’. Таким образом в обоих языковых вариантах полемического дискурса печатных СМИ мы наблюдаем устойчивую репрезентированность ядерной зоны концепта «проблема» при помощи двух основных семантических признаков – ‘ситуация, требующая внимательного рассмотрения и решения’ и ‘сложный вопрос’, что, как мы полагаем, свидетельствует об универсальности рассматриваемого концепта.

В русскоязычном и англоязычном полемическом дискурсе было установлено, что концепт «проблема» является сегментно-полевым, то есть в нем ядерная зона окружена несколькими сегментами, равноправными по уровню абстракции, а далее следует периферия:

Проблема со здоровьем – состояние организма, при котором не все его органы действуют правильно, нормально:

Эндокринные болезни могут между собой сочетаться. Иногда проблемы со щитовидной железой как одни из самых частых служат основным звеном к разгадке всей клинической картины пациента, что способствует помощи и лечению [141].

Salt-free diet ‘can reduce risk of heart problems by almost 20 %’. Large new study using UK Biobank data shows even a small reduction in salt intake can be beneficial [142]. ‘Бессолевая диета «может снизить риск проблем с сердцем почти на 20 %». Новое крупное исследование с использованием данных Британского Биобанка показывает, что даже небольшое сокращение потребления соли может быть полезным’.

Психологическая проблема – состояние невозможности удовлетворить то или иное сильное стремление по причине проблем с психикой:

Четвертый фактор – психологические проблемы. Исследование 2007 года свидетельствует, что компульсивное переедание и другие расстройства пищевого поведения чаще всего возникают у людей, у которых уже есть в анамнезе проблемы с ментальным здоровьем, например депрессивное или тревожное расстройство, посттравматическое стрессовое расстройство, сильные фобии [143].

*In the age of information overload, where a world of knowledge lies just a click away, the temptation to self-diagnose **mental health conditions** has become an all-too-common trend for many people. There is an allure in online quizzes and symptom checklists that promise a diagnosis within minutes as they can offer a sense of control over your **psychological wellbeing** [144].* ‘В эпоху информационной перегрузки, когда мир знаний находится на расстоянии одного клика мыши, искушение самостоятельно диагностировать **психические заболевания** стало слишком распространенной тенденцией для многих людей. Есть привлекательность в онлайн-викторинах и контрольных списках симптомов, которые обещают поставить диагноз в течение нескольких минут, поскольку они могут дать ощущение контроля над вашим **психологическим благополучием**’.

Проблема с транспортом – ситуация в транспортной отрасли, требующая внимательного рассмотрения и решения:

*Государственные учреждения, а также многие предприятия частного сектора перешли на дистанционный режим работы. Занятия в школах и университетах сейчас проходят дистанционно. Дубай, по сути, столкнулся с **транспортным коллапсом** [145].*

*Twelve people have died after being stuck in a **three-day traffic jam** in Indonesia at an intersection known as “Brexit”.*

The traffic stretched for more than 13 miles (21km) at the junction for Brebes, a town on the main island of Java, as millions of people headed home to celebrate Eid al-Fitr [146]. ‘Двенадцать человек погибли, застряв в **трехдневной пробке** в Индонезии на перекрестке, известном как «Брекзит». Движение транспорта растянулось более чем на 13 миль (21 км) на перекрестке с Бребесом, городом на главном острове Ява, поскольку миллионы людей направлялись домой, чтобы отпраздновать Ид аль-Фитр’.

Экологическая проблема – ситуация, вызванная нарушением окружающей среды:

*Чтобы уменьшить **загрязнение природных источников воды**, нужно соблюдать несложные правила, которые под силу выполнять любому человеку, – отметили в комитете. – Они позволят снизить **загрязненность рек и водоемов** и сделают среду обитания человека комфортной. Во-первых, нельзя **выбрасывать мусор в неположенном месте** (не в мусорный контейнер), особенно вблизи водоемов. Во-вторых, нельзя **выливать в воду бытовые отходы**, которые могут **навредить чистоте водоема** (лаки, краски, бензин, растворители и т. п.) В-третьих, под запретом **мойка автомобиля рядом***

с водоемом и в других не предназначенных для этого местах. Кроме того, по возможности нужно пользоваться теми видами транспорта, которые загрязняют природу меньше всего: электричкой, троллейбусом, метро [147].

*A key Cop27 goal was to strengthen **emission pledges** made at last year's climate summit in Glasgow. These are needed to ensure **global heating** is limited to 1.5C. No such commitments have been made in Egypt and most observers now conclude the world is destined to **heat beyond this limit** [148].* 'Ключевой целью Cop27 было усиление обязательств по **выбросам**, взятых на прошлогоднем климатическом саммите в Глазго. Они необходимы для того, чтобы **глобальное потепление** было ограничено уровнем 1,5°C. Никаких подобных обязательств в Египте не было принято, и большинство наблюдателей теперь приходят к выводу, что мир обречен на то, чтобы **нагреться выше этого предела**'.

Ядерная проблема – ситуация, вызванная угрозой ядерной войны, и др.:

*Много лет работал в американском и европейском отделах МИД Ирана. В 2007 году даже возглавлял иранскую переговорную группу по **ядерной проблеме**. Поэтому он не имеет никаких иллюзий на счет Запада, в частности США [149].*

*There are growing fears among diplomats in the US and Europe that Iran's largely unmonitored **nuclear programme** and the destabilisation caused by the Gaza conflict are strengthening the hand of Iranian factions that back the development of **nuclear weapons**.*

*The Iranian president, Ebrahim Raisi, has reiterated in recent days that his country is pursuing a civilian **nuclear programme** for now [150].* 'Среди дипломатов в США и Европе растут опасения, что практически неконтролируемая **ядерная программа** Ирана и дестабилизация, вызванная конфликтом в Газе, усиливают влияние иранских группировок, которые поддерживают разработку **ядерного оружия**. Президент Ирана Эбрагим Раиси в последние дни подтвердил, что его страна на данный момент реализует гражданскую **ядерную программу**'.

Семантическим признаком периферии рассматриваемого концепта в анализируемых контекстах является 'оценка':

Поэтому хотя капитализм старого разлива уже и напоминает все больше кактус – горький, колючий, но его продолжают по привычке есть. Впрочем, чужие недостатки – не самая большая для нас проблема [151].

Cybercrime now becoming a serious problem for many Britons [152]. 'Киберпреступность теперь становится серьезной проблемой для многих британцев'.

Таким образом, анализируя структуру концепта «проблема» в русскоязычном и англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ, мы пришли к выводу о том, что мы имеем дело с сегментно-полевым конструктом, состоящим из ядра и набора сегментов, равноправных по уровню абстракции, окруженных периферийными элементами. При этом в динамике периферия концепта «проблема» также может расширяться за счет приращения новых семантических признаков, способных актуализироваться в новых контекстах.

Полученные данные свидетельствуют о возникновении дополнительных семантических признаков, которые в русском и английском языках практически полностью совпадают и входят в ядро, сегменты и/или периферию рассматриваемых концептов, однако их количество относительно семантических признаков базового слоя, зафиксированных в лексикографических источниках, незначительно. Также встречаются семантические признаки такие как, например, ‘временное прекращение военных действий по соглашению воюющих сторон’ (в русском языке) и ‘способность понять, постичь смысл, значение, сущность, содержание чего-л.’ (в английском языке) в концепте «противостояние». Однако в контексте полемического дискурса печатных СМИ примеров реализации установленных дополнительных семантических признаков выявлено не было, что говорит об универсальности рассматриваемых концептов в исследуемом дискурсе на материале неблизкородственных языков.

Дальнейший анализ позволил расширить набор наиболее распространенных концептов, входящих в структуру концептосферы исследуемого дискурса на обоих языках: война, рецессия, развод, выборы, школьное образование, пандемия, инфляция и т. д., которые в контексте полемического дискурса имеют один общий семантический признак ‘проблемная/сложная ситуация, требующая решения’. Все концепты также делятся на многоуровневые двуслойные и сегментно-полевые, в то время как одноуровневые концепты для полемического дискурса печатных СМИ не свойственны, что можно объяснить, на наш взгляд, многоуровневостью структуры самого полемического дискурса, в целом, и макроконцепта «полемичность», в частности. Говоря о наборе концептов, следует отметить, что их количество в полемическом дискурсе печатных СМИ не является лимитированным, поскольку под воздействием экстралингвистических факторов одни концепты будут отличаться высокочастотностью употребления, другие – низкой частотностью на том или ином этапе развития полемического дискурса печатных СМИ.

2.2 Особенности вербализации концептосферы полемического дискурса печатных СМИ на материале неблизкородственных языков

Полемический дискурс печатных СМИ, являющийся предметом настоящей монографии, представляет интерес для исследования не только с точки зрения набора концептов, формирующих его, но и языковых средств реализации данных концептов, поскольку изучение когнитивных свойств языковых явлений в связи с их функционально-коммуникативными свойствами вносит вклад в разработку когнитивно-дискурсивной модели исследуемого дискурса, что позволит коммуникантам адекватно воспринимать информацию.

Как было установлено ранее, набор базовых концептов, репрезентирующих макроконцепт «полемичность», представлен такими концептами, как «полемика», «проблема», «война», «рецессия», «болезнь» и др. При рассмотрении особенностей вербализации концепта «полемика» было установлено, что в русскоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ он в большинстве случаев репрезентируется при помощи прямых номинаций:

По словам парламентария круглый стол – отличная возможность выслушать все точки зрения. Ведь именно в ходе дискуссии есть возможность услышать полемику, которая должна привести к необходимому результату [153].

В остальных случаях мы фиксируем употребление синонимов:

А это вряд ли... Остается надеяться, что любовь публики они заслужат не пикировками или скандалами, а игрой [154].

В англоязычном полемическом дискурсе мы встречаем аналогичные примеры с той лишь разницей, что синонимы более чем в три раза чаще участвуют в языковой репрезентации концепта «полемика»:

Прямая номинация: *Bewilderment by Richard Powers review – environmental **polemic**. In this Booker-shortlisted story of a father and his neurodivergent son battling the harm we are doing our planet, fiction is swamped by didacticism [155].* ‘Недоумение от обзора Ричарда Пауэрса – экологическая **полемика**. В этой истории, вошедшей в шорт-лист Букера, об отце и его нейроотличном сыне, борющихся с вредом, который мы наносим нашей планете, вымысел завален дидактизмом’.

Синонимы: *Denzel Washington’s casting as Hannibal in Netflix film sparks race **controversy** in Tunisia. Newspapers and politicians discuss general’s skin tone, saying actor’s casting in the role created ‘a historical error’ [156].* ‘Выбор Дензела Вашингтона на роль

Ганнибала в фильме Netflix вызвал расовые **споры** в Тунисе. Газеты и политики обсуждают оттенок кожи генерала, заявляя, что выбор актёра на эту роль создал «историческую ошибку»’.

Концепт «проблема» в русскоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ вербализуется при помощи прямых номинаций, синонимов, идиом и контекстуальных синонимов:

Прямая номинация: *Естественно, они обращались с **проблемой** в ЖЭС, но что толку? Когда мы вмешались, вопрос получилось урегулировать в течение месяца* [157].

Синонимы: *Считаю, что **сложную задачу** по недопущению войн и вооруженных конфликтов должны решать люди доброй воли во всех странах и на всех континентах* [158].

Идиомы: *Для судовладельцев конфликт в Красном море **обернулся большими проблемами**: пробки в портах, дефицит контейнеров и судов. Дошло до того, что некоторые компании даже приостанавливают производство* [159].

Контекстуальные синонимы: *Для устранения **выбоин** на дорогах в Минске работают 13 бригад объединения Горремавтодора. Задействовано 50 единиц техники, свыше 70 человек трудятся круглосуточно* [160].

В англоязычном полемическом дискурсе концепт «проблема» вербализуется при помощи прямых номинаций, синонимов, идиом и контекстуальных синонимов:

Прямая номинация: *Don't even try – it's better to think afresh. The trick is to stop focusing on **problems** and ask instead what you want to create* [161]. ‘Даже не пытайтесь – лучше подумать заново. Хитрость заключается в том, чтобы перестать сосредотачиваться на **проблемах** и вместо этого спросить, что вы хотите создать’.

Синонимы: *For most of my adult life, there have been three main **issues** that have preoccupied my thoughts when I'm lying in bed at night* [162]. ‘Даже не пытайтесь – лучше подумайте заново. Хитрость заключается в том, чтобы перестать сосредотачиваться на **проблемах** и вместо этого спросить, что вы хотите создать’.

Идиомы: *“**The point at issue** is whether the dossier accurately reflected the ‘intelligence assessments’, or whether the information was ‘sexed up’ at the behest of spin doctors”* [163]. ‘«**Спорный вопрос** заключается в том, точно ли досье отражало «оценки разведки», или же информация была «подтасована» по указке политтехнологов»’.

Контекстуальные синонимы: *They believed he could bamboozle the European Union into giving him the only Brexit deal that is really*

*acceptable – one that gives Britain all the advantages of being in the EU without any of the **botheration** of being a member* [164]. ‘Они верили, что он сможет обмануть Европейский Союз, заставив его заключить единственное действительно приемлемое соглашение по Брекситу – соглашение, которое дает Британии все преимущества пребывания в ЕС, не **беспокоясь о том**, чтобы быть его членом’.

Как показывают результаты сопоставительного анализа, в англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ концепт «проблема» почти в равных пропорциях представлен прямой номинацией и синонимами. Данный факт объясняется широким спектром синонимов, который количественно в три раза превышает синонимический ряд для обозначения проблемы в русском языке.

Дальнейший анализ русскоязычного и англоязычного полемического дискурса печатных СМИ позволил установить, что для данного типа дискурса свойственен относительно постоянный набор концептов, которые в своем большинстве коррелируют с социально-экономическими, политическими, социокультурными и другими понятиями, событиями и отношениями (война, рецессия, кризис, безработица, развод, моббинг и др.), происходящими в жизни общества на том или ином этапе развития. По мере актуализации того или иного вопроса, проблемы, с которым концепт связан, имеет место усиление степени его выраженности.

Следует также отметить, что данные концепты имеют свойство входить в концептосферы других типов дискурса, что обуславливает их непостоянство в плане номинативной репрезентативности.

3 СТРУКТУРА ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ В БЕЛОРУССКОЙ И БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ

3.1 Структурная организация полемиического дискурса и ее индексные показатели: сопоставительный аспект

Будучи одним из институциональных типов дискурса, чье когнитивно-коммуникативное пространство представлено совокупностью связанных письменных текстов, высказываний участников в некоторой полемиической ситуации, полемиический дискурс печатных СМИ имеет своей целью поиск решения актуальной религиозной, социально-экономической, политической, экологической, дипломатической и т. д. проблем через противопоставление/сравнение различных точек зрения. Полемиический дискурс включает тексты полемиических жанров, напечатанные в прессе и/или Интернете, а также ряд публикаций других журналистов и/или откликов читателей на них и на другие отклики читателей, появившиеся в этих же средствах массовой информации.

Полемиический дискурс печатных СМИ имеет полевою структуру, чье ядро формируется такими жанрами, как полемиическая статья, проблемная статья, проблемный отчет, интервью, проблемная корреспонденция, проблемный очерк, комментарий, реплика, отклик, сигнал. В ближнюю периферию исследуемого дискурса вошли такие жанры, как репортаж, обозрение, обзор, вопрос-ответ, редакционная статья, постановочная статья, журналистское расследование, «возвращаясь к напечатанному», круглый стол, письмо, корреспонденция (постановочная, аналитическая), девиз-лозунг. Дальняя периферия полемиического дискурса печатных СМИ представлена следующими жанрами: теоретическая статья, житейская история, обзор почты, эксперимент, заметка, информационное сообщение, очерк (портретный, путевой, научно-популярный), заявление, анонс, аннотация, уведомление, напоминание, анкета, мониторинг, рейтинг, рецензия, прогноз, версия, зарисовка, справка, полилог, опрос, совет, отчет (общий, прямой, тематический, отчет-комментарий). К жанрам, характеризующимся нулевой полемичностью, относятся поздравление и некролог (буферная зона). Важно также принимать во внимание тот факт, что при проведении исследования мы не смогли идентифицировать некоторые жанры, поскольку они относятся к гибридным

или зарождающимся, которые еще не оформились в жанровой форме до конца. Мы склонны полагать, что при всех модификациях они сохраняют основные признаки базового жанра.

Отнесение того или иного жанра к ядру, ближней или дальней периферии, а также буферной зоне с «нулевым» полемическим компонентом основано на расчете среднего интегрального индекса плотности, индекса интенсивности и индекса выразительности полемического компонента дискурса печатных СМИ, при помощи которых производится анализ структурно-композиционных, когнитивно-семантических и коммуникативно-прагматических признаков полемического компонента исследуемого дискурса, которые были рассмотрены в монографии ранее.

Рассмотрим расчет индексов на примерах из белорусской и британской прессы.

На первом этапе нашего анализа были отобраны тексты информационных, аналитических и художественно-публицистических жанров из белорусской и британской прессы. Их анализ позволил установить, что полемический компонент наиболее характерен для аналитических жанров. Среди информационных жанров полемический компонент имеет меньший уровень своей выраженности. Еще менее он представлен в художественно-публицистических жанрах, формирующих в основном дальнюю периферию.

На втором этапе анализа методом сплошной выборки были отобраны тексты таких жанров, как полемическая статья, обозрение и очерк, для того чтобы изучить структурно-композиционные признаки полемического компонента и установить индекс его плотности. Выбор указанных жанров обусловлен прежде всего их сходством по объему.

Как показал анализ полемической статьи в белорусской прессе, структурно-композиционный блок представлен следующим образом (пример приводится в сокращенном виде):

Постановка проблемы: Как говорится, при чем тут экономика? Да и в целом – какую угрозу может таить ЗОЖ? Люди здоровые, прекрасно себя чувствуют, эффективно работают, снижаются издержки от девиантного поведения (алкоголь, наркотики и другие декадентские развлечения). Живем долго, стареем бодро, <...>. Железные тезисы, которые и сложно опровергнуть, <...>.

Оценка: <...> Ведь у ЗОЖ (как любого явления) есть и другая сторона медали. Не провоцирует ли слишком глубокое увлечение собственным здоровьем индивидуализм и даже нездоровый (уж извините за каламбур) эгоизм с чертами нарциссизма? И как этот психологический общественный крен влияет на другие сферы жизни? На ту же демографию.

Комментарий: *Семья с точки зрения жесткой и непоколебимой рамки ЗОЖ уже несет в себе угрозу выхода из правильного ритма. Жизнь с другим человеком неизбежно формирует <...>. Есть и радости, и беспокойства. А ведь стрессов надо избегать!*

Ладно, спутника жизни еще можно найти <...>. Но и грандиозный источник стрессов и нарушения устоявшегося индивидуального образа жизни. У младенцев режутся зубки, болит животик. И по ночам они не всегда спят. Точнее, чаще орут. И пускают под откос все теории сомнологии <...>.

Мнение: *Получается неоднозначная история. Опять же, нельзя и невозможно отвергать здоровый образ жизни. Но в какой степени и с какими приоритетами? Исходя из нашей, реальной жизни. С ее неприятностями, военными и экономическими угрозами. Их нельзя не замечать. Они существуют. И если их не нейтрализовать (не защищаться, не стараться вывести экономику на прорывной трек, не усиливать продовольственную безопасность с сумасшедшими темпами сельскохозяйственных работ в посевную и уборочную, не штурмовать научной высоты и так далее), эти вызовы, <...> не получится [165].*

Так, в русскоязычной публикации были выделены 32 элемента структурно-композиционного блока, представленные 79 предложениями, в которых содержатся 202 пропозиции. Применяв формулу $Dns = nprop / nsent \cdot nbl$, мы получили следующий результат: $202 / 79 \cdot 32 = 81,82$ – русскоязычная полемическая статья;

Далее анализу была подвергнута англоязычная полемическая статья (приводится в сокращенном виде):

Постановка проблемы: *There's turmoil in the EU as the far right advances. Macron risks all, trusting that people vote in protest for the remote EU parliament, but vote for real governments at home. After all, we sent Nigel Farage to fart rude taunts and abuse at MEPs for 20 years until Brexit, and he got nowhere much in the UK. 'В ЕС царит суматоха по мере наступления крайне правых. Макрон рискует всем, полагая, что люди голосуют в знак протеста против удаленного парламента ЕС, но голосуют за реальные правительства дома. В конце концов, мы посылали Найджела Фаража пукать грубые насмешки и оскорбления в адрес депутатов Европарламента в течение 20 лет, вплоть до Брексита, и он ничего особенного не добился в Великобритании.'*

Оценка: *But Britain, with a resurgent Labour party set to sweep in, is on a reverse path. Our own hard-right wing, in the form of Farage's Reform party, may relegate the Conservatives to third place in votes, and*

the sideshow battles between the rump right will be a fascinating farrago. But the future is all with Labour and how it governs. ‘Но Британия, с возрождающейся Лейбористской партией, идет по обратному пути. Наше собственное ультраправое крыло, в лице Партии реформ Фараджа, может отодвинуть консерваторов на третье место по голосам, а второстепенные битвы между оставшимися правыми станут захватывающей мешаниной. Но будущее целиком за лейбористами и за тем, как они управляют’.

Комментарий: *These demagogues are good at their art. A snap poll anointed Farage the “winner” in last week’s TV debate on Britain’s Got Talent criteria, his booming oratory shamelessly free of factchecking. Only one sulphurous issue propels him, the same immigration fears and factoids that power the far right across Europe.* ‘Эти демагоги хороши в своем искусстве. Внезапный опрос назвал Фараджа «победителем» в телевизионных дебатах на прошлой неделе по критериям «В Британии есть таланты», а его громкие ораторские речи бессовестно не подвергались проверке фактов. Его движет только одна серьезная проблема: те же иммиграционные страхи и факты, которые движут крайне правыми по всей Европе’.

Мнение: *We shall see if a fissiparous European far right bound by anti-immigration sentiments can hold together. Back here, the sight of countries across the channel turning rightwards leaves distressed Spectator writers protesting that Britain’s left turn is “a wild anachronism”. But in Britain, it’s they who are now the left-behind dying breed. I note their language changing to describing Europe as “our continent”: do they yearn to return?* [166]. ‘Посмотрим, смогут ли удержаться вместе разобщенные европейские крайне правые, <...>. Но в Британии именно они сейчас являются вымирающей породой. Я отмечаю, что их язык изменился и стал называть Европу «нашим континентом»: хотят ли они вернуться?’

В англоязычной публикации – 25 элементов структурно-композиционного блока представлены 57 предложениями, в которых содержится 181 пропозиция. Мы получили следующие результаты: $181 / 57 \cdot 25 = 79,38$.

Количественный подсчет показал, что в совокупности структурно-композиционный блок полемического компонента в русскоязычном обозрении выражен 158 пропозициями в рамках 52 предложений в структуре 15 элементов структурно-композиционного блока. Применяя формулу расчета индекса плотности структурно-композиционного блока, мы получаем следующий результат:

$$Dns = nprop / nsent \cdot nbl.$$

$$158 / 52 \cdot 15 = 45,57.$$

Количественный подсчет показал, что в совокупности структурно-композиционный блок полемического компонента англоязычного обозрения представлен 141 пропозицией в рамках 51 предложения в структуре 16 элементов структурно-композиционного блока. Применяв формулу расчета индекса плотности структурно-композиционного блока, мы получаем следующий результат:

$$Dns = nprop / nsent \cdot nbl.$$

$$141 / 51 \cdot 16 = 44,23.$$

Дальнейшему анализу были подвергнуты портретные очерки на русском и английском языках. Так, в русскоязычной публикации были выделены 7 элементов структурно-композиционного блока, представленные 43 предложениями, в которых содержатся 132 пропозиции. В англоязычной публикации – 8 элементов структурно-композиционного блока, представленные 49 предложениями, в которых содержатся 137 пропозиций. Мы получили следующие результаты:

$$132 / 43 \cdot 7 = 21,48 \text{ – рус. яз.};$$

$$137 / 49 \cdot 8 = 22,37 \text{ – англ. яз.}$$

Далее мы провели определение индекса плотности структурно-композиционных блоков полемического компонента в них на основании вычисления среднеарифметического показателя. Из трех отобранных жанров наибольшим индексом плотности структурно-композиционного блока полемического компонента дискурса печатных СМИ отличается полемическая статья (рус. яз. – 63,75; англ. яз. – 61,43). Индекс плотности структурно-композиционного блока обозрения на русском языке в среднем равен 43,4, на английском языке – 42,7; русскоязычного портретного очерка – 16,46, англоязычного – 18,32.

Таким образом, мы видим, что жанр полемической статьи относится к ядру полемического дискурса печатных СМИ, в то время как обозрение – к ближней периферии, а портретный очерк относится к дальней периферии как в русском, так и в английском языках, незначительно отличаясь в языковых вариантах друг от друга по плотности, что можно объяснить целеустановками самих жанров.

Для дальнейшего анализа нами были рассмотрены когнитивно-семантические признаки полемического компонента перечисленных жанров.

Когнитивно-семантические признаки полемичности текста того или иного жанра как структурного элемента полемического дискурса печатных СМИ определяются следующим образом:

в составе пропозиций, входящих в структурно-композиционные блоки полемического компонента, выделяются лексические единицы, которые подвергаются компонентному анализу, в ходе которого в их составе путем анализа словарных дефиниций вычленяются семы, имеющие значения 'спор', 'дискуссия', 'вопрос', 'проблема', 'перебранка', 'обсуждение', 'противостояние', 'мнение' формирующие семантическое поле полемики. В зависимости от индекса интенсивности когнитивно-семантических признаков полемического компонента текста того или иного жанра, который рассчитывается по формуле $Ints = nactn(+ncirc) / t nactn(+circ) \cdot nprop$, где *Ints* – индекс интенсивности когнитивно-семантических признаков, *nactn(+ncirc)* – количество актантов/сирконстантов со значением 'спор', 'дискуссия', 'вопрос', 'проблема', 'перебранка', 'обсуждение', 'противостояние', 'мнение' *t nactn(+circ)* – общее число актантов/сирконстантов в пропозициях, формирующих блоки полемического компонента, *nprop* – количество пропозиций, входящих в структурно-композиционные блоки полемического компонента полемического дискурса печатных СМИ, рассматриваемые тексты формируют ядро, ближнюю и дальнюю периферию, буферную зону полемического дискурса печатных СМИ.

Однако, прежде чем делать окончательные выводы, мы обратили внимание на тот факт, что помимо узуальных сем, образующих семантическое поле полемического компонента, могут присутствовать окказиональные семы, которые также должны быть учтены при расчете индекса интенсивности полемического компонента исследуемого дискурса.

Для выявления окказиональных сем нами был проведен психолингвистический эксперимент, в котором приняли участие 170 носителей русского языка и 170 носителей английского языка. Эксперимент носил название «Окказиональные семы, образующие семантическое поле полемического компонента дискурса печатных СМИ». Исследование ставило целью разработку алгоритма установления набора окказиональных сем, образующих семантическое поле полемического компонента дискурса печатных СМИ, которые наряду с узуальными семами могут быть учтены при расчете индекса интенсивности полемического компонента исследуемого дискурса.

Эксперименты были спроектированы на научно-исследовательской платформе [google.forms](https://www.google.com/forms) и предполагали дистанционную форму участия (с компьютера или мобильного телефона).

В ходе анализа мы получили следующие результаты. Так, к слову спор в русском языке наиболее частыми совпадающими

ассоциациями были дискуссия (28), диспут (25), конфликт (25), аргумент (24), истина (13); к лексеме дискуссия – обсуждение (45), разговор (27), спор (26); к языковой единице вопрос – ответ (44), интерес (34), проблема (13); к слову проблема – решение (43), решать (16), задача (29), трудность (24); к лексической единице перебранка – ссора (38), спор (31), ругань (29); к лексеме обсуждение – дискуссия (47), разговор (25), диалог (24); к слову противостояние – борьба (33), конфликт (25), конфронтация (24), спор (13); к лексеме мнение – взгляд (37), информация (29), слухи (21).

В английском языке к слову *dispute* наиболее частыми совпадающими ассоциациями были *argue* (36), *argument* (30), *fight* (24), *discussion* (21); к лексеме *discussion* – *talk* (40), *conversation* (30); к языковой единице *conversation* – *talk(ing)* (30); к слову *question* – *answer* (53); к слову *problem* – *solution* (62), *issue* (46); к лексической единице *quarrel* – *fight* (87); к лексеме *consideration* – *think* (25), *thinking* (23); к слову *confrontation* – *fight* (32); к лексеме *opinion* – *think* (25), *thinking* (23).

Далее было установлено, что при ассоциировании предложенных респондентам характеристик, выраженных именами прилагательными, связанных с полемическим контекстом, были получены следующие ассоциации: в русском языке: полемический – спорный (63); спорный – неоднозначный (39), проблемный (18), дискуссионный (16); вызывающий вопрос – непонятный (28), сомнительный (27), проблемный (15), спорный (14); проблемный – сложный (31), трудный (27); бранный – ругательный (39); обсуждаемый – интересный (33), решаемый (18), актуальный (16), популярный (16); вызывающий противостояние – спорный (36), проблемный (16), противоречивый (14); формирующий мнение – влиятельный (43), спорный (29), важный (21); в английском языке: *polemic* – *controversial* (36); *disputable* – *arguable* (29); *discussive* – *talking* (30); *questionable* – *doubtful* (24); *problematic* – *difficult* (28); *quarrelling* – *fighting* (39), *arguing* (38); *under consideration* – *thinking* (33); *confrontational* – *aggressive* (24), *forming an opinion* – *important* (45).

При ассоциации тех или иных действий, связанных с полемическим контекстом, были получены следующие результаты: в русском языке: спор – спорить (42), ругаться (36), доказывать (34), кричать (21), обсуждать (18), дискутировать (12), аргументировать (11); дискуссия – обсуждать (56), аргументировать (27), спорить (24), доказывать (23); вопрос – спрашивать (41), интересоваться (34), уточнять (24), формулировать (14); проблема – решать (43), спорить (35),

искать (21), обсуждать (19); перебранка – ругаться (58), кричать (50), спорить (26); обсуждение – обсуждать (37), дискутировать (32), слушать (22), доказывать (19), решать (19); противостояние – спорить (36), доказывать (34), противостоять (22); мнение – высказать (63), послушать (34); в английском языке: dispute – to argue (66); discussion – to talk (74); question – to ask (45); problem – to solve (50); quarrel – to fight (63); consideration – to think (56), confrontation – to fight (43); opinion – to express (59), to discuss (43). Также был проведен учет значений, которые были наименее представлены в ответах респондентов, например, спор – нервничать, грубить, обмениваться, шуметь; dispute – confrontation, union, border, international, cancel, что позволяет говорить о контекстуальной полемической природе данных лексем.

Таким образом, мы получили набор встречающихся ассоциаций, которые в контексте полемического дискурса печатных СМИ необходимо учитывать при расчете индекса интенсивности. Помимо этого, был произведен анализ других повторяющихся не менее двух раз ассоциаций, которые мы также принимаем в расчет при анализе полемического компонента дискурса печатных СМИ. Теперь рассмотрим расчет индекса интенсивности с учетом узуральных и окказиональных сем на примере полемической статьи русскоязычной прессы (приводится в сокращенном виде):

Смерти польского жолнера на границе можно по-человечески посочувствовать, но в этой трагедии есть своя последовательность. И она никак не связана с Беларусью и Россией, как это преподносят варшавские политики и их информационные церберы. Если заглянуть в недавнее прошлое и поднять предысторию миграционного кризиса на польских рубежах, то становится понятна причина излишней возбужденности политического трио Туск – Дуда – Сикорский.

По сути, именно при их прямом и непосредственном руководстве войско польское было активным участником различных операций в составе НАТО и проамериканских коалиций. Ливия, Ирак и Афганистан хорошо помнят польскую речь в рядах иностранных контингентов по принуждению к миру и демократии. И теперь эти страны уже являются точками исхода беженцев и потоков миграции, потому что дальше развала и разрухи в этих регионах не пошло. Их просто расковыряли и бросили на произвол. И Польша принимала непосредственное участие в разрушении и деградации этих восточных государств и также консолидированно стимулировала масштабные миграционные волны в Европу.

В настоящий момент маршруты движения беглецов пролегают на нескольких основных направлениях – через Средиземное море на Балканы и через Россию, Беларусь на Польшу. Изменения и отклонения здесь невозможны даже гипотетически [167].

Статья состоит из 25 структурно-композиционных блоков, из которых пять блоков – это блоки «постановка проблемы» (например: *Смерти польского жолнера на границе можно по-человечески посочувствовать, но в этой трагедии есть своя последовательность; Их просто расковыряли и бросили на произвол*), семь блоков – «оценка» (например: *И она никак не связана с Беларусью и Россией, как это преподносят варшавские политики и их информационные церберы; И Польша принимала непосредственное участие в разрушении и деградации этих восточных государств и также консолидированно стимулировала масштабные миграционные волны в Европу*), пять блоков – «комментарий» (например: *Если заглянуть в недавнее прошлое и поднять предысторию миграционного кризиса на польских рубежах, то становится понятна причина излишней возбужденности политического трио Туск – Дуда – Сикорский; В настоящий момент маршруты движения беглецов пролегают на нескольких основных направлениях – через Средиземное море на Балканы и через Россию, Беларусь на Польшу.*) и восемь блоков – «мнение» (например: *По сути, именно при их прямом и непосредственном руководстве войско польское было активным участником различных операций в составе НАТО и проамериканских коалиций. Ливия, Ирак и Афганистан хорошо помнят польскую речь в рядах иностранных контингентов по принуждению к миру и демократии; И теперь эти страны уже являются точками исхода беженцев и потоков миграции, потому что дальше развала и разрухи в этих регионах не пошло; Изменения и отклонения здесь невозможны даже гипотетически*) и т. д.

Перечисленные блоки включают в себя 138 пропозиций, которые насчитывают в своем составе 201 актант/сирконстант. При этом количество актантов/сирконстантов со значением ‘спор’, ‘дискуссия’, ‘вопрос’, ‘проблема’, ‘перебранка’, ‘обсуждение’, ‘противостояние’, ‘мнение’ в совокупности с установленными в результате психолингвистического эксперимента окказиональными семами равно 88. Путем расчета индекса интенсивности когнитивно-семантического признака полемиического компонента дискурса печатных СМИ по формуле $Ints = nactn(+ncirc) / tnactn(+circ) \cdot nprop$ мы получаем численный показатель 60,41.

Проведем анализ англоязычной полемической статьи из британской газеты (приводится в сокращенном виде):

All governments betray the hopes of their supporters. But Labour is getting its betrayal in early. By ruling out a wealth tax and other measures that could fund our collapsing public services and our increasingly desperate care and welfare needs; by failing to denounce the unfolding genocide in Gaza; by remaining silent about the curtailment of our rights to protest; by breaking its promises on everything from a national care service to the abolition of the House of Lords and a right to roam, Keir Starmer's party appears to wear betrayal as a badge of honour. This country is desperate for change, but while Starmer mumbles the word in every sentence, he offers as little as he can get away with.

Why? Labour's anticipatory betrayal is motivated by anticipatory compliance. This means avoiding conflict with billionaire-owned media, the financial, property and fossil fuel sectors, by giving them what they want before they ask. You could call this approach "political realism". But the "realistic" result is a politics dominated by the sinister rich. Dysfunction and misrule are baked in.

So, whatever the size of Labour's likely majority, we will need countervailing forces in parliament. Though I have never been a member of any party, I believe our best hope lies with the Green party. It is the only one that has a chance of winning seats in this election that is not beholden to oligarchic power. Its new manifesto offers us everything a genuine Labour party, fit for the 21st century, should be promising [168]. ‘Все правительства предают надежды своих сторонников. Но Лейбористская партия рано осознает свое предательство. Исключив налог на богатство и другие меры, которые могли бы финансировать наши разрушающиеся государственные службы и наши все более отчаянные потребности в уходе и социальном обеспечении; не сумев осудить разворачивающийся геноцид в секторе Газа; храня молчание об ограничении наших прав на протест; Нарушая свои обещания по всем вопросам, от национальной службы попечительства до отмены Палаты лордов и права на передвижение, партия Кейра Стармера, похоже, носит предательство как знак чести. Эта страна отчаянно нуждается в переменах, но хотя Стармер бормочет это слово в каждом предложении, он предлагает так мало, как только может сойти с рук.

Почему? Упреждающее предательство лейбористов мотивировано упреждающим согласием. Это значит избегать конфликтов со СМИ, принадлежащими миллиардерам, финансовым сектором, сектором недвижимости и ископаемого топлива, давая им то, что они

хотят, прежде чем они попросят. Этот подход можно назвать «политическим реализмом». Но «реалистичным» результатом является политика, в которой доминируют зловещие богачи. Дисфункция и неправильное управление заложены в нем.

Таким образом, каким бы ни был размер вероятного большинства лейбористов, нам понадобятся уравновешивающие силы в парламенте. Хотя я никогда не был членом какой-либо партии, я считаю, что наши лучшие надежды связаны с партией зеленых. Это единственная страна, имеющая шанс получить места на этих выборах и не связанная с олигархической властью. Ее новый манифест предлагает нам все, что должна обещать настоящая Лейбористская партия, подходящая для XXI века’.

Данная статья состоит из 23 структурно-композиционных блоков, из которых четыре блока – это «постановка проблемы» (*All governments betray the hopes of their supporters* ‘Все правительства предают надежды своих сторонников’; *Why?* ‘Почему?’), шесть блоков – «оценка» (*But Labour is getting its betrayal in early* ‘Но Лейбористская партия рано осознает свое предательство’; *Labour’s anticipatory betrayal is motivated by anticipatory compliance* ‘Упреждающее предательство лейбористов мотивировано упреждающим согласием’), шесть блоков – «комментарий» (*By ruling out a wealth tax and other measures that could fund our collapsing public services and our increasingly desperate care and welfare needs; by failing to denounce the unfolding genocide in Gaza; by remaining silent about the curtailment of our rights to protest; by breaking its promises on everything from a national care service to the abolition of the House of Lords and a right to roam, Keir Starmer’s party appears to wear betrayal as a badge of honour* ‘Исключив налог на богатство и другие меры, которые могли бы финансировать наши разрушающиеся государственные службы и наши все более отчаянные потребности в уходе и социальном обеспечении; не сумев осудить разворачивающийся геноцид в секторе Газа; храня молчание об ограничении наших прав на протест; Нарушая свои обещания по всем вопросам, от национальной службы попечительства до отмены Палаты лордов и права на передвижение, партия Кейра Стармера, похоже, носит предательство как знак чести’; *This means avoiding conflict with billionaire-owned media, the financial, property and fossil fuel sectors, by giving them what they want before they ask. You could call this approach “political realism”* ‘Это значит избегать конфликтов со СМИ, принадлежащими миллиардерам, финансовым сектором, сектором недвижимости и ископаемого

топлива, давая им то, что они хотят, прежде чем они попросят. Этот подход можно назвать «политическим реализмом») и семь блоков – «мнение» (*This country is desperate for change, but while Starmer mumbles the word in every sentence, he offers as little as he can get away with* ‘Эта страна отчаянно нуждается в переменах, но хотя Стармер бормочет это слово в каждом предложении, он предлагает так мало, как только может сойти с рук’; *But the “realistic” result is a politics dominated by the sinister rich. Dysfunction and misrule are baked in.*

So, whatever the size of Labour’s likely majority, we will need countervailing forces in parliament. Though I have never been a member of any party, I believe our best hope lies with the Green party. It is the only one that has a chance of winning seats in this election that is not beholden to oligarchic power. Its new manifesto offers us everything a genuine Labour party, fit for the 21st century, should be promising ‘Но «реалистичным» результатом является политика, в которой доминируют зловещие богачи. Дисфункция и неправильное управление заложены в нем.

Таким образом, каким бы ни был размер вероятного большинства лейбористов, нам понадобятся уравновешивающие силы в парламенте. Хотя я никогда не был членом какой-либо партии, я считаю, что наши лучшие надежды связаны с партией зеленых. Это единственная страна, имеющая шанс получить места на этих выборах и не связанная с олигархической властью. Ее новый манифест предлагает нам все, что должна обещать настоящая Лейбористская партия, подходящая для XXI века’).

Перечисленные блоки включают в себя 145 пропозиций, которые насчитывают в своем составе 256 актантов/сирконстантов. При этом количество актантов/сирконстантов со значением ‘спор’, ‘дискуссия’, ‘вопрос’, ‘проблема’, ‘перебранка’, ‘обсуждение’, ‘противостояние’, ‘мнение’ в совокупности с установленными в результате психолингвистического эксперимента окказиональными семами равно 98. Путем расчета индекса интенсивности когнитивно-семантического признака полемического компонента дискурса печатных СМИ по формуле $Ints = nactn(+ncirc) / t nactn(+circ) \cdot nprop$ мы получаем численный показатель 55,51.

Далее мы отобрали по 200 текстов таких жанров, как обозрение, полемическая статья и портретный очерк, и провели определение индекса интенсивности когнитивно-семантического признака полемического компонента дискурса печатных СМИ на основании вычисления среднестатистического показателя. Из трех отобранных жанров наибольшим индексом интенсивности когнитивно-семантического

признака полемического компонента дискурса печатных СМИ отличается полемическая статья (на русском языке – 64,85, на английском языке – 61,78), обозрение на русском языке имеет индекс интенсивности когнитивно-семантического признака 46,23, на английском языке – 46,13. Для русскоязычного портретного очерка индекс интенсивности равен 19,41, для англоязычного обзора данный индекс равен 22,13.

К языковым средствам выражения полемического смысла в исследуемом дискурсе принадлежат в первую очередь лексические единицы с семантикой несогласия, неистинности, противопоставления, маркеры отрицания, лингвостилистические единицы со значением противопоставления, лексические единицы с семантикой негативной оценки, а также специальные стилистические приемы и средства полемической изобразительности (ирония и т. д.), включающиеся в контрастный способ построения предложений в тексте. Указанные языковые средства в структурно-композиционном блоке полемического компонента исследуемого дискурса также имеют определенный индекс – индекс выразительности, который рассчитывается по следующей формуле: $Expr = nexpm / nsent(bl) \cdot nsent(t)$, где $Expr$ – индекс выразительности, $nexpm$ – количество языковых средств выражения полемического смысла, $nsent(bl)$ – количество предложений в полемическом компоненте исследуемого дискурса, $nsent(t)$ – количество предложений в тексте (всего). Таким образом, чем больше количество языковых средств выражения полемического смысла, тем выше индекс выразительности коммуникативно-прагматического признака полемического компонента дискурса, что позволяет отнести тексты тех или иных жанров к ядру, ближней и дальней периферии, буферной зоне полемического дискурса печатных СМИ.

Так, анализ полемической статьи из белорусской газеты показал, что в ее структуре можно выделить 35 структурно-композиционных блоков полемического компонента (приводится в сокращенном виде):

Один из лейтмотивов их пропаганды – рассказать о том, как у белорусов все плохо. Особенно по части демографии. Идет парад колясок в Гродно – плохо. Прилетает под Могилев колоссальное количество аустов и ролик об этом заполняет соцсети – еще хуже. На одном из выпускных в Борисове парень делает предложение девочке прямо на сцене – таких новостей по ту сторону границы видеть не желают. Зато пропаганда о том, что «беби-бумов в нашей стране не было уже много лет», налицо.

В статье одного из псевдобелорусских ресурсов «ниже плинтуса» якобы изучают, когда произошел демографический всплеск

в белорусской истории. Но цифры численности населения, приведенные в этой писульке, взяты с потолка. Сам автор так и пишет: «по косвенным данным», то есть ничем не подтвержденные. Что это, как не ложь и вброс? В то же время в открытом доступе есть конкретные данные, опубликованные Белстатом ко Дню защиты детей: на 1 января этого года в нашей стране проживало детей младше 18 лет 1 миллион 801 тысяча, это пятая часть населения. На тысячу мальчиков у нас приходится 949 девочек. И еще один чрезвычайно важный факт: по результатам обследования домохозяйств, 99,2 процента родителей детей до 16 лет оценивают состояние здоровья своих младших членов семьи как «хорошее» и «удовлетворительное».

А что там со статистикой у пресловутых европейских «образцов» для подражания? На днях на глаза попалась красноречивая информация: по данным местного информагентства, в Латвии смертность превышает рождаемость на 96 процентов [169].

В данном примере на лексическом уровне мы можем выделить следующие единицы-носители полемического смысла с семантикой негативной оценки, несогласия, неистинности, противопоставления, маркеры отрицания, метафоры, фразеологизмы, ирония: *их пропаганды; все плохо; Особенно по части демографии; плохо; еще хуже; видеть не желают; не было уже много лет; псевдобелорусских; «ниже плинтуса»; якобы изучают; в этой писульке; взяты с потолка; «по косвенным данным»; ничем не подтвержденные; Что это, как не ложь и вброс; пресловутых европейских «образцов» для подражания; смертность превышает рождаемость и т. д.*

На грамматическом уровне вопросительные предложения, сложноподчиненные предложения с противительными союзами *а, да, но, зато, же, однако*, сравнительные конструкции, употребление наречий степени, контрастный способ построения предложений в тексте и т. д. создают полемический контекст и входят в структурно-композиционные блоки полемического компонента дискурса печатных СМИ: *Идет парад колясок в Гродно – плохо; Прилетает под Могилев колоссальное количество аистов и ролик об этом заполняет соцсети – еще хуже; На одном из выпускных в Борисове парень делает предложение девочке прямо на сцене – таких новостей по ту сторону границы видеть не желают; Зато пропаганда о том, что «беби-бумов в нашей стране не было уже много лет», налицо; В статье одного из псевдобелорусских ресурсов «ниже плинтуса» якобы изучают, <...>; Но цифры численности населения, <...>; Что это, как не ложь и вброс?; В то же время в открытом доступе есть <...>; А что там со статистикой <...>? и др.*

Таким образом, в тексте анализируемой полемической статьи всего встречается 138 случаев вербализации полемического смысла. Всего в тексте 41 предложение, полемический компонент насчитывает 38 предложений. По формуле $Expr = nexpm / nsent(bl) \cdot nsent(t)$ производим расчеты и получаем индекс выразительности равный 148,89.

Далее мы проанализировали полемическую статью из англоязычной газеты (приводится в сокращенном виде):

A lie is a lie, but the president's support of his son – and of the legal system – has been moving to see.

If you didn't know better, you might think the jury that found Hunter Biden guilty this week knew precisely what they were doing. The evidence against the president's son – that he lied about his drug use on a firearms form six years ago – was overwhelming, but so too was the impression of a trivial, overegged charge. But, by finding him guilty, the jury in this area of solid Democratic support have potentially done more injury to his father's political rival than if they had found him not guilty on all counts.

For those of us watching, the entire spectacle has at times been an uncomfortable exercise in flushing out biases. Like the Trump children, Hunter Biden has the demoralised air of a scion struggling to escape his father's shadow, albeit in a different style. If the Trump boys are chinless dimwits, Hunter has about him the seedy air of a second- or third-tier Hollywood actor, clamped behind aviators and accompanied seemingly everywhere by his much younger wife.

In September, the 54-year-old will face nine federal tax charges, and the business of the recovered laptop rumbles on (Biden's laptop, which he accidentally left at a repair shop and the contents of which ended up in the hands of the New York Post, is still the subject of dispute; the Post's claim that the machine contained evidence of incriminating emails was dismissed by liberals at the time as part of a Russian disinformation campaign – a claim that has never been substantiated). And yet, when he was found guilty this week, I found myself thinking: poor Hunter, what a ridiculous verdict [170]. 'Ложь есть ложь, но поддержка президентом своего сына – и правовой системы – постепенно меняется. Если бы вы не знали лучше, вы могли бы подумать, что присяжные, признавшие Хантера Байдена виновным на этой неделе, точно знали, что они делали. Доказательства против сына президента – о том, что он солгал о употреблении наркотиков в бланке об огнестрельном оружии шесть лет назад – были ошеломляющими, но также создавалось впечатление тривиального и преувеличенного обвинения. Но, признав его виновным, присяжные в этой сфере при

твердой поддержке демократов **потенциально нанесли больше вреда** политическому **сопернику** его отца, чем если бы они **признали его невиновным** по всем пунктам **обвинения**.

Для тех из нас, кто смотрел, **весь этот спектакль** временами был **неудобным упражнением по устранению предубеждений**. Как и дети Трампа, Хантер Байден имеет вид **деморализованного отпрыска**, пытающегося **избежать** тени своего отца, хотя и в другом стиле. Если мальчики Трампа – **тупицы без подбородка**, то Хантер производит впечатление **убогого голливудского актера второго или третьего эшелона**, **зажатого** за авиаторами и, казалось бы, повсюду сопровождаемого своей гораздо более молодой женой.

В сентябре 54-летнему мужчине будет **предъявлено** девять **обвинений** в федеральном налоге, а дело по возвращению ноутбука продолжится (ноутбук Байдена, который он случайно оставил в ремонтной мастерской и содержимое которого оказалось в руках Нью-Йорк Пост до сих пор является **предметом споров**; утверждение Пост о том, что в машине содержались **доказательства компрометирующих электронных писем**, было **отвергнуто** в то время либералами как часть российской **дезинформационной кампании** – утверждение, которое так и **не было подтверждено**). И все же, когда на этой неделе его **признали виновным**, я поймал себя на мысли: **бедный Хантер, какой нелепый приговор**'.

В публикации было выделено 23 блока, включающих блоки «постановка проблемы», оценочные блоки, блоки «комментарий» и «мнение». Анализ указанных блоков полемического компонента проблемной статьи позволил выделить в их составе следующие языковые единицы, наполненные полемическим смыслом.

На лексическом уровне единицы, выражающие полемический смысл, представлены лексемами с семантикой негативной оценки, несогласия, неистинности, противопоставления, маркеры отрицания, метафоры, фразеологизмы, ирония, модальные глаголы: *a lie; you didn't know better; found Hunter Biden guilty; The evidence against; lied about his drug use; overwhelming; a trivial, overegged charge. But, by finding him guilty; done more injury; rival; found him not guilty; the entire spectacle; uncomfortable; flushing out biases; the demoralised air of a scion struggling to escape his father's shadow; chinless dimwits; the seedy air of a second- or third-tier Hollywood actor; clamped; tax charges; the subject of dispute; evidence of incriminating emails was dismissed; disinformation campaign; has never been substantiated; poor; what a ridiculous verdict* и др.

На грамматическом уровне восклицательные и условные предложения создают полемический контекст и входят в структурно-композиционные блоки полемического компонента дискурса печатных СМИ. Также употребляются сравнительные конструкции и прилагательные в сравнительной и превосходной степени, наречия степени, контрастный способ построения предложений в тексте: *A lie is a lie, but; If you didn't know better, you might think; The evidence against <...>, but <...>. But, by finding him guilty, the jury <...> more injury to his father's political rival than if they had found <...>; Like the Trump children, <...>; If the Trump boys <...>; And yet, when he was found guilty this week, I found myself thinking: poor Hunter, what a ridiculous verdict.*

Как показал статистический анализ, всего в структурно-композиционных блоках полемического компонента англоязычной полемической статьи было выделено 89 случаев вербализации полемического смысла в 27 предложениях из блоков полемического компонента, всего в тексте 28 предложений. Применяв формулу для расчета индекса выразительности коммуникативно-прагматических признаков полемического компонента анализируемого жанра, мы получили число 92,29, что ниже по сравнению с русскоязычной полемической статьей. Однако при дальнейшем вычислении среднего показателя индекса выразительности коммуникативно-прагматического признака полемического компонента в полемических статьях на русском (200 статей) и английском языке (200 статей) были получены следующие результаты: в русском языке индекс выразительности коммуникативно-прагматического признака в среднем равен 124,12, в английском – 114,36, что позволяет прийти к выводу, что коммуникативно-прагматический признак полемичности полемической статьи в неблизкородственных языках имеет практически одинаковую степень выраженности, что можно объяснить жанровой принадлежностью текстов и, соответственно, их целевыми установками. Разница будет заключаться в наборе языковых средств, вербализующих рассматриваемый признак, что обусловлено разноструктурностью языков.

Дальнейший анализ коммуникативно-прагматических признаков полемического компонента русскоязычных и англоязычных обзрений и портретных очерков позволил установить, что индекс выразительности в русскоязычных вариантах выше, чем в англоязычных и имеет следующие количественные показатели: русскоязычное обозрение – 86,42, русскоязычный портретный очерк – 22,26; англоязычное обозрение – 71,44, англоязычный портретный очерк – 18,76. Данный факт, на наш взгляд, объясняется более высокой склонностью к полемизации

публикаций в белорусской прессе с целью показать максимально возможное количество аспектов обсуждаемого вопроса, стимулировать аналитическое мышление и, соответственно, реализовать воздействие на адресата через тексты наибольшего количества жанров.

Как показал анализ материала, в большинстве случаев полемический смысл в жанрах обозрения и портретного очерка в белорусской прессе вербализуется посредством лексики со значением противопоставления, отрицания, негативной оценки, наречиями меры и степени, словами с модальным значением, а также при помощи сравнительных конструкций и сложноподчиненных предложений с придаточными предложениями уступки, причины, следствия.

В англоязычных жанрах обозрения и обзора полемический смысл репрезентируется через лексику со значением противопоставления, отрицания, негативной оценки, наречиями меры и степени, а также при помощи косвенных вопросов, сослагательного наклонения, модальных глаголов *may/might* (в значении ‘запрет’, ‘предположение, неуверенность’), *can/could* (в значении ‘запрет’, ‘удивление, сомнение, недоверие’, ‘упрек’), *should* (в значении ‘критика, упрек’), сложноподчиненных предложений с придаточными предложениями уступки, причины, следствия.

Дальнейшие расчеты численных значений среднего интегрального индекса полемичности полемической статьи, обозрения и портретного очерка позволили получить следующие результаты (таблица 1).

Таблица 1 – Количественные показатели индексов жанров ядра, ближней периферии дальней периферии и буферной зоны полемического дискурса белорусских и британских СМИ

Ядро / жанр	Численные значения среднего интегрального индекса, русский язык / английский язык	Ближняя периферия / жанр	Численные значения среднего интегрального индекса, русский язык / английский язык	Дальняя периферия / жанр	Численные значения среднего интегрального индекса, русский язык / английский язык	Буферная зона / жанр	Численные значения среднего интегрального индекса, русский язык / английский язык
полемическая статья	84,24 / 79,19	обозрение	58,68 / 53,73	очерк портретный	16,46 / 18,32	некролог	0

Показатели среднего интегрального индекса полемичности жанров дискурса печатных СМИ на русском и английском языках в целом выглядят следующим образом. Ядро: проблемная статья – 81,52 (рус. яз.) / 78,34 (англ. яз.), интервью – 76,23 (рус. яз.) / 74,64 (англ. яз.), проблемная корреспонденция – 74,92 (рус. яз.) / 79,04 (англ. яз.), проблемный очерк – 63,62 (рус. яз.) / 60,56 (англ. яз.), комментарий – 82,08 (рус. яз.) / 73,34 (англ. яз.), реплика – 64,88 (рус. яз.) / 61,06 (англ. яз.), отклик – 84,36 (рус. яз.) / 78,01 (англ. яз.), проблемный отчет – 61,03 (рус. яз.) / 63,44 (англ. яз.). Ближняя периферия: репортаж – 56,04 (рус. яз.) / 58,92 (англ. яз.), обозрение – 58,68 (рус. яз.) / 53,73 (англ. яз.), вопрос-ответ – 56,48 (рус. яз.) / 57,54 (англ. яз.), редакционная статья – 45,78 (рус. яз.) / 48,24 (англ. яз.), постановочная статья – 32,36 (рус. яз.) / 37,08 (англ. яз.), журналистское расследование – 59,02 (рус. яз.) / 58,64 (англ. яз.), «возвращаясь к напечатанному» – 46,09 (рус. яз.) / 45,94 (англ. яз.), круглый стол – 54,98 (рус. яз.) / 56,32 (англ. яз.), письмо – 52,46 (рус. яз.) / 54,47 (англ. яз.), корреспонденция постановочная – 35,34 (рус. яз.) / 38,62 (англ. яз.), корреспонденция аналитическая – 47,24 (рус. яз.) / 41,08 (англ. яз.), девиз-лозунг – 41,22 (рус. яз.) / 40,06 (англ. яз.), обзор – 51,82 (англ. яз.) / 48,33 (рус. яз.). Дальняя периферия: теоретическая статья – 14,64 (рус. яз.) / 15,32 (англ. яз.), житейская история – 27,38 (рус. яз.) / 29,08 (англ. яз.), обзор почты – 24,98 (рус. яз.) / 26,32 (англ. яз.), эксперимент – 21,32 (рус. яз.) / 27,45 (англ. яз.), заметка – 16,04 (рус. яз.) / 15,32 (англ. яз.), информационное сообщение – 12,38 (рус. яз.) / 13,31 (англ. яз.), очерк путевой – 12,37 (рус. яз.) / 14,35 (англ. яз.), очерк научно-популярный – 11,28 (рус. яз.) / 10,28 (англ. яз.), заявление – 10,04 (рус. яз.) / 12,32 (англ. яз.), анонс – 8,03 (рус. яз.) / 7,35 (англ. яз.), аннотация – 2,06 (рус. яз.) / 3,98 (англ. яз.), уведомление – 1,32 (рус. яз.) / 1,36 (англ. яз.), напоминание – 1,04 (рус. яз.) / 1,98 (англ. яз.), анкета – 2,63 (рус. яз.) / 2,24 (англ. яз.), мониторинг – 3,62 (рус. яз.) / 4,28 (англ. яз.), рейтинг – 3,98 (рус. яз.) / 2,76 (англ. яз.), рецензия – 6,41 (рус. яз.) / 8,23 (англ. яз.), прогноз – 8,38 (рус. яз.) / 9,64 (англ. яз.), версия – 1,65 (рус. яз.) / 2,43 (англ. яз.), зарисовка – 4,76 (рус. яз.) / 6,43 (англ. яз.), справка – 1,08 (рус. яз.) / 2,65 (англ. яз.), полилог – 13,52 (рус. яз.) / 15,28 (англ. яз.), опрос – 10,24 (рус. яз.) / 8,43 (англ. яз.), совет – 3,67 (рус. яз.) / 4,98 (англ. яз.), отчет общий – 2,42 (рус. яз.) / 3,98 (англ. яз.), отчет прямой – 1,24 (рус. яз.) / 3,42 (англ. яз.), отчет тематический – 4,32 (рус. яз.) / 5,28 (англ. яз.), отчет-комментарий – 6,78 (рус. яз.) / 5,32 (англ. яз.), заметка – 8,06 (рус. яз.) / 10,43 (англ. яз.).

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы по результатам сопоставительного анализа. Полемический дискурс печатных СМИ, представляющий собой сложное коммуникативное явление, формируется текстами жанров полемического характера, выраженного в их полемическом компоненте. Полемический компонент имеет ряд признаков, среди которых выделяются структурно-композиционные, когнитивно-семантические и коммуникативно-прагматические признаки, обладающие индексом плотности, индексом интенсивности и индексом выразительности, которые, как показал проведенный анализ, в русскоязычных и англоязычных публикациях имеют свои показатели. Также мы наблюдаем принадлежность жанра полемической статьи в обоих языковых вариантах исследуемого дискурса к его ядру, в то время как обозрение формирует ближнюю периферию, портретный очерк – дальнюю периферию полемического дискурса печатных СМИ. В буферной зоне находятся жанры некролога и поздравления, характеризующиеся нулевой полемичностью. Отличия наблюдаются в языковой репрезентации признаков полемического компонента, что, на наш взгляд, обусловлено разноструктурностью языков и национальной спецификой.

3.2 Структурные элементы русскоязычного и англоязычного полемического дискурса

Полемический дискурс печатных СМИ, для которого свойственна полевая структурная организация, отличается диалогическим взаимодействием в рамках своей дискурсоферы, которое происходит между жанрами, формирующими ядро, ближнюю, дальнюю периферию и буферную зону. Это обусловлено тем, что данный дискурс не является простым монологическим текстом и одновременно не является простым диалогом, а представляет собой неканонический письменный диалог, проходящий по различным каналам передачи и восприятия информации (периодические издания и/или Интернет) и характеризующийся отсроченностью во времени.

Представление о диалоге как о цепи сменяющих друг друга реплик, объединенных в диалогические единства, связанных не только синтаксически, но и прагматически и семантически и представленных одним словом или целым предложением и даже текстом [171, с. 69], позволило выделить в исследуемом полемическом дискурсе следующие структурные компоненты: реплика-стимул и реплика-реакция.

При детальном рассмотрении этих компонентов было установлено, что в широком смысле в качестве стимулирующей реплики может выступать сама полемическая публикация. В свою очередь отклик адресата, комментариев, публикация другого журналиста могут рассматриваться как ответные реплики. Так, например, в полевой структуре полемического дискурса печатных СМИ на русском языке появилась публикация «Не поддаваться эффекту толпы» (В. Бондарь, «СБ. Беларусь сегодня»), на которую поступило 32 отклика читателей. На публикацию в британской прессе “A Tokyo developer will demolish a building for spoiling the view. Why doesn't Britain care about beauty?” “Застройщик из Токио снесет здание за испорченный вид. Почему Британию не заботит красота?” (С. Дженкинс, “The Guardian”) поступило 110 откликов.

По мере поступления откликов на статью, содержащих либо согласие, либо критику в адрес автора, диалог получает свое продолжение. В данном случае мы можем говорить о внешней диалогической структуре полемического дискурса печатных СМИ (дискурсный уровень), т. е. структуре, образованной посредством стимулирующей реплики, в качестве которой выступает вся полемическая публикация в целом, и ответной реплики, представленной текстовым полем отклика.

Такая внешняя диалогическая структура полемического диалога характеризуется наличием у нее центральной части, образуемой публикацией-стимулом, вокруг которой формируются ответвления (отклики), обеспечивающие исследуемому дискурсу сложную полилогическую структуру. При этом некоторые отклики способны формировать вокруг себя дополнительные ответвления в виде откликов на них других читателей (отклик-реакция n_1 , n_2 и т. д.), что способствует продолжению дискуссии, объединенной одной тематикой. Такая структура характеризуется относительной предельностью, поскольку включаться в обсуждение актуальной проблемы может неограниченное количество адресатов.

Под внутренней диалогической структурой (межжанровый уровень) исследуемого нами полемического дискурса понимается его фрагмент, в котором стимулом является определенная часть статьи, содержащаяся в корпусе полемической публикации, а реакцией будет выступать информационно-текстовый фрагмент в отклике читателя. Фрагменты-стимулы и фрагменты-реакции связаны между собой по смыслу и содержат повторы адресатом лексики из информационного отрезка полемической публикации, и/или межтекстовые вопросно-ответные комплексы, образованные вопросами адресанта и вербальными ответами на них адресатов.

Отрезки, не находящие эксплицитного отражения в его внутренней структуре в виде повторов лексики из статьи и/или ответов на вопросы адресанта, мы относим к имплицитным фрагментам-стимулам и фрагментам-реакциям. Имплицитные фрагменты-стимулы обладают определенной воздействующей силой, но не являются прямым реагированием на стимул в исходной статье. Например:

Статья-стимул: *Мужчина едва не умер от счастья, сорвав джекпот в казино. Случай произошел в Сингапуре: гость выиграл 4 миллиона долларов – и тут же рухнул в обморок. Оказалось, пережил инфаркт и сейчас приходит в себя в больнице. А вы как относитесь к шальным деньгам?*

Пришли и ушли, вот как. Другое дело, у меня их, шальных, почитай, и не было за всю жизнь.

И я, знаете ли, не жалею. Потому что понял такую вот вещь: большие деньги очень много начинают требовать. Большие деньги желают, чтобы их обслуживали. И с какого-то момента не очень понятно: это большие деньги тебе принадлежат или ты им? [172].

Отклик-реакция: *Я бы точно не умер от такого счастья. Можете попробовать.*

В данном примере повторы лексики из полемической публикации в отклике свидетельствуют о тематической спаянности между эксплицитным фрагментом-стимулом и фрагментом-реакцией и являются компонентами внутренней структуры полемического дискурса печатных СМИ (выделены жирным шрифтом). В свою очередь на имплицитный фрагмент-стимул из полемической публикации трудно определить соответствующую реакцию в отклике.

Рассмотрим пример из англоязычного полемического дискурса:

Статья-стимул: *Drug addicts cannot be chivvied into sobriety with threats and penalties – addiction doesn't work like that. But, trapped by social stigma, that is what we will try to do. We will be cruel and inefficient.*

Why is this happening now? A boom in synthetic opioids, which are cheap to make and get round pesky things such as crop failure. They may be 50 times stronger than heroin, but are often taken inadvertently when they are used to pack out more expensive stuff. They show up in everything from off-brand painkiller pills to cannabis products to heroin itself. The rate of drug deaths in England and Wales rose 82 % between 2012 and 2022, the most recent year for which the Office for National Statistics has data. And things are about to get worse [173]. **Наркоманов** невозможно привести к трезвости угрозами и наказаниями – **наркомания** так не работает. Но, оказавшись в ловушке социальной стигмы, мы попытаемся это сделать. Мы будем жестокими и неэффективными.

Почему это происходит сейчас? Бум синтетических опиоидов, которые дешево производить и которые помогают обойти такие неприятные явления, как неурожай. Они могут быть в 50 раз сильнее героина, но их часто принимают случайно, когда они используются для упаковки более дорогих вещей. Они проявляются во всем: от неоригинальных обезболивающих таблеток до продуктов **каннабиса** и самого **героина**. Уровень смертности от наркотиков в Англии и Уэльсе вырос на 82 % в период с 2012 по 2022 год, последний год, за который имеются данные Управления национальной статистики. И ситуация будет ухудшаться’.

Отклик-реакция: *I think anyone who has any passing knowledge knows there is a difference between those party drugs with a low chance of **addiction**, and highly and dangerously **addictive** substances like **meth**, **heroin** and **GHB**.*

*Where I lump them together however is in that they both fund and foster criminality and have a profound environmental impact (the dumping of by-products in manufacturing **these drugs**).* ‘Думаю, любой, у кого есть хоть какие-то знания, знает, что есть разница между **наркотиками** для вечеринок с низкой вероятностью **привыкания** и веществами, вызывающими сильное и опасное **привыкание**, такими как **метамфетамин**, **героин** и **ГОМК**.

Однако я объединяю их в том, что они одновременно финансируют и способствуют преступности, а также оказывают глубокое воздействие на окружающую среду (выбрасывание побочных продуктов при производстве **этих наркотиков**)’.

Таким образом, можно полагать, что одним из признаков наличия в полемическом дискурсе печатных СМИ внутренней структуры являются повторы адресатом лексики из полемической публикации в рамках связанных по смыслу фрагментных реплик.

В данной работе мы придерживаемся мысли о том, что повтор слова предполагает и повтор присущих ему смысловых признаков и выделяем следующие виды лексического повтора – полный и модифицированный лексические повторы.

Под полным лексическим повтором в полемическом дискурсе печатных СМИ понимается дословная передача адресатом лексической единицы либо текстового фрагмента из публикации с возможным изменением морфологической формы, характеризующихся смысловым единством. Модифицированным лексическим повтором является синонимичный или перифразированный повтор адресатом лексической единицы либо текстового фрагмента из полемической публикации.

Так, в приведенных выше примерах присутствие модифицированных лексических повторов позволило определить в исследуемом полемическом дискурсе наличие внутренней структуры.

По мере того, как все большее количество читателей включается в полемическую дискуссию, как внешняя, так и внутренняя структура полемического диалога приобретают разветвленную структуру. Рассмотрим пример:

Адресант (стимул): *Перспективы отношений России и Евросоюза после смены руководства ЕС не улучшились, они остаются плохими. Об этом заявил пресс-секретарь Президента РФ Дмитрий Песков, пишет ТАСС.*

«Не думаем, что европейская дипломатия будет каким-то образом действовать в плане нормализации отношений», – сказал представитель Кремля. «Перспективы в плане отношений между Москвой и Брюсселем плохие», – отметил он.

Говоря о назначении премьера Эстонии Каи Каллас главой дипломатии ЕС, Дмитрий Песков отметил, что она «не продемонстрировала до сих пор дипломатических наклонностей» и «хорошо известна у нас своими абсолютно непримиримыми и иногда даже оголтело русофобскими заявлениями» [174].

Адресат 1 (реакция): *Сомнений в том, что Россия делает все правильно, нет, просто людям нужно время для осознания.*

Адресат 2 (реакция): *У России есть, что предложить миру, а у мира существует необходимость в этом, но, чтобы это принять, надо время для того, чтобы абстрагироваться от того, что происходит.*

В данном примере мы наблюдаем обсуждение конкретного аспекта проблемы по следующей схеме: стимул (полемическая публикация) – реакция (отклик адресата 1) – реакция (отклик адресата 2). Прагматическая связность между полемической публикацией и откликами отражается в модифицированных повторах, присутствующих в откликах адресатов. Кроме этого, в одном из приведенных выше примеров (адресат 1) присутствует согласие с мнением автора (Сомнений ... нет).

Адресант (стимул): *There is the tool to hand. One of the most startling policy successes of the past 20 years has been New Labour's Pension Protection Fund (PPF), established in 2005, which takes over the management of distressed defined benefit pension funds, guaranteeing the future pensions. Managed with great professionalism, the PPF has already consolidated more than 1,100 pension funds and is currently*

worth £33bn with a £12bn investment surplus – one of the most successful funds of its type globally in securing high investment performance. Industry insiders believe that there is another £600bn locked up in small, high-cost zombie funds that could be liberated for **productive investment** [175]. ‘Инструмент под рукой есть. Одним из наиболее поразительных политических успехов за последние 20 лет стал **Фонд пенсионной защиты** новых лейбористов (PPF), созданный в 2005 году, который берет на себя управление проблемными пенсионными фондами с установленными выплатами, гарантируя будущие пенсии. Управляемый с большим профессионализмом, PPF уже консолидировал более 1 100 пенсионных фондов и в настоящее время оценивается в 33 миллиарда фунтов стерлингов с инвестиционным профицитом в 12 миллиардов фунтов стерлингов – это один из самых успешных фондов такого типа в мире с точки зрения обеспечения высокой инвестиционной эффективности. Инсайдеры отрасли полагают, что в небольших дорогостоящих зомби-фондах хранится еще 600 миллиардов фунтов стерлингов, которые можно высвободить для **продуктивных инвестиций**’.

Адресат (реакция 1): *The pensions sector has already had to be bailed out as they have been engaged in high risk speculation not assured investment which is what an incoming Labour Govt can offer. The Bank Of England have warned them to divest from the speculation.*

I'm with the writer on this. We need a pension sector engaged in secure investment that benefits both the pension sector and society. Pension funds investing in Govt bonds that enable the roll out of social housing for example would not, in any way, threaten the pension sector. Far from it. Same can be applied to energy transition. ‘**Пенсионному сектору** уже пришлось оказывать помощь, поскольку он был вовлечен в спекуляции с высоким риском, не имея гарантированных инвестиций, и именно это может предложить новое правительство лейбористов. Банк Англии предупредил их отказаться от спекуляций. **В этом я согласен с автором.** Нам нужен пенсионный сектор, занимающийся **надежными инвестициями**, которые приносят пользу как пенсионному сектору, так и обществу. **Пенсионные фонды**, инвестирующие в государственные облигации, которые, например, позволяют построить социальное жилье, никоим образом не будут угрожать пенсионному сектору. Отнюдь нет. То же самое можно применить и к энергетическому переходу’.

Адресат 2 (реакция): *This idea would be controversial. Pension funds need a steady source of income to be able to pay pensioners on time*

every month. Finding investments that bring such returns and are safe is something they have invested years in perfecting. ‘Эта идея будет спорной. Пенсионным фондам необходим стабильный источник дохода, чтобы иметь возможность ежемесячно выплачивать пенсионерам вовремя. Они потратили годы на совершенствование поиска инвестиций, которые приносят такую прибыль и являются безопасными’.

Обсуждение актуальной проблемы может вестись по схеме стимул (полемика публикация) – реакция-стимул (отклик адресата 1) – реакция (отклик адресата 2), из которой становится очевидным, что ответная реакция одного из читателей превращается в стимулирующую реплику, требующую у других читателей ответной реакции:

Адресант (стимул): *По предварительной информации, около 14:00 мужчина находился с компанией на берегу реки. Пошел купаться, нырнул в воду и не вынырнул. В 15:20 работники МЧС на расстоянии одного километра (глубина 1,5 метра) от места входа в воду обнаружили **утонувшего** [176].*

Адресат 1 (реакция-стимул): *Оказание первой медицинской помощи.*

Адресат 2 (реакция): *Андрей, какая **помощь**, если он уже **утонул**.*

Доказательством разветвления диалогического дерева, прежде всего, является обращение адресата 2 к адресату 1 и лексический повтор слова *помощь*, что подтверждает тематическую общность всего диалога. Очевидно, что такой диалог может носить потенциально бесконечный характер благодаря своей открытости для большой аудитории, каждый член которой может стать участником дискуссии, высказав свой взгляд на проблему в отклике.

Рассмотрим англоязычные примеры:

Адресант (стимул): *Since 2010, by contrast, we have been governed by people who do not know much about how most people live, nor what they think. That explains David Cameron’s cosmically stupid decision to stage the Brexit referendum. It accounts for the misrule of **Boris Johnson**, and his apparent belief that the affections of the little people would excuse him an infinite amount of disgrace [177]. ‘С 2010 года, напротив, нами управляют люди, которые мало что знают ни о том, как живет большинство людей, ни о том, что они думают. Это объясняет космически глупое решение Дэвида Кэмерона провести референдум по Брекситу. Это объясняет плохое управление **Бориса Джонсона** и его очевидную веру в то, что привязанность простых людей оправдывает его бесконечное количество позора’.*

Адресат 1 (стимул-реакция): *Amazed that Labour are not using the record of the Boris, Rees-Mogg brigade more. Privileged politicians*

using a place in the Commons to advance themselves and their bank balances. I've not heard BJ years mentioned at all by Labour as a sober reminder to the electorate. 'Поражен тем, что лейбористы больше не используют послужной список бригады Бориса Риса-Могга. Привилегированные политики используют место в палате общин для продвижения себя и своих банковских счетов. **Я ни разу не слышал, чтобы Лейбористская партия вообще упоминала годы Би Джей как трезвое напоминание электорату**'.

Адресат 2 (реакция): *Perhaps they have not mentioned BJ because he is still very popular in the country and they don't want people to be reminded.*

Labour sent out a rather vile postcard campaign to a younger member of my family, which goes on about Tories partying while the Queen sat in silence and a man whose wife died of cancer was barely allowed to go near her. Not a single mention of BJ. 'Возможно, **они не упомянули Би Джея**, потому что он все еще очень популярен в стране, и они не хотят, **чтобы людям об этом напоминали**.

Лейбористская партия разослала довольно мерзкую открытку младшему члену моей семьи, в которой рассказывалось о вечеринках Тори, в то время как королева сидела молча, а мужчине, чья жена умерла от рака, едва позволяли приближаться к ней. **Ни единого упоминания о Би Джее**'.

Другим признаком наличия у полемического дискурса печатных СМИ внутренней диалогической структуры стали межтекстовые вопросно-ответные комплексы, образующиеся посредством вопроса в полемической публикации и ответов на него в отклике.

При анализе исходных статей было установлено, что фрагментарная реплика-стимул может быть как единичным вопросом, так и блоком, состоящим из нескольких вопросительных высказываний. Ответы адресатов на такие вопросы формируют часть внутренней структуры полемического дискурса печатных СМИ, как в следующем примере:

Адресант: *И если на МЗКТ думают, что уж без них-то не обойдутся, может и так. Но заставят работать за копейки, и именно заставят – а куда вы пойдете, если будет уже некуда?* [178].

Адресат: *Разрушат «до основанья, а затем ...» с нуля построят новый мир, если смогут, сидя за компьютером и со смартфоном. Только их родители, а тем более дедушки и бабушки, его не увидят ...*

Выделенный вопрос побуждает адресата проанализировать сложившуюся ситуацию и выразить свое итоговое мнение по данному аспекту обсуждаемой проблемы.

Ответы на единичные вопросы могут быть представлены собственными рассуждениями адресатов, что объясняется употреблением данных вопросительных высказываний в их вторичной функции, т. е. их направленностью не на запрос точной информации, а на побуждение читателей к дискуссии.

Адресант: *Macron is history, Le Pen is triumphant. What do 'reasonable' French voters like me do now?* [179] 'Макрон – это история, Ле Пен – триумфатор. **Что сейчас делают «разумные» французские избиратели вроде меня?**'

Адресат: *Reasonable people have no option but to vote for the left. Macron is a busted flush. His party has been confirmed as a temporary phenomenon. It's time has gone.* 'У разумных людей нет другого выбора, кроме как голосовать за левых. Макрон – неудачник. Его партия утвердилась как временное явление. Время ушло'.

Кроме единичных вопросов, в исследуемом дискурсе употребляются вопросные блоки, состоящие из двух и более вопросительных высказываний. Характерной чертой такого блока является то, что адресант вначале описывает проблему, а затем формулирует ряд идущих друг за другом вопросов, которые призваны оказать воздействие на читателя с целью инициировать его участие в дискуссии. Например:

Тогда для чего самые горластые кого ни попадя из-за ворот зовут? Вам шашечки нужны или ехать, вы хотите всерьез поднять большие вопросы государственного уровня или покрасоваться в ленте новостей? [178].

Такой блок вопросов, в отличие от единичных вопросительных высказываний, способен к акцентированию остроты проблемы за счет расширенной подачи информации о различных ее аспектах.

За приведенным выше блоком вопросов следуют рассуждения:

Еще раз повторю: и требования ваши понятны, и ваше желание справедливости, и ваше законное, и моральное, и социально-общественное право [178].

Приведенный фрагмент, кроме усиления понимания важности проблемы, также указывает на важность рационального подхода к решению создавшейся ситуации.

Кроме этого, такие рассуждения могут подводить читателя к другой проблеме, связанной с предыдущей, которая также излагается в виде последовательности вопросов:

Но почему их выкрикивает от вашего имени кто угодно, только не выдвинутые вами же ваши же авторитетные для вас и отвечающие перед вами лидеры? [178].

Адресант в данном примере пытается подвести адресата к ключу решения проблемы.

Аналогичные примеры наблюдаются в англоязычном полемическом дискурсе. Но в отличие от русскоязычных публикаций в них более часто встречаются косвенные вопросы в составе вопросных блоков:

What went wrong? One can obviously wonder why Macron decided to gamble the country's future on a snap election he had no chance of winning, opening the gate to the far right. We'll leave that to historians, as the president is a spent force.

We can also wonder why this country, with its many assets, has generated enough anger and resentment among its citizens to produce an election result that is more likely to damage its economy and social cohesion than solve real problems. We can also question a French political elite that was so blind it let the far right prosper in large corners of a society that felt forgotten and despised.

All of this is true, and is being discussed everywhere now in France, among friends, colleagues and in our family circles [179]. ‘Что пошло не так? Очевидно, можно задаться вопросом, почему Макрон решил поставить будущее страны на досрочные выборы, на победу которых у него не было шансов, открыв ворота крайне правым. Оставим это историкам, поскольку президент – уже израсходованная сила.

Мы также можем задаться вопросом, почему эта страна с ее многочисленными активами вызвала достаточно гнева и негодования среди своих граждан, чтобы добиться результатов выборов, которые скорее нанесут ущерб ее экономике и социальной сплоченности, чем решат реальные проблемы. Мы также можем подвергнуть сомнению французскую политическую элиту, которая была настолько слепа, что позволяла крайне правым процветать в больших уголках общества, которое чувствовало себя забытым и презираемым.

Все это правда, и сейчас это обсуждается повсюду во Франции, среди друзей, коллег и в наших семейных кругах’.

Как показал структурный анализ последовательностей вопросов, большая их часть начинается с общих вопросов, что можно объяснить тем, что адресант сначала стремится передать общий смысл проблемы, а затем сосредоточить внимание на ее конкретных аспектах. Интересно отметить, что риторические вопросы в последовательности вопросов не только выражают различные эмоционально-экспрессивные значения, но и выполняют стимулирующую функцию побуждения адресата к ответу.

Таким образом, проведенное исследование позволило выделить языковые маркеры структуры полемического дискурса печатных

СМИ, к каковым в первую очередь относятся полные и модифицированные лексические повторы, свидетельствующие о том, что участники дискуссии поддержали обсуждаемую тему и готовы внести сильный вклад в решение возникшей проблемы.

Кроме повторов, языковыми маркерами диалогической структуры исследуемого дискурса, как было показано выше, являются ответы адресата на поставленные в полемической публикации вопросы, а также ответы, связанные с вопросами из публикации адресанта.

Тематическая общность также является маркером прагматической связности в русскоязычном и англоязычном полемическом дискурсе и может быть подтверждена тематических единств, которые представляют собой совокупность языковых единиц, объединенных общим значением, и имеют предметное, концептуальное или функциональное сходство обозначаемых явлений:

Публикация: *Но тут, как обычно, мы сталкиваемся с двойными стандартами. Когда речь идет о несчастной женщине, которая не выдержала издевательств деспота-мужа и забила его скалкой, феминистки вдруг встают горой за «псевдонауку»: начинают твердить, что погибший отличался сугубо виктимным поведением и самолично спровоцировал собственное убийство ... Такой подход я считаю, мягко говоря, несправедливым: правильнее говорить о неосмотрительном поведении людей без их деления по половым признакам [180].*

Отклик: *Убийство не может иметь оправданий, и может расследоваться только с двух позиций преднамеренное или нелепая случайность.*

Тема «преступление»: *не выдержала, издеательства деспота-мужа, забила скалкой, погибший, виктимное поведение, спровоцировал собственное убийство, неосмотрительное поведение – убийство, не может иметь оправданий, расследоваться, преднамеренное, нелепая случайность.*

В англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ тематическая общность подтверждается также полными повторами лексики. Тематические единства наиболее распространены в англоязычном полемическом дискурсе, что подтверждает наличие тематической общности:

Публикация: *The only way to prevent such a majority is for all other political forces to apply a simple rule: withdraw their candidate if it's a three-way fight in their constituency. This would bring a hung parliament, political instability and possible chaos; but it would be less damaging than having the far right in power. At least that's what "reasonable" people would think.*

But politics is more complicated than that, in a polarised country where the united front of leftwing parties came second, leaving Macron's centrist bloc a distant third. Some people, it seems, are more afraid of the left than of the far right [179]. ‘Единственный способ предотвратить такое большинство – это для всех других политических сил применить простое правило: отозвать своего кандидата, если в их округе идет трехсторонняя борьба. Это приведет к подвисанию парламента, политической нестабильности и возможному хаосу; но это было бы менее разрушительно, чем наличие у власти крайне правых. По крайней мере, так думают «разумные» люди.

Но политика более сложна в поляризованной стране, где объединенный фронт левых партий занял второе место, оставив центристский блок Макрона на далеком третьем месте. Некоторые люди, похоже, больше боятся левых, чем крайне правых’.

Отклик: *I do not know enough about French politics to read what is going on at the moment – but across Europe there seems to be a clear tilt towards the Right. We can either pretend that the voters are all misguided, confused and lied to by the Right – or we can recognise they have issues that aren't being addressed/acknowledged by the more “reasonable” parties and try to do something about it.* ‘Я недостаточно знаю французскую политику, чтобы понять, что происходит в данный момент, но по всей Европе, кажется, наблюдается явный уклон вправо. Мы можем либо притвориться, что все избиратели введены в заблуждение, сбиты с толку и им лгут правые, либо мы можем признать, что у них есть проблемы, которые не решаются/не признаются более «разумными» партиями, и попытаться что-то с этим сделать’.

Тема «политические круги Франции»: *political forces* ‘политические силы’, *candidate* ‘кандидат’, *a three-way fight* ‘трехсторонняя борьба’, *parliament* ‘парламент’, *political instability* ‘политическая нестабильность’, *possible chaos* ‘возможный хаос’, *the far right* ‘крайне правые’, *in power* ‘у власти’, *“reasonable” people* ‘«разумные» люди’ – *French politics* ‘французская политика’, *tilt towards the Right* ‘уклон вправо’, *voters* ‘избиратели’, *the Right* ‘правые’, *“reasonable” parties* ‘«разумные» партии’.

При сопоставительном анализе становится очевидным тот факт, что для русскоязычного и англоязычного полемического дискурса печатных СМИ наиболее характерно употребление тематических единств при реализации тематической общности, в то время как употребление полных повторов противоположны в русском и английском языках, что можно объяснить стремлением русскоязычных

коммуникантов к повышению экспрессивно-оценочного компонента текстов за счет употребления тематических единств, в свою очередь англоязычные коммуниканты за счет большей употребительности полных повторов стремятся усилить аргументативно-информативную сторону своих высказываний.

Говоря о языковых признаках референциального единства, которое указывает на единство участников описываемых событий, нам удалось установить, что в русскоязычном полемическом дискурсе она маркируется в 96,4 % случаев именами существительными (нарицательными и собственными), именными группами, в то время как употребление местоимений не распространено (3,6 %).

В англоязычном полемическом дискурсе местоимения также менее употребительны в качестве языковых маркеров референциального единства по сравнению с полными референциальными выражениями (90,6 %), но они встречаются чаще (9,4 %), чем в русскоязычном дискурсе, что можно объяснить их более широким функциональным потенциалом (например, *they* употребляется для обозначения множественного числа третьего лица не только для людей, но и для вещей, а также для парных предметов, которые в единственном числе в этом значении не употребляются; *we* означает местоимение, в которое входят сам говорящий и кто-то еще (или несколько собеседников); сам говорящий плюс кто-то другой, но не собеседник; нация, профессия, возрастная категория, при этом действие, о котором говорится, может и никогда не совершаться говорящим лично, и т. д.).

Событийная общность как правило реализуется при помощи прямых номинаций или синонимических номинаций, которые повторяются как в публикации-стимуле, так и публикации-реакции в обоих языках.

Временное и пространственное единство вербализуется в русскоязычном и англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ при помощи хронимов, дат, наречий времени и топонимов практически в одинаковых пропорциях относительно языков. Рассмотрим примеры:

Публикация: ***Впервые поведение жертвы взялся изучать немецкий профессор Георг Клейнфеллер. В конце XIX века он опубликовал результаты исследования роли потерпевшего в механизме преступления. И пришел к удивительному для тех времен выводу, что немало преступлений обусловлено активным подстрекательским поведением самих жертв. Позже оказалось, что виктимология как социально-психологическая наука касается множества сфер. Ты, наверное, удивишься, но существует даже виктимология быта и досуга. Она касается проблем безопасности при использовании бытовой техники, при отдыхе на воде, при пользовании транспортом.***

То есть всех случаев, когда травматизма или гибели можно было бы избежать, не будь эти последствия спровоцированы безответственным поведением самих пострадавших [180].

Отклик 1: *Гражданам, рассказывающим про виктимологию, предлагаю представить на месте жертв своих родных, не дай Бог, конечно, и дать ответ, не кривая душой, будут ли они обвинять их в провоцировании преступников.*

Отклик 2: *Ну в некоторых странах виновной в изнасиловании признают саму жертву...*

Публикация: *The Le Pen influence appeared to be growing, but I always had the naive idea that “reasonable” people, from the right as well as from the left, would never let them win. It proved true in 2002 when Jean-Marie Le Pen made it to the second round of the presidential election: the French then voted massively for Jacques Chirac. It proved true again in 2017 and 2022, when Marine also reached the second round and was defeated by Emmanuel Macron, the promising young outsider who wanted to dismantle the left-right dividing line. It’s no longer true [179].*

‘Влияние Ле Пен, казалось, росло, но у меня всегда была наивная идея, что «разумные» люди, как справа, так и слева, никогда не позволят им победить. Это подтвердилось в 2002 году, когда Жан-Мари Ле Пен прошел во второй тур президентских выборов: тогда французы массово проголосовали за Жака Ширака. Это снова подтвердилось в 2017 и 2022 годах, когда Марин также дошел до второго тура и потерпел поражение от Эммануэля Макрона, многообещающего молодого аутсайдера, который хотел разрушить разделительную линию между левыми и правыми. Это уже не так’.

Таким образом, на примерах из белорусской и британской прессы мы изучили структуру полемического дискурса, представленную жанрами, входящими в ядро, ближнюю и дальнюю периферию, которые объединены признаком полемичности, т. е. наличием полемического компонента в каждом жанре. Далее на межжанровом уровне была зафиксирована структурная связность, когда на проблемную статью поступили отклики читателей, и прагматическая связность, маркируемая повторами адресатом лексики из текстового отрезка полемической публикации, межтекстовыми вопросно-ответными комплексами, образованными вопросами адресанта и вербальными ответами на них адресатов, включая риторические вопросы из проблемной статьи или откликов других читателей, на которые могут поступать реакции-ответы, цитированием текстовых фрагментов из проблемной статьи или отклика другого читателя (прямое или косвенное).

В свою очередь между жанрами на внутрижанровом уровне наблюдается тематическое, референциальное, событийное, временное, пространственное единство, маркируемое определенным набором лексико-грамматических единиц, которые в разноструктурных языках (русском и английском) имеют сходства и отличия.

Внутренний диалог на межжанровом уровне в исследуемом полемическом дискурсе, как и внешний на дискурсном уровне, характеризуется относительной предельностью количества его участников (отклик 1, отклик 2, отклик n) и продолжительностью во времени. Связи между структурными компонентами (фрагментными репликами) находят эксплицитное выражение в полных и модифицированных лексических повторах, ответах на поставленные вопросы либо самостоятельных рассуждениях адресатов. В отличие от внешнего, внутренний диалог характеризуется наличием межтекстовых вопросно-ответных комплексов, в состав которых входят не только точные ответы на поставленные вопросы, но и ответы, косвенно связанные с этими вопросами, но имеющие большое значение для продолжения дискуссии. Кроме этого, особенностью внутреннего диалога является то, что не все вопросы, заданные адресантом и адресатом, получают ответы, что свидетельствует о свободе выбора адресатом направления дальнейшего обсуждения и обусловлено его интересами.

3.3 Интенциональный компонент полемического дискурса печатных СМИ

Как известно, структура когнитивно-дискурсивного пространства дискурса подчинена определенной интенции, вызванной тем или иным стимулом. Интенция адресанта «содержательно выстраивает материал в тексте и тем самым организует речевую фактуру» [181, с. 254], определяя «семантическую структуру дискурса, коммуникативные стратегии, языковые маркеры семантических компонентов и стратегий» [182, с. 29]. То есть, мы можем утверждать, что речевое поведение коммуникантов регулируются интенциями.

Интенциональность все более широко исследуется представителями различных областей науки. Так, в философии интенциональность понимается как свойство сознания, благодаря которому его состояния характеризуются как имеющие содержание, заключающее в себе информацию о чем-то, что находится вне сознания, и как включающие определенный вид установки по отношению к этому

содержанию [183]. Таким образом, язык оказывается вторичным по отношению к интенциональности. Способность к интенциональным состояниям более фундаментальна, чем язык [184].

Н. И. Формановская связывает интенцию и иллокуцию, соотнося их как значение к функции на том основании, что первая, являясь «выжимкой» значения речеактового высказывания отражает в его семантике один из содержательных моментов внутреннего мира человека, одну из сторон модусной пропозиции [185].

В современной лингвистике существуют различные подходы к трактовке термина «интенция». Так, Э. Кошмидер соотносит интенцию (*intentum*) как «мыслимое, содержащееся в мысли» с обозначаемым (*designatum*), противопоставляя ее, таким образом, обозначающему [186]. О. С. Ахманова приводит определение, согласно которому интенция понимается как потенциальное или виртуальное содержание высказывания [187]. В этом определении интенция противопоставляется актуальному или высказанному содержанию.

В других толкованиях интенция отождествляется с целью высказывания, что позволяет соотносить цели высказывания с обобщенной интенцией говорящего: сообщить, осведомиться о чем-либо, или побудить к чему-либо. Однако исследователи обычно не останавливаются на столь абстрактном понимании интенции. Они детально анализируют коммуникативные интенции, выделяемые в диалогах на естественных языках, и на их базе пытаются составлять универсальный каталог коммуникативных интенций, пригодный для многих, если не для всех современных языков [188].

Таким образом, с различных авторских позиций интенциональность определяется по-разному, тем не менее, существует обоюдное признание того факта, что для данной категории свойственно осуществление фундаментального влияния на текст во всей его совокупности форм и смысловых составляющих, тем самым реализуя текстообразующую функцию. Кроме того, выступая в роли своеобразной доминанты, интенциональность интегрирует все другие категории текста и языка [189] и отвечает за достижение адресантом определенного результата, под которым имеется ввиду то или иное воздействие на адресата [190, с. 52].

В настоящей работе под интенцией понимается коммуникативное намерение говорящего, которое сформировалось на основе потребностей и мотивов общения и реализуется определенными языковыми средствами [182]. Любая интенция находится в непосредственном взаимодействии со сценарием и фреймом той коммуникативной

ситуации, в пространстве которой данная интенция должна быть реализована. Следовательно, именно интенция определяет направление поиска тех параметров (характеристик) речевого поведения в ментальных базах (сценариях, фреймах), которые будут способствовать ее реализации, а определенный тип речевого поведения коммуниканта предполагает соответствующее лексико-грамматическое структурирование и использование этих средств для реализации воздействия.

Поскольку полемический дискурс печатных СМИ представляет собой специфический диалог, организуемый посредством полемических публикаций и/или откликов на них, то представляется необходимым рассмотрение набора интенций, характерных для этих структурных компонентов исследуемого дискурса, что позволит выявить специфику интенциональной составляющей последнего и сопоставить ведущие интенции авторов различных типов речевых сообщений, чтобы компенсировать недостаточную разработанность данной проблематики в контексте жанрово-дискурсивного разнообразия языков.

При номинации интенций нами использованы толковые словари В. И. Даля (2011), Т. Ф. Ефремовой (2005), С. И. Ожегова (2010), под редакцией Д. Н. Ушакова (2009), Н. Ю. Шведовой (2011). Избранные номинации могут отражать не самые частотные значения используемых слов. Некоторые интенциональные категории близки по смыслу, поэтому в некоторых случаях приводятся их дифференциальные признаки.

Так, анализ полемических публикаций различных жанров полемического дискурса печатных СМИ позволил установить репертуар интенций, которые маркируются различными средствами языка.

Поскольку полемический дискурс является подтипом медийного дискурса, то на первый взгляд представляется, что ведущей является интенция информирования. Однако в полемическом дискурсе печатных СМИ данная интенция представляет, на наш взгляд, комплексное явление, поскольку сочетает в себе такие намерения как упрек, критику, оценку, побуждение, удивление и т. д., то есть в нашем случае правомерно говорить об информирующем воздействии, которое предполагает не только передачу информации, но и ее интерпретацию адресатом как стимула к ответной реакции, что обеспечивается за счет учета особенностей условий протекания коммуникации и характеристик ее основных участников.

Следовательно, основную коммуникативную интенцию адресанта полемического дискурса можно сформулировать как сообщение информации об актуальной проблеме с последующим побуждением адресата к участию в поиске ее возможных решений через обсуждение.

Рассмотрим следующий пример:

*Открыто говорить правду сегодня не так уж и просто. Итальянец Альберто Фазоло лишился работы на телевидении за свои политические взгляды, однако **остался верен принципам**. На родине журналист выступает организатором и участником многих акций в поддержку Беларуси, а сегодня он впервые приехал в Минск. <...>*

*При этом в европейских медиа сегодня **почти не пишут в положительном ключе: процветают мифы об отсутствии демократии и отсталом экономическом положении в Беларуси** [191].*

Как мы видим из примера, интенция информирования прежде всего маркируется при помощи глаголов речетворческой деятельности и события: говорить, писать, лишиться, остаться, процветать. Оценочный компонент, сопровождающий информирование и выражающийся при помощи экспрессивно-оценочной лексики (открыто, не так уж и просто, верен принципам, почти, в положительном ключе, мифы об отсутствии демократии и отсталом экономическом положении в Беларуси), комбинирует интенцию информирования и оценки. Таким образом, мы можем выделить информативно-оценочную интенцию.

В свою очередь для языковой репрезентации информативного компонента в белорусской прессе активно используются топонимы, хрононимы, даты, обстоятельства места и времени, числительные, а также имена собственные, обозначающие участников того или иного события:

*Итальянский журналист трезво оценивает беспрецедентное санкционное давление, с которым столкнулись **Беларусь и Россия**: <...>.*

*Альберто Фазоло обратил внимание на огромные пробки, которые образуются на въезде в **Беларусь со стороны Литвы**: <...>.*

*Итальянская делегация прибыла в Минск для участия в торжественных мероприятиях, посвященных **80-й годовщине освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков**. В планах – посетить торжественное собрание и концерт мастеров искусств «Путь к независимости» во **Дворце Республики**, военный парад и мемориальный комплекс «**Хатынь**» [191].*

В примере из англоязычной полемической публикации мы встречаем следующие примеры вербализации информативно-оценочной интенции:

*Turkey, conversely, is perhaps the only country in the world where stray animals **have a legal right to inhabit the street, thanks to a 2004 law passed by Erdoğan himself**. That law **protects** a population of*

socialised street animals whose presence has long served as a proxy for broader social debates about notions of “development” and “civilisation” [192]. ‘Турция, **напротив, является, пожалуй, единственной** страной в мире, где бездомные животные **имеют законное право обитать** на улице **благодаря** закону, **принятому** самим Эрдоганом в 2004 году. Этот закон **защищает** популяцию социализированных уличных животных, чье присутствие **уже давно служит** показателем **более широких социальных дебатов** о понятиях «развитие» и «цивилизация»’.

Интенция может маркироваться при помощи глаголов речетворческой деятельности, события и бытия: сообщать, являться, иметь, обитать и др. Но, как показал проведенный анализ, для англоязычных полемических публикаций характерно более частотное употребление глаголов бытия (быть, являться) для маркирования рассматриваемой интенции по сравнению с русскоязычными публикациями. Оценочный компонент, входящий в информативно-оценочную интенцию, выражается при помощи экспрессивно-оценочных лексических единиц (conversely ‘напротив’, perhaps ‘пожалуй’, the only ‘единственный’, legal right ‘законное право’, thanks to ‘благодаря’, protects ‘защищать’, long ‘давно’, broader social debates ‘более широкие социальные дебаты’), которые сопровождают глаголы события и бытия. Активное употребление топонимов, хрононимов, дат, обстоятельств места и времени, числительных, имен собственных, обозначающих участников того или иного события также участвуют в маркировании информативной составляющей рассматриваемой интенции.

Рассмотрим другие интенции, входящие в текстовое пространство полемического дискурса печатных СМИ: оценка, убеждение, предупреждение, возражение, предложение, совет, мнение, согласие/несогласие, запрос информации, рекомендация, обращение, похвала, удивление. Например:

Оценка: *Если оторваться от **сакрального** догматизма, то рыночная экономика при **пристальном** рассмотрении похожа на рукотворные химические элементы в системе Менделеева. Они есть, но получить их можно **только** в лабораторных условиях. И живут они **крайне недолго**: некоторые распадаются в течение нескольких секунд. А то и **быстрее*** [193].

*Erdoğan’s current proposal is likely to be **similarly brutal**. In recent years there have been reports around Turkey of municipal officials knocking dogs unconscious and burying them alive, beating them to death with spades, or strangling them with their bare hands* [192]. ‘Нынешнее

предложение Эрдогана, вероятно, будет столь же жестоким. В последние годы по всей Турции поступали сообщения о том, что муниципальные чиновники сбивали собак с ног и хоронили их заживо, избивали их до смерти лопатами или душили голыми руками’.

В вербализации оценочной интенции в русском и английском языках наиболее часто употребляются оценочные наречия, имена прилагательные и глаголы оценки.

Убеждение: *Мало подхватить историческое знамя Победы отцов и дедов, нужно гордо пронести его и передать детям* [194].

There is evidence that Turkey’s stray-dog population has grown unsustainably in recent years, with large and sometimes dangerous groups of poorly socialised street dogs roaming the fringes of cities [192].

‘Есть свидетельства того, что популяция бродячих собак в Турции в последние годы неустойчиво выросла: **большие, а иногда и опасные группы плохо социализированных уличных собак** бродят по окраинам городов’.

Языковая экспликация интенции убеждения реализуется при помощи глаголов действия, повелительного наклонения, глаголов убеждения, имен существительных с семой ‘убежденность’, глаголов с модальным значением и др.

Предупреждение: *Собеседник напомнил, что Глава государства Александр Лукашенко еще в 2020 году предупреждал, что все эти перипетии, экстремистские выходки и проводимые в течение года деструктивные кампании появились не просто так* [195].

Conversely, Turkey’s street-animal culture engenders an awareness that we are part of a broader, nonhuman world that we need to respect and accommodate. Real progress would be to ensure its survival and draw broader lessons from it [192].

‘И наоборот, культура уличных животных в Турции порождает осознание того, что мы являемся частью более широкого, нечеловеческого мира, **который нам необходимо уважать и приспособливаться. Реальный прогресс будет заключаться** в обеспечении его выживания и извлечении из него более широких уроков’.

Вербализация рассматриваемой интенции в русском и английском языках преимущественно осуществляется посредством глаголов предупреждения, повелительного наклонения, имен существительных с семой ‘предупреждение’, глаголов с модальным значением.

Возражение: *Ведь реализация этого проекта позволит сократить использование на 3,5 млрд кубометров газа ежегодно для Венгрии. И удивительно, что европейские партнеры возражают. Но удалось добиться правильного решения* [196].

*To stop global catastrophe, we must believe in humans again. We have the technology to prevent climate crisis. **But now we need to unleash mass resistance too** – because collective action does work [197].* ‘Чтобы остановить глобальную катастрофу, мы должны снова поверить в людей. У нас есть технологии, позволяющие предотвратить климатический кризис. **Но теперь нам также необходимо развязать массовое сопротивление** – потому что коллективные действия действительно работают’.

Глаголы возражения, имена существительные с семой ‘возражение’, противительные союзы реализуют указанную интенцию в русском и английском языках.

Предлагание: *Во время кризиса на острове Лампедуза итальянские острословы **предлагали** премьеру Мелони разместить нелегалов в Колизее – там помещается 50 тысяч человек. На Лампедузе – только шесть. Юмор у итальянцев специфический, но взгляд на проблему – более чем понятный [198].*

*Defence secretary Grant Shapps **suggested** the Tories were fighting to prevent Labour securing a “supermajority” bigger even than the 1997 landslide [199].* ‘Министр обороны Грант Шаппс **предложил**, чтобы тори боролись за то, чтобы помешать лейбористам получить «сверхбольшинство», даже большее, чем в 1997 году’.

При вербализации интенции предлагания в полемических публикациях активно употребляются глаголы предлагания, имена существительные с семой ‘предложение’ и т. д.

Совет: – *Спортом в жару **нельзя заниматься** людям с хроническими заболеваниями, такими как патологии сердечно-сосудистой системы, поскольку при активных упражнениях повышается артериальное давление, увеличивается частота сердечных сокращений, а также организм может своеобразно отреагировать на изменение погоды. Кроме того, **нужно следить** за потреблением организмом кислорода, – **советует** руководитель Городского центра здоровья в Минске Снежана Кавриго. <...> Еще один важный **совет** от спасателей: **нельзя нырять** с разбега, **лучше зайти** в воду постепенно, чтобы дать телу привыкнуть к перепаду температур и избежать спазмов кровеносных сосудов. Любителям долгого лежания на солнце тоже **не стоит торопиться**: сначала остываете в тенишке и только потом идете плавать. И, конечно, во время грозы от воды **лучше держаться подальше** [200].*

*Government analysis reportedly forecasts that those who take frequent baths can save £15 by swapping one out for a shower once a week. **EST advice states** switching just one bath a week for a*

four-minute shower can save £20 a year on bills. However, it is understood the government has rejected calls to advise people to take shorter showers or turn down their thermostats due to ministers' nanny state concerns [201]. 'Как сообщается, правительственный анализ прогнозирует, что те, кто часто принимает ванну, могут сэкономить 15 фунтов стерлингов, заменив ванну один раз в неделю на душ. **В совете EST говорится**, что замена всего лишь одной ванны в неделю на четырехминутный душ **может сэкономить 20 фунтов стерлингов в год на счетах**. Однако понятно, что правительство отклонило призывы **посоветовать** людям принимать душ быстрее или выключить термостаты из-за опасений няньки министров'.

Как видно из примеров, рассматриваемая интенция реализуется на языке уровне при помощи глаголов советования, имен существительных с семой 'совет', а также косвенных речевых актов.

Мнение: *Без Лукашенко в таком географическом положении Беларусь бы просто не выжила, он защищает суверенитет своей страны и интересы народа. Об этом и не только – мнения, оценки и комментарии людей на самых разных континентах мира. Сегодня на телеканале «Беларусь 1» первый выпуск проекта, посвященный Латинской Америке* [202].

Earth is dying, you say? Whatever. Let's build a Mars rocket! [203] 'Земля умирает, говорите вы? **Как бы то ни было. Давайте построим ракету на Марс!**'

Употребление глаголов мнения, имен существительных с семой 'мнение', а также косвенных речевых актов маркирует одноименную интенцию.

Согласие/несогласие: *Главное вот в чем: согласившись на сделку, Ассанж «не будет оспаривать законность применения Закона о шпионаже к своим действиям». Следовательно, и никакого окончательного решения верховного суда США по поводу Первой поправки не будет* [172].

I think that if we back off the most crazed frontiers of technology, we can still figure out how to keep humans healthy, safe, productive – and human. Not everyone agrees. Some harbour a deep pessimism about human nature which I confess, as an American in the age of Donald Trump, occasionally seems sound [197]. 'Я думаю, что если мы отступим от самых безумных границ технологий, мы все равно сможем понять, как сохранить здоровье, безопасность, продуктивность и человечность людей. **Не все согласны**. Некоторые питают глубокий пессимизм по поводу человеческой природы, который, признаюсь, как американец эпохи Дональда Трампа, иногда кажется обоснованным'.

Выражение согласия/несогласия в полемических публикациях как правило реализуется одноименными глаголами и именами существительными с семой 'не/согласие'.

Запрос информации: *У меня к вам, белорусам, есть вопрос? Вот ваша так называемая оппозиция, женщина, которая за рубежом громко кричит. Бывала даже в Италии. Я бы с ней и другими с удовольствием поговорил на тему «демократии и свободы». Что ее нет в Италии, что каждый день у нас гибнет четыре рабочих, и никому нет до них дела. Или как люди терпят оскорбления и унижения, потому что боятся потерять работу. **Что Вы думаете о такой демократии?*** [198]

During the interview, the prime minister was asked by ITV Tonight presenter Paul Brand if he had ever gone without something? [199] 'Во время интервью ведущий ITV Tonight Пол Брэнд спросил премьер-министра, **обходился ли он когда-нибудь без чего-нибудь?**'

Как показал анализ примеров, запрос информации в русском и английском языках реализуется при помощи прямых и косвенных вопросов, а также повелительного наклонения.

Рекомендация: *Потому следует планировать занятия, предварительно узнав прогноз погоды. Универсальное летнее правило – упражняться на улице утром до 10:00 часов или вечером после 19:00* [200].

Turn off heating when going out: £105. An obvious way to cut usage, and bills, is to make sure you're not heating a house when no one is in, by making switching off the heating part of your leaving-the-house routine, like grabbing your keys and wallet or bag [201]. '**Выключайте отопление перед выходом: £105.** Очевидный способ сократить потребление электроэнергии и счета – это убедиться, что вы не обогреваете дом, когда в нем никого нет, сделав выключение отопления частью своей рутины выхода из дома, например, захватив ключи и кошелек или сумку'.

Глаголы рекомендации, имена существительные с семой 'рекомендация', глаголы с модальным значением и повелительное наклонение участвуют в вербализации рассматриваемой интенции.

Обращение: *Какие репрессии, о чем вы? Доктор наук, профессор, катался как джюгас в масле. При этом соседи шушукались: поддерживает связи с црушными американцами, но дальние косых взглядов дело так и не зашло* [204].

A blank cheque approach allowing someone to do anything they wanted, particularly when their particular set of plans are so vague, and

they say 'change', but you have no idea what they actually want to change to, other than the fact that they've outlined plans which would cost £2,094 to every working family in this country [199]. 'Подход «блан-чек», позволяющий кому-то делать все, что он хочет, особенно когда его конкретные планы настолько расплывчаты, и они говорят «изменить», но **вы** понятия не имеете, на что они на самом деле хотят измениться, кроме того факта, что они наметили планы, которые обойдутся каждой работающей семье в этой стране в 2094 фунта стерлингов'.

В большинстве случаев обращение в русскоязычном и англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ репрезентировано именами существительными и местоимениями.

Похвала: *Надо отдать должное Александру Григорьевичу Лукашенко, что занялся страной. А сохранилось почему? Потому что он – умный человек. Езжу по дорогам Беларуси, все в порядке. Дороги отличные. Кроме того, Лукашенко сделал обновление индустрии: Орша, «Химволокно». «Гродно Азот» строит новый аммиак. Это человек, который заботится о стране [202].*

Keir had one talent that most barristers lacked, namely an ability to manage finances – and he joined me for several years as co-head of a chambers that aimed to do half its work at commercial rates and the other half on legal aid (which, of course, pays far less) and otherwise free of charge [205]. 'У Кейра был один талант, которого не хватало большинству адвокатов, а именно способность управлять финансами (конечно, платят гораздо меньше), а в остальном бесплатно'.

Глаголы похвалы, экспрессивно-эмотивные имена прилагательные и имена существительные участвуют в экспликации рассматриваемой интенции.

Удивление: *Это подтверждается фактом того, что шок-контент или фейковые новости распространяются быстрее обычных. Когда вы видите громкий заголовок, то он вас удивляет, потому что чаще всего это информация играет на вашем ожидании [206].*

The surprise result for the leftwing New Popular Front – which won 182 seats, followed by president Emmanuel Macron's centrist Together alliance on 163 and the far right in third with 143 seats – showed the strength of tactical voting against Marine Le Pen's National Rally (RN) [207]. 'Неожиданный результат для левого Нового народного фронта, получившего 182 места, за ним следует центристский альянс президента Эммануэля Макрона «Вместе» (163 места) и крайне правые, занявшие третье место с 143 местами, продемонстрировал силу тактического голосования против Национального объединения Марин Ле Пен (RN)'.

Как правило, удивление вербализуется при помощи глаголов удивления, имен существительных с семой 'удивление', имен прилагательных и наречий, маркирующих одноименную интенцию, восклицательных предложений (реже).

Изучение откликов читателей на полемические публикации из «СБ. Беларусь сегодня» и “The Guardian” показало, что в отличие от журналистских текстов в СМИ для откликов набор интенций в целом гораздо шире, что обусловлено социальным и коммуникативным контекстами: отсроченность во времени, дистантность, отсутствие квалификационных требований, условная анонимность (нет требований к обязательной идентификации личности). Как показал проведенный анализ, для откликов читателей, помимо рассмотренных ранее интенций, характерно выражение упрека. Например:

Сунак ничего не сделал для народа Великобритании. Лучше бы просто помолчал [208].

So if something is impossible or even requires a long timescale and a lot of effort, you should pretend that it wouldn't even be a good thing.

Rejoining the EU or SM could happen relatively quickly if the UK public and the existing members could both be convinced that it was a good thing.

The UK government had better start with the convincing on both sides. As it will be damned difficult and time consuming task, better make it a top priority [209]. ‘Поэтому, если что-то невозможно или даже требует длительного времени и усилий, вам следует сделать вид, что даже не будет хорошо. Возвращение в ЕС или СМ **могло бы произойти относительно быстро, если бы британская общественность и существующие члены были убеждены, что это хорошо.**

Правительству Великобритании **лучше бы начать с убеждения** обеих сторон. Поскольку это будет чертовски сложная и трудоемкая задача, лучше сделать ее главным приоритетом’.

Как видно из вышеперечисленных примеров, упрек и в белорусской, и в британской прессе передается при помощи глаголов с модальным значением и сослагательного наклонения.

Другой менее распространенной интенцией в откликах читателей является оскорбление. Рассмотрим следующие примеры:

*Лучше и не скажешь. Но там у большинства отсутствие всякой логики. Как в ситуации с короной в самом начале. **Зомбированные интернетом жалкие людишки, просто ищущие на ком выместить свою злобу за бездарно проходящую свою жизнь [210].***

*Who will speak for the country? The queen? In 5 minutes of platitudes she recorded on Thursday so well out of date by now. Could she scrap that and appear live and tell **all the idiot “exercisers”** to stay at home and save the lives of many? No, I thought not [211]. ‘Кто будет говорить за страну? Королева? За 5 минут банальностей, которые она записала в четверг, они уже давно устарели. Могла ли она отказаться от этого, появиться в живых и сказать **всем идиотам-«тренажерам»**, чтобы они оставались дома и спасали жизни многих? Нет, я думал, что нет’.*

Очевидным становится то, что для выражения оскорбления в откликах читателей наиболее часто в обоих языках используется пейоративная лексика.

Менее распространенными, но не менее важными в откликах читателей оказались следующие интенции:

Благодарность: *Андрей, **спасибо!** Подписываюсь под каждым Вашим словом. Самое обидное, что мы работали, обеспечивали им эту сытую жизнь пока их запад обрабатывал сначала фильмами садистскими ужасниками, боевиками потом интернет к этому зомбированию подключился. Вот и выстрелило это оружие через 30 лет в нас, за все наши наилучшие помыслы мы 40–60 летние сегодня получили «нож в спину». Обидно до слез!!! [212]*

*It is a cult. Spearheaded by the libertarian lunatic fringe who have, partly **thanks to** Brexit, taken over the asylum. And who Johnson stands in thrall to because they let him play at being King of the World. But far more culpable are the many Tory MPs who do not subscribe to this cult, who can see right through it but do nothing that might threaten that lovely 80-seat majority [213]. ‘Это культ. Возглавляемый либертарианцами-сумасшедшими, которые, отчасти **благодаря** Брекситу, захватили приют. И у кого Джонсон находится в плену, потому что они позволяют ему играть роль короля мира. Но гораздо более виновными являются многие депутаты-консерваторы, которые не присоединяются к этому культу, которые видят его насквозь, но не делают ничего, что могло бы поставить под угрозу это прекрасное 80-местное большинство’.*

Просьба: ***Скажите мне пожалуйста, а где милиция? Что то их то и не видно ... [214]***

*You can, absolutely. Also though the public can say, “Well that’s very interesting, not to say worrying! However I need to fly for various reasons and without this car life would be a right pest. So, thanks, but **I’d like to be offered another option, please** [215]. ‘Вы можете, абсолютно. Хотя публика может сказать: «Ну, это очень интересно, если не сказать тревожно! Однако мне нужно летать по разным причинам, и без этой машины жизнь была бы настоящим вредителем. Так что спасибо, но **я бы хотел, чтобы мне предложили другой вариант, пожалуйста**’.*

Так, благодарность получает языковое выражение в виде глаголов благодарности и имен существительных с семой 'благодарность', а также речевых клише, рекомендация – при помощи глаголов просьбы и имен существительных с семой 'просьба'. Как отмечалось ранее, набор интенций в откликах читателей шире, что обусловлено приближенностью условий коммуникативного взаимодействия к бытовому типу дискурса. В сводной таблице 2 представлены интенции, которые были обнаружены в ядре полемического дискурса на материале русского и английского языков более чем в 0,5 % случаев.

Следует также подчеркнуть, что результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что интенции в чистом виде (выражены соответствующими глаголами и именами существительными) в откликах читателей присутствуют гораздо реже, чем те, которые реализуются с помощью других языковых средств.

В сводной таблице 2 также представлены наиболее употребительные средства вербализации интенций в русскоязычном и англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ, которые были обнаружены в ядре полемического дискурса, что позволяет обнаружить сходства и отличия в способах оязыковления интенционального набора в сопоставительном аспекте.

Таблица 2 – Интенциональная составляющая полемического дискурса белорусских и британских печатных СМИ

Интенция	Полемические публикации в русскоязычной / англоязычной прессе, %	Отклики читателей в русскоязычной / англоязычной прессе, %
1	2	3
информативно-оценочная	наречия – 30,1 / 31,6 прилагательные – 45,8 / 46,8 глаголы речетворческой деятельности – 17,4 / 18,4 другие – 6,7 / 3,2	наречия – 35,8 / 36,6 прилагательные – 39,4 / 40,8 глаголы речетворческой деятельности – 16,9 / 17,8 другие – 7,9 / 4,8
оценка	наречия – 32,1 / 31,2 прилагательные – 43,8 / 42,6 глаголы оценки – 18,6 / 17,9 другие – 5,5 / 8,3	наречия – 41,1 / 40,4 прилагательные – 39,8 / 38,9 глаголы оценки – 11,7 / 10,9 другие – 7,4 / 9,8
убеждение	глаголы действия – 32,8 / 31,9 повелительное наклонение – 14,6 / 12,7 глаголы убеждения – 18,1 / 19,8 имена существительные с семой 'убежденность' – 17,9 / 18,8 глаголы с модальным значением 9,1 / 11,7 другие – 7,5 / 5,1	глаголы действия – 28,8 / 33,9 повелительное наклонение – 24,6 / 22,7 глаголы убеждения – 14,1 / 15,4 имена существительные с семой 'убежденность' – 15,9 / 16,8 глаголы с модальным значением 7,9 / 9,8 другие – 8,7 / 1,4

Продолжение таблицы 2

1	2	3
предупреждение	глаголы предупреждения – 31,7 / 34,5 повелительное наклонение – 10,1 / 10,6 имена существительные с семой 'предупреждение' – 49,6 / 52,3 другие – 8,6 / 2,6	глаголы предупреждения – 30,7 / 31,5 повелительное наклонение – 14,1 / 15,6 имена существительные с семой 'предупреждение' – 45,6 / 46,3 другие – 9,6 / 6,6
возражение	глаголы возражения – 37,9 / 36,4 имена существительные с семой 'возражение' – 58,4 / 56,8 другие – 3,7 / 6,8	глаголы возражения – 48,9 / 48,8 имена существительные с семой 'возражение' – 41,4 / 41,3 другие – 9,7 / 9,9
предлагание	глаголы предлагания – 35,8 / 38,7 имена существительные с семой 'предложение' – 54,3 / 58,7 другие – 9,9 / 2,6	глаголы предлагания – 45,7 / 46,3 имена существительные с семой 'предложение' – 44,8 / 45,5 другие – 9,5 / 8,2
совет	глаголы советования – 41,1 / 40,8 имена существительные с семой 'совет' – 57,2 / 55,8 другие – 1,7 / 3,4	глаголы советования – 47,1 / 46,8 имена существительные с семой 'совет' – 44,2 / 43,8 другие – 8,7 / 9,4
мнение	глаголы мнения – 37,3 / 38,1 имена существительные с семой 'мнение' – 59,1 / 60,4 другие – 3,6 / 1,5	глаголы мнения – 35,8 / 37,1 имена существительные с семой 'мнение' – 56,9 / 57,4 другие – 7,3 / 5,5
согласие/ несогласие	глаголы согласия/несогласия – 36,9 / 37,2 имена существительные с семой 'не/согласие' – 54,5 / 61,1 другие – 8,6 / 1,7	глаголы согласия/несогласия – 51,6 / 61,4 имена существительные с семой 'не/согласие' – 39,9 / 35,2 другие – 8,5 / 3,4
запрос информации	прямые вопросы – 42,4 / 40,4 косвенные вопросы – 38,6 / 41,1 повелительное наклонение – 13,6 / 10,2 другие – 5,4 / 8,3	прямые вопросы – 64,2 / 68,9 косвенные вопросы – 15,3 / 14,1 повелительное наклонение – 17,4 / 11,2 другие – 3,1 / 5,8
упрек	–	глаголы с модальным значением – 42,1 / 51,3 сослагательное наклонение – 49,2 / 46,4 другие – 8,7 / 2,3
оскорбление	–	пейоративная лексика – 100 / 100
рекомендация	глаголы рекомендации – 31,9 / 30,4 имена существительные с семой 'рекомендация' – 34,5 / 33,9 глаголы с модальным значением – 32,1 / 34,4 другие – 1,5 / 1,3	глаголы рекомендации – 33,2 / 31,4 имена существительные с семой 'рекомендация' – 32,5 / 29,9 глаголы с модальным значением – 30,5 / 38,2 другие – 3,8 / 0,5

Окончание таблицы 2

1	2	3
обращение	имена существительные – 76,3 / 77,1 местоимения – 22,5 / 21,6 другие – 1,2 / 1,3	имена существительные – 25,3 / 28,1 местоимения – 73,2 / 69,4 другие – 1,5 / 2,5
похвала	глаголы похвалы – 76,5 / 75,3 экспрессивно-эмотивные имена прилагательные – 12,1 / 11,5 экспрессивно-эмотивные имена существительные – 10,3 / 10,8 другие – 1,1 / 2,4	глаголы похвалы – 14,3 / 11,3 экспрессивно-эмотивные имена прилагательные – 32,4 / 35,8 экспрессивно-эмотивные имена существительные – 48,6 / 50,2 другие – 4,7 / 2,7
благодарность	–	глаголы благодарности – 11,9 / 8,9 имена существительные с семей ‘благодарность’ – 12,5 / 7,5 речевые клише – 74,1 / 82,2 другие – 1,5 / 1,4
просьба	–	глаголы просьбы – 48,3 / 51,5 имена существительные с семей ‘просьба’ – 46,4 / 44,9 другие – 5,3 / 3,6
удивление	глаголы удивления – 22,4 / 20,8 имена существительные с семей ‘удивление’ – 24,5 / 22,6 имена прилагательные – 28,2 / 31,4 наречия – 21,5 / 22,9 другие – 3,4 / 2,3	глаголы удивления – 20,4 / 18,9 имена существительные с семей ‘удивление’ – 23,5 / 22,1 имена прилагательные – 26,2 / 31,1 наречия – 25,5 / 26,8 другие – 4,4 / 1,1

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить интенциональную составляющую полемического дискурса печатных СМИ на русском и английском языках и набор языковых средств, реализующих те или иные намерения коммуникантов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что набор ведущих интенций в жанрах ядра полемического дискурса совпадает, что обусловлено целевыми установками адресанта, но степень выраженности в обоих языках отличается: в русскоязычном полемическом дискурсе интенции оценочно-эмотивного характера по степени выраженности имеют более высокий уровень (информативно-оценочная – 16,9 %; оценка – 14,3 %; убеждение – 13,1 %; возражение – 3,3 %; совет – 8,3 %; обращение – 2,5 %; похвала – 2,1 %; удивление – 2,6 %), в англоязычном полемическом дискурсе – информативно-аргументативные интенции выше по степени выраженности (информативно-оценочная – 21,5 %; предупреждение – 2,8 %; предложение – 4,8 %;

мнение – 13,1 %; согласие/несогласие – 8,3 %), что можно объяснить особенностями национального характера адресантов. В русскоязычных откликах читателей преобладают возражение – 15,4 %; предложение – 2,7 %; совет – 12,5 %; запрос информации – 8,7 %; упрек – 5,9 %; рекомендация – 5,2 %; обращение – 2,2 %; похвала – 1,9 %; благодарность – 2,1 %; удивление – 3,2 %), в то время как в англоязычных откликах – информирование – 2,5 %; информативно-оценочная – 3,8 %; оценка – 10,8 %; убеждение – 2,7 %; мнение – 12,7 %; согласие/несогласие – 11,8 %.

Полученные результаты могут быть использованы при изучении других типов дискурсов в сопоставительном аспекте и разработке типологии речевых интенций.

3.4 Коммуниканты полемического дискурса печатных СМИ: сопоставительный аспект

Полемический дискурс печатных СМИ, функционирующий в рамках массовой информационной деятельности, представляет собой определенную активно функционирующую систему ценностно-смысловой коммуникации субъектов процесса массового информирования. Обладая всеми системообразующими признаками институционального дискурса, одним из которых является адресант и адресат, полемический дискурс обладает рядом особенностей, которые влияют на способ и образ формирования его коммуникативной ситуации: участники коммуникации с одной стороны обладают определенным статусом в обществе (журналисты, эксперты в определенной области знаний – адресанты), с другой стороны участники представляют массового рассредоточенного адресата (читателей). Параметр «адресант / адресат» играет одну из главных ролей в определении коммуникативного пространства полемического дискурса печатных СМИ, поэтому установление особенностей его языковой репрезентации в сопоставительном аспекте дает основу, во-первых, для рассмотрения адресанта полемического дискурса как главного, «организующего центра ‘смыслового пространства’» исследуемого дискурса [216, с. 8] и, следовательно, особенностей концептуализации личностного начала в языке, реализующуюся через «наличие в лексике, грамматике (словообразовании, синтаксисе) специальных и разнообразных средств его (адресанта) маркировки» [217, с. 96]. С другой стороны, лингвистические знания о субъекте полемического дискур-

са печатных СМИ являются ключом к исследованию таких параметров, как коммуникативная цель, набор коммуникативных стратегий и тактик, интенции коммуникантов, их общий фонд знаний и др., которые позволяют представить максимально полную картину о когнитивно-дискурсивном пространстве полемического дискурса печатных СМИ на материале неблизкородственных языков.

Одной из отличительных черт полемического дискурса является то, что адресант в подавляющем большинстве случаев одиночно-индивидуальный, т. е. это профессиональный журналист (штатный или внештатный). В роли адресанта в исследуемом дискурсе может выступать эксперт в определенной сфере знаний, общественный деятель, т. е. представитель какого-либо института. Стоит отметить, что цели адресанта ограничены интересами института масс-медиа (информирование через воздействие), а значит никаких лично преследуемых или корыстных целей в дискурсе адресанта быть не должно.

Адресант в полемическом дискурсе печатных СМИ должен обладать необходимым и достаточным объемом знаний по теме своего высказывания, а также иметь большой словарный запас, определенный уровень эрудиции и умение верно пользоваться как первым, так и вторым.

Поскольку полемический дискурс печатных СМИ включает в себя различные жанры, в настоящем исследовании предпринимается попытка представить портрет адресанта через набор наиболее типичных для всех жанров языковых особенностей ключевого участника коммуникации.

Как показал проведенный анализ, адресант полемического дискурса печатных СМИ в рамках достижения цели дискурса – вовлечения адресата в полемическую дискуссию для совместного поиска ответов на актуальный вопрос как в русскоязычной, так и в англоязычной прессе использует вопросительные высказывания.

При анализе полемических публикаций различных жанров было установлено, что адресант использует как единичные вопросы, так и блоки, состоящие из нескольких вопросительных высказываний.

Единичные вопросительные высказывания концентрируют внимание на одном из аспектов возникшей проблемы/вопроса/ситуации и в русскоязычных публикациях преимущественно представлены специальными (33,7 %) и риторическими (32,5 %) вопросами, побуждая адресата выразить свою собственную точку зрения:

***В чем суть выплат пенсий через банки? Рассказываем в деталях.** <...>*

– *Может быть, Правительству пришло время подумать о привлечении тех же пенсионеров?* [218]

В речи англоязычного адресанта преобладают общие (39,0 %) и риторические (24,4 %) вопросительные высказывания:

Are we in post-general election Britain this Thursday evening? ‘Находимся ли мы в Британии после всеобщих выборов в этот четверг вечером?’ <...>

Rather than contrition, they offer belligerent arrogance. Surely, their opponents and critics think, surely voters will punish them? [219] ‘Вместо раскаяния они демонстрируют воинственное высокомерие. Неужели, думают их оппоненты и критики, избиратели их накажут?’

Как мы видим, специальные вопросы, отличающиеся более высокой употребительностью в речи русскоязычного адресанта, маркируют намерение получить ответы на вопросы *Где? Когда? Почему?* и т. д. В то время как для англоязычного адресанта типичным является употребление общих вопросов, задав которые отправитель информации ожидает получить подтверждение, опровержение или отсутствие ответа на содержащиеся в вопросе данные, т. е. *Да; Нет; Не знаю*. Также было установлено, что в речи русскоязычного адресанта делается акцент на риторических вопросах, поскольку преобладает воздействующий аспект при реализации диалогической функции, в то время как в англоязычном полемическом дискурсе процент употребительности риторических вопросов ниже, что может свидетельствовать о прямолинейности англоязычных адресантов, которые используют единичные вопросы в своих прямых функциях, а не в качестве риторических, а воздействующая функция реализуется в англоязычном полемическом дискурсе за счет других средств языка.

Кроме единичных вопросов, в исследуемом дискурсе употребляются вопросные блоки. Их характерной чертой является то, что адресант вначале обрисовывает проблему/вопрос/ситуацию, а затем формулирует ряд идущих друг за другом вопросов, которые призваны оказать воздействие на адресата с целью инициировать его участие в дискуссии. Либо адресант выстраивает вопросный блок исключительно перечисляя все аспекты, связанные с существующей проблемой/вопросом. Рассмотрим следующие примеры из русскоязычных и англоязычных публикаций:

Кстати, заметьте: прострелили паре взрывников колени – и никаких треповых в Беларуси так и не появилось. Это я пишу еще и чтобы снова напомнить, если кто уже отошел от того впечатления: даже не думайте. Распнем на площади при малейшей попытке теракта, никто рассусоливать не будет, просто поверьте.

Ведь поверили, наконец (судя по завываниям в беглых пабликах), что «найдем всех» – это не фигура речи? Не пугалки, не обещания, а программа действий на годы? [220].

Their job is to help them deliver their policies regardless of their personal views. But what if that basic respect between minister and civil servant is undermined? Or, when push comes to shove, they are left to carry the can rather than ministers taking responsibility? Or, when ministers are found to have departed from the ministerial code, as was clearly the case for Priti Patel, no action will be taken? The most likely conclusion they will reach is that there are better opportunities outside government, which will deprive the government and country of much-needed talent [221]. ‘Их работа – помогать им проводить свою политику независимо от их личных взглядов. Но что, если это элементарное уважение между министром и государственным служащим будет подорвано? Или, когда дело дойдет до критической ситуации, им придется нести ответственность, а не министрам, которые возьмут на себя ответственность? Или, когда будет обнаружено, что министры отступили от министерского кодекса, как это явно произошло в случае с Прити Пател, никаких действий предпринято не будет? Наиболее вероятный вывод, к которому они придут, заключается в том, что за пределами правительства есть лучшие возможности, что лишит правительство и страну столь необходимых талантов’.

Такой блок вопросов, в отличие от единичных вопросительных высказываний, способен к интенсификации остроты обсуждаемого вопроса за счет расширенной подачи информации о различных его аспектах, поэтому, как показал проведенный анализ употребление вопросных блоков характерно именно для ядерных жанров и жанров ближней периферии полемического дискурса печатных СМИ в обоих языках.

В структурном плане большая их часть начинается с общих вопросов. Риторические вопросы в свою очередь в последовательности вопросов не только выражают различные эмоционально-экспрессивные значения, но и выполняют стимулирующую функцию побуждения адресата к ответу. В белорусском и британском полемическом дискурсе печатных СМИ адресанты выстраивают последовательности по-разному, поскольку, на наш взгляд, это обусловлено разноструктурностью языков и лингвокультурными особенностями коммуникантов.

Дальнейший анализ полемических публикаций показал, что адресанты в обоих языках активно используют эмотивную и оценочную лексику, экспрессивный синтаксис, поскольку выражение эмоций обладает высоким прагматическим потенциалом. Рассмотрим следующие примеры:

Ведь нету никаких активов, сколько ни искали – цента не нашли, зачем вы опять поднимаете эту тему?! Что? Je ne mange pas six jours, говорите? Так сами тогда идите и ищите, он же ясно сказал: что найдете, то ваше! [222].

Употребление вопросительных и восклицательных предложений с совокупности с эмотивно-оценочными лексемами передают эмоциональный настрой автора, создают определенную атмосферу, побуждают адресата прочувствовать ситуацию и высказать свое мнение.

Sir Keir Starmer's Labour party sees crime prevention as the priority. It has promised a Young Futures programme, modelled on New Labour's Sure Start, as a way to reduce knife crime. After 14 years in which youth services endured some of the harshest cuts of any public service, and with concerns about young people's social and emotional wellbeing running high, any pledge to invest in teenagers is welcome. But the results of a survey by the National Youth Agency are a reminder that, while youth services can play a role in supporting young people at risk from violence, they should not be viewed solely through a criminal justice lens [223]. ‘Лейбористская партия сэра Кейра Стармера считает приоритетным предотвращение преступности. Они пообещали программу «Молодое будущее», созданную по образцу программы «Уверенный старт» новых лейбористов, как способ **снизить количество преступлений с применением ножа**. После 14 лет, в течение которых службы по работе с молодежью пережили **одни из самых жестких сокращений** среди всех государственных услуг, а также **в условиях растущей обеспокоенности по поводу социального и эмоционального благополучия молодых людей**, любое обещание инвестировать в подростков можно только приветствовать. Но результаты опроса Национального агентства по делам молодежи служат напоминанием о том, что, **хотя молодежные службы могут играть роль в поддержке молодых людей, подвергающихся риску насилия, их не следует рассматривать исключительно через призму уголовного правосудия**’.

Употребление выделенных лексических и синтаксических единиц направлено на описание всей серьезности вопросов, чтобы оказать влияние на эмоциональное состояние читателей и побудить их к обсуждению создавшихся ситуаций.

Также отмечается частотное употребление личных и притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица, чье употребление приводит к субъективизации повествования, воздействуя на читателя, создавая иллюзию причастности, соучастия: *И ведь так и скажут. В том самом будущем. Все скажут. Обязательно скажут. Несмотря ни на что.*

В хорошей стране мы с вами, если задуматься, живем! И к тому же – в правильной. О чем даже наши беглые (про себя) знают [224].

Forms of discrimination and fairness sometimes clash. You can see that in the argument over Labour's proposed introduction of a retirement age of 80 for the House of Lords. Yes, it can be seen as an ageist gesture that would deprive parliament of some of its most experienced voices. But how do we rate the importance of hearing new people and voices, rather than making them wait until they are equally venerable? [225] 'Формы дискриминации и справедливости иногда сталкиваются. Вы можете видеть это в споре по поводу предложения Лейбористской партии ввести пенсионный возраст в 80 лет для Палаты лордов. Да, это можно рассматривать как эйджистский жест, который лишит парламент некоторых из его самых опытных голосов. Но как мы оцениваем важность слышать новых людей и голоса, а не заставлять их ждать, пока они не станут столь же уважаемыми?'

Сочетание личных местоимений с глаголами мнения, интеллектуальной и речевой деятельности и рядом других глаголов усиливает эффект «введения в свой круг» участников полемического дискурса.

Дальнейший сопоставительный анализ показал, что для полемических публикаций характерно усиление аргументативной составляющей, поскольку, на наш взгляд, современный читатель стал более требовательным в отношении качества получаемой им информации, тем самым побуждая адресанта полемического дискурса печатных СМИ использовать максимальное количество аргументативных схем для убеждения адресата в важности описываемой проблемы. Рассмотрим следующие примеры:

Тезис – Нынешней еврокомиссарше Урсуле фон дер Ляйен не удалось с первого раза заручиться поддержкой глав государств Европы, чтобы продолжить занимать свое (или уже нет) место и на второй срок. Торги продолжаются.

Аргументы – Не последнюю роль в этом, очевидно, играет и двойной скандал с ковид-вакциной Pfizer. Мало того что сейчас документально подтверждено: американская вакцина оказалась небезопасной и не до конца проверенной. А на рынок была спешно выброшена, чтобы заработать на всемирном психозе побольше денег. Так еще и еврокомиссарша лично поучаствовала в распиле 70 с небольшим миллиардов из бюджета объединенной Европы при помощи своего же мужа на закупках той вакцины.

Следствие – А ведь Александр Лукашенко когда еще про пандемию говорил: «К чему это было: чтобы опустить весь мир и прежде всего Китай, опустить экономику, развалить государства. А кто бы поднялся на этом? Тот, кто деньги печатает» [224].

Тезис – *This is just the question that the University of Cambridge is debating right now. A niche dispute maybe, but one with wider implications. The university sector in general makes it hard for those early in their career to get properly on the career ladder.* ‘Это как раз тот вопрос, который сейчас обсуждается в Кембриджском университете. Возможно, это нишевый спор, но он имеет более широкие последствия. Университетский сектор в целом затрудняет правильное продвижение по карьерной лестнице тем, кто только начинает свою карьеру’.

Аргументы – *Forget any idea you might have of researchers spending a few dedicated years in the library or laboratory before slipping effortlessly into a job for life. Largely thanks to funding cuts, most early career academics I know spend a decade or so “on the road”, going from one temporary job to the next (a year is standard, sometimes much less, and often the jobs are hundreds of miles apart) before struggling into a permanent job in their mid- to late-30s. They are known in the trade as the “precariat” – and it is a system that is obviously bad for them (try getting a mortgage), but also for students (who want continuity of teaching) and for universities themselves (which don’t thrive on this kind of constant rotation).* ‘Забудьте любые мысли о том, что исследователи проведут несколько лет в библиотеке или лаборатории, прежде чем легко перейдут на работу на всю жизнь. Во многом благодаря сокращению финансирования большинство молодых ученых, которых я знаю, проводят около десяти лет «в дороге», переходя от одной временной работы к другой (стандартно год, иногда гораздо меньше, и часто рабочие места находятся за сотни миль друг от друга), прежде чем найти постоянную работу в возрасте от 30 до 40 лет. В профессии они известны как «прекариат» – и эта система явно плоха не только для них (попробуйте получить ипотеку), но и для студентов (которые хотят непрерывности обучения) и для самих университетов (которые не преуспевают в такой постоянной ротации)’.

Следствие – *That is the main justification behind Cambridge’s mandatory retirement age of 67. It opens up opportunities at the bottom of the career pathway in a university that people tend not to leave unless they are pushed. And a Cambridge working group – of which, full disclosure, I was a member, as a voice of the retired – has recently recommended that a fixed retirement age be retained, though raised to 69, to reflect changing demographics [225].* ‘Это главное оправдание обязательного пенсионного возраста в Кембридже, равного 67 годам. Это открывает возможности на самом низу карьерного пути в университете, который люди, как правило, не покидают, если их

не подтолкнуть. А рабочая группа в Кембридже, членом которой я, откровенно говоря, являюсь, будучи голосом пенсионеров, недавно рекомендовала сохранить фиксированный пенсионный возраст, хотя и повысить его до 69 лет, чтобы отразить меняющуюся демографию’.

В приведенном примере мы видим последовательное приведение аргументов авторами статей в доказательство тезисов, завершая аргументативные цепочки следствиями. На таких аргументативных единствах строятся все полемические публикации жанров, входящих в ядро полемиического дискурса, что усиливает прагматический эффект в целом. Для публикаций жанров ближней периферии аргументативные блоки свойственны в меньшей степени, в то время как в публикациях жанров дальней периферии аргументативные цепочки встречаются в минимальном количестве.

Усилению аргументативной составляющей полемиического дискурса также способствовало расширение технических возможностей, выразившихся в использовании гиперссылок (выделены в примере подчеркиванием). Номинации ранее опубликованных материалов, включенные в аргументативную цепочку, позволяют придать аргументам большую весомость, поскольку они подкрепляются данными из другого источника, на который ссылается адресант. Однако такое явление для белорусской прессы менее характерно.

Таким образом, одиночно-индивидуальный адресант полемиического дискурса реализует цель проинформировать адресанта о существующих проблемах/вопросах в обществе и оказать воздействие, чтобы побудить последнего вступить в полемиическую дискуссию с целью совместного поиска решения создавшейся ситуации. Лексико-грамматический набор прагматически нагруженных средств в совокупности с аргументативными блоками успешно реализует поставленную цель и отличает письменную речь ключевого коммуниканта полемиического дискурса печатных СМИ в ряду других подтипов массмедийного дискурса.

Как известно, любой вид коммуникации, неотъемлемой частью которой является контакт, невозможен без косвенного или прямого участия адресата, представляющего собой лицо, которому адресовано высказывание. Дискурс, понимаемый как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию и в силу этого как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида, как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух фундаментальных ролей – адресанта (говорящего, автора-журналиста) и адресата (читателя, другого журналиста). При этом роли говорящего и адресата могут поочередно перераспределяться между лицами – участниками дискурса.

Учет адресата с его типологическими характеристиками становится определяющим фактором для отбора языковых средств и принципов построения полемической публикации в дискурсе печатных СМИ, поскольку владение информацией об адресате может способствовать повышению степени успешности коммуникации. В связи с этим внимание лингвистов обращено к определению характеристик адресата и его языка, что в свою очередь может предоставить возможность моделировать ситуации взаимодействия с учетом полученных знаний.

Исследованию категории «адресат» посвящены работы многих лингвистов, которые проводили свои исследования на различном материале. Так, А. И. Белецкий говорит о читателе как о некой активной составляющей литературного произведения и отводит ему функцию формирования самой идеи произведения. При этом, по словам исследователя, автор может и не подозревать о существовании этой идеи [226].

М. М. Бахтин указывал на то, что обращенность, адресованность высказывания является его отличительной особенностью и каждый речевой жанр имеет «типическую концепцию адресата» [227].

Н. Д. Арутюнова характеризует фактор адресата в его отношении к (1) речевым актам, (2) внутренней речи и (3) литературному тексту. По ее словам, исходя из осознания того факта, что речевое высказывание имеет направленность на конкретное или неконкретное лицо, имеющее свои характеристики, коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с этими характеристиками [228]. То есть выбор речевого акта опирается на определенную модель адресата.

Несмотря на повышенный интерес к данному явлению, «проблема адресата, – как отмечает Е. В. Белоглазова, – является наиболее сложной и наименее изученной в силу эфемерности параметров образа читателя». Однако любой текст предназначен для прочтения, следовательно, в речевой организации текста неизбежно отражается его ориентация на определенный тип адресата [229, с. 145].

Адресат массовой коммуникации в отличие от адресата в ситуации непосредственного диалогического общения – это не присутствующий в ситуации коммуникативного акта реальный индивидум, а потенциальное неопределенное множество лиц, которые могут взять в руки тот или иной журнал или газету, оказаться слушателями радиопередачи или зрителями телепрограммы. Поэтому автор текста массовой информации сам моделирует своего типового адресата, осуществляя коммуникативный акт, рассчитанный на определенную группу, выделяемую по половому, возрастному, национальному, социальному, конфессиональному, мировоззренческому и т. п. признакам.

Однако адресант полемического дискурса печатных СМИ получает возможность получить отклики на статьи и, тем самым, сформировать определенное представление о своей потенциальной аудитории, чтобы учитывать ее различные характеристики при построении дальнейшей коммуникации.

Таким образом, установление языковых особенностей откликов читателей, представляющих собой структурный компонент полемического дискурса печатных СМИ, позволит в дальнейшем расширить представление о мотивах, интенциях, эмоциональных реакциях, а также об отношении адресата полемического дискурса к той или иной проблеме, равно как и готовность читателя принять участие в решении этой проблемы.

Анализ материала показал, что для участников полемического дискурса характерно диалогическое взаимодействие. Общеизвестным является факт, что любое диалогическое общение должно приводить к согласию или несогласию, которые могут выражаться различными языковыми средствами, поэтому в настоящей работе особое внимание уделяется установлению репертуара языковых средств, которые и выражают согласие/несогласие. Полученные данные позволят не только расширить представление о языковых особенностях речи адресата, но и могут способствовать в дальнейшем определению закономерностей диалогического общения в рамках полемического дискурса печатных СМИ.

Так, в примерах откликов нередко можно встретить прямое выражение согласия/несогласия с автором статьи либо другими читателями по тому или иному вопросу. Например:

Отклик 1: ***Я с автором статьи согласна.** Верить нужно в себя и не ждать, что кто-то в их жизни придёт лучше и будет подавать на блюдечке с каемочкой.*

Управлять страной это вам не права качать в подворотне и не рассказывать какой я молодец.

Отклик 2: ***Екатерина Стасевич, согласна с Вами.** Те, кто сейчас рвутся к власти и хотят все изменить, меньше всего думают о народе. И меньше всего понимают, как они будут все менять [230].*

В вышеприведенном примере отклика 1 предикативное словосочетание *я согласна/сен* в сочетании с именем существительным *автор* в утвердительной форме выражает согласие читателя с мнением другого участника дискуссии.

В следующем примере отклика 2 на выше упоминавшуюся статью предикативное словосочетание *я согласна/сен* и местоимение 2-го лица *вы* являются маркерами прямого выражения согласия с мнением автора другого отклика.

В другом примере мы видим выражение согласия при помощи прямых речевых актов, когда автор отклика, осветив различные точки зрения по вопросу, высказывает свою точку зрения:

Отклик: *Андрей, спасибо! Подписываюсь под каждым Вашим словом. Самое обидное, что мы работали, обеспечивали им эту сытую жизнь пока их запад обрабатывал сначала фильмами садистскими ужасниками, боевиками потом интернет к этому зомбированию подключился. Вот и выстрелило это оружие через 30 лет в нас, за все наши наилучшие помыслы мы 40–60 летние сегодня получили «нож в спину». Обидно до слез!!!* [231].

Рассмотрим аналогичные примеры из англоязычной британской прессы:

Отклик 1: *We can all agree excessive screen time is bad for developing brains, and also that a blanket screen ban is pretty unenforceable. However, a ban on school premises is eminently sensible. That's the obvious place to start here* [232]. **‘Мы все можем согласиться** с тем, что чрезмерное время перед экраном вредно для развития мозга, а также с тем, что полный запрет на использование экранов практически не имеет юридической силы. Однако запрет на школьные помещения в высшей степени разумен. Это очевидное место для начала.’

В данном случае имеет место выражение прямого согласия с автором статьи, реализующееся иллокутивным глаголом *agree* ‘соглашаться’ + номинация проблемы, рассмотренной в статье (excessive screen time ‘чрезмерное время перед экраном’).

Далее следует пример отклика, в котором выражается согласие с автором предыдущего отклика:

Отклик 2: *Agreed. Something that some schools are already doing. We also need to educate parents who, when in a pub or restaurant with young children, just prop them up in front of an ipad for the entire meal and barely interact with them at all* [232]. **‘Согласен.** То, что уже делают некоторые школы. Нам также необходимо обучать родителей, которые, находясь в пабе или ресторане с маленькими детьми, просто держат их перед iPad во время еды и почти не общаются с ними’.

В данном случае также имеет место прямое выражение согласия.

Однако наибольшее распространение получают косвенные способы выражения согласия/несогласия:

Отклик: *Даже не дочитала, не стоит оно этого* [230].

В приведенном примере отсутствуют глаголы или существительные с семой ‘(не)согласие’, но при помощи словосочетания *не стоит* адресат указывает на то, что он не согласен с автором публикации.

Really though, it should perhaps be done slightly differently than simply a ban on all phones at school. Family emergencies are more important than having to tell a kid to put their phone down during class [232]. **‘На самом деле, возможно, это следует сделать немного иначе, чем просто запретить все телефоны в школе. Чрезвычайные ситуации в семье важнее, чем необходимость просить ребенка выключить телефон во время урока’.**

В англоязычном примере также имеет место косвенный способ выражения несогласия, когда автор отклика при помощи модального глагола в сочетании с наречием в сравнительной степени предлагает иное видение решение сложившейся ситуации.

В приведенных текстовых фрагментах не содержатся иллокутивные глаголы, которые бы напрямую выражали согласие/несогласие. Тем не менее, употребление экспрессивно-оценочной лексики дает возможность другим читателям услышать несогласие с элементами возмущения и негодования.

Как показал практический анализ, выражение косвенного согласия/несогласия происходит не только с мнением автора полемической публикации, но и с мнением ее героев. Рассмотрим следующий пример:

Публикация: *И ничего. Митинги будут продолжаться, заявляют в штабе. В том самом штабе, где окопалась жена еще одного претендента. Который сам – и тоже взяв детей, – партизанскими тропами перешел в Россию <...> по-мужски объяснив свой поступок, что в детстве в «Зарницу» не наигрался, трудное у него было детство* [230].

Отклик: ***Что значит «в Россию партизанскими тропами»? У нас же с Россией граница открыта.***

Публикация: *Much of the discussion on the impact of phones has focused on adolescence, a crucial developmental stage when the brain and body go through major changes. Experts have debated the role of smartphones in the rise of teen depression and anxiety since 2010* [232]. **‘Большая часть дискуссий о влиянии телефонов сосредоточена на подростковом возрасте – решающем этапе развития, когда мозг и тело претерпевают серьезные изменения. Эксперты обсуждают влияние смартфонов на рост подростковой депрессии и тревожности с 2010 года’.**

Отклик: ***The scientists who brought us the internet would never have guessed that many children would think the earth was flat inside a few years – the misinformation has to stop.*** **‘Ученые, которые подарили**

нам Интернет, никогда бы не догадались, что через несколько лет многие дети подумают, что Земля плоская – дезинформации необходимо положить конец?.

В вышеприведенных примерах мы видим примеры выражения несогласия с действиями героев публикаций. Употребление экспрессивно-оценочной лексики свидетельствует о том, что читатели дают собственную оценку и косвенным образом не соглашаются с тем, что делают или говорят герои статей.

Другой характерной особенностью откликов читателей является употребление оценочных высказываний, которые направлены на выражение оценки статьи в целом, событий и/или участников, описанных в статье, либо на высказывание собственного мнения. Рассмотрим примеры:

Отклик: *Все правильно сказано!!!* [230].

Отклик: *Запад просто хочет, чтобы Киев продолжал воевать с нами, истребители – это не желание защитить Украину* [233].

Местоимения *все, просто* в сочетании с оценочным наречием *правильно*, глаголом желания *хочет* подчеркивают положительное отношение читателя к событиям, описанным в публикации, или же подтверждения имеющегося варианта развития событий как во втором примере.

Отклик: *I do not know why we are tip toing around banning mobile apps for the likes of Tik Tok, Snapchat, Instagram etc. for U16's. It is no different to the British Board of Film Classification (BBFC) rating a movie as 15+. In the wrong hands they can be poisonous and very damaging – the technology and regulatory framework exists – just do it* [232]. 'Не знаю, почему мы ходим вокруг да около запрета мобильных приложений, таких как Tik Tok, Snapchat, Instagram и т. д., для детей до 16 лет. Это ничем не отличается от того, как Британский совет по классификации фильмов (BBFC) присваивает фильму рейтинг 15+. В чужих руках они могут быть ядовитыми и очень разрушительными – технологии и нормативная база существуют – просто сделайте это'.

Выделенные в примере экспрессивно-оценочные лексемы не только подчеркивают несогласие автора отклика с «мягкой» политикой в отношении запрета мобильных телефонов для использования детьми, но и дают оценку возможным последствиям отсутствия такого запрета.

Одобрение/порицание в откликах читателей, на наш взгляд, получает ярко выраженное языковое воплощение в силу того, что у адресата, благодаря не прямой, а опосредованной коммуникации (через

прессу и/или Интернет), психологический барьер стирается, порог тревожности снижается и участник полемического дискурса может открыто высказать свое отношение к той или иной проблеме.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что адресат полемического дискурса печатных СМИ представляет собой не потенциальное неопределенное множество лиц, а обладает рядом характеристик, учет которых может способствовать моделированию адресантом речевых ситуаций определенной тематической направленности.

На языковом уровне адресат полемического дискурса проявляет себя как коммуникант, стремящийся в первую очередь выразить согласие или несогласие с той или иной точкой зрения. При этом следует отметить, что для адресата полемического дискурса характерно выражение согласия/несогласия не только с точкой зрения автора полемической публикации, но и героев статьи, а также других читателей, т. е. коммуникация имеет многовекторную направленность, ведется в различных направлениях, и участники дискурса могут меняться коммуникативными ролями.

Реализация согласия/несогласия может происходить как при помощи прямых речевых актов (глаголы и имена существительные с семой '(не)согласие'), так и косвенных, при этом последние находят свое воплощение в виде метафор, риторических вопросов, восклицательных и побудительных предложений.

Следует также отметить, что выражение адресатом согласия/несогласия может быть рассмотрено как доказательство эффективности использования аргументации как средства воздействия, определяющим коммуникативно-прагматическим свойством которой является совместная деятельность ее коммуникантов. В процессе аргументирования говорящий реализует себя как языковая личность, демонстрируя свою языковую и коммуникативную компетенцию. Языковые средства выражения согласия/несогласия доказывают вступление адресата в процесс аргументации, в ходе которого читатель приводит аргументы/контраргументы в доказательство/опровержение того или иного тезиса.

Другой особенностью языка адресата является сопровождение выражения согласия/несогласия оценкой, реализующейся в большинстве случаев эмотивно-оценочной или оценочной лексикой. Оценка, которую дает адресат, не только свидетельствует о выражении отношения читателя к самой статье в целом, но и об уровне популярности темы, об отношении читателей к проблеме. Тем самым полученные данные могут способствовать варьированию адресантом направления коммуникативного взаимодействия между участниками дискурса.

4 КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ БЕЛОРУССКИХ И БРИТАНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

4.1 Стратегия информирования и тактики ее реализации в русскоязычном и англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ

Вопросы эффективной коммуникации, находящиеся в центре внимания лингвистов уже не одно десятилетие, побуждают ученых к анализу различных типов дискурса, в том числе и полемического дискурса печатных СМИ, целью которого является совместный поиск решения актуальной проблемы/вопроса. Достижению поставленной цели способствуют различные лингвистические и экстралингвистические факторы, среди которых особую роль выполняют коммуникативные стратегии и тактики.

По словам А. А. Филинского, «коммуникативная стратегия есть способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуникантов. В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как сверхзадача речи, диктуемая практически целями говорящего. Коммуникативная стратегия речи есть способ реализации замысла, он предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата» [234, с. 85–86], т. е. это совокупность речевых действий, целью которых является реализация коммуникативной цели дискурса. Также необходимо учитывать условия общения, отношения собеседников, их личные особенности и поставленные цели для того, чтобы применение коммуникативной стратегии было успешным.

В научной литературе встречаются различные определения коммуникативной стратегии. В настоящей статье под стратегией мы понимаем коммуникативную категорию, представляющую собой процесс планирования и поэтапной реализации автором статьи языковых способов корректировки модели мира адресата. Каждая стратегия осуществляется с помощью набора определенных тактик. Под тактикой понимается система действий по подготовке эффективной реализации стратегий. В отличие от стратегии, которая соотносится с глобальной прагматической целью автора проблемной статьи, лежащей

вне речевой деятельности, тактика производства статьи имеет дело с языковыми целями и описывает действия на некотором этапе коммуникации. Суть применения каждой тактики заключается в изменении определенных параметров модели мира адресата и различных аспектов его психики (знаний, оценок, желаний) [235]. Поскольку тактики представляют собой комплекс речевых приемов, которые используются при построении текста, в отличие от стратегий они могут быть выявлены посредством анализа текста, поскольку каждая тактика актуализуется с помощью определенного набора языковых средств.

Установление репертуара наиболее распространенных языковых средств, реализующих ту или иную тактику в дискурсе и являющихся ее маркерами, позволяет говорить не только о коммуникативных стратегиях, на осуществление которых нацелены данные тактики, но и о прагматическом потенциале этих языковых средств.

В ходе анализа полемических публикаций, входящих в ядро полемического дискурса печатных СМИ, было установлено, что для исследуемого дискурса характерно использование *стратегии информирования*, целью которой является обмен информацией между автором и его получателем, в результате которого достигается взаимопонимание и устанавливается коммуникация.

Важную роль в реализации стратегии информирования в полемическом дискурсе печатных СМИ играет *тактика композиционного членения текста*, обеспечивающая читателю однозначную, объективную и непротиворечивую информацию, поскольку наиболее важная информация об актуальной проблеме размещается в так называемых сильных позициях текста полемической публикации – заголовке и лиде (если таковой имеется). Однако, как показывает практический анализ, дискурсивная реализация этой тактики имеет свои сходства и различия в английском и русском языках. Так, в русскоязычных публикациях в белорусской прессе композиционный элемент «лид» в большинстве случаев сочетает метафорический характер и краткое изложение вопроса, как в следующий пример:

Заголовок: *Беларусь стала десятым полноправным членом ШОС. Почему этот день и это событие войдут в историю страны?*

Лид: *Точно в десятку! Заседание Совета глав государств – членов ШОС в Астане стало действительно историческим. Подобная оценка во многом определена присоединением к организации Республики Беларусь, которая стала десятым полноправным ее участником. И первой страной-участницей, чья территория полностью расположена в Европе. Это имеет весьма важное геополитическое и стратегическое значение для всей организации,*

которая уже заявила о себе как об одном из столпов нового зарождающегося многополярного мира. Как подчеркнул Президент России Владимир Путин, вступление нашей страны в ШОС является взаимовыгодным решением и безусловным успехом Александра Лукашенко и его дипломатии [236].

В данном примере подчеркивается важность имевшего места события, обозначенного в заголовке (Точно в десятку!). Далее в лиде автор приоткрывает завесу над тем, о чем пойдет речь в самой публикации, но оставляет загадку о деталях и подробностях.

Другие композиционные части не имеют ярко выраженных особенностей при реализации рассматриваемой тактики.

В англоязычных публикациях информация о той или иной проблеме/вопросе содержится уже в самом заголовке и в лиде, являющимся первым абзацем текста, основная задача которого – заинтересовать читателя информацией, изложенной кратко, чтобы читатель мог прочитать его позже в самой статье:

Заголовок: *Sunak axed, the cast eviscerated: at last, it's the Tories' season finale. 'Сунака вырубил, актерский состав выпотрошили: наконец-то финал сезона Тори'*.

Лид: *It was worthy of a TV special. Truss, Rees-Mogg, Shapps, Liam Fox: so many erased after 14 years of dystopian soap opera. And not a moist eye in the house [237].* ‘Это было достойно специального телешоу. Трасс, Рис-Могг, Шаппс, Лиам Фокс: так много всего стерто после 14 лет мыльной оперы-антиутопии. И ни одного влажного глаза в доме’.

При этом лид продолжает раскрывать суть проблемы, но в краткой форме.

Для ряда жанров полемического дискурса печатных СМИ на русском и английском языке как, например, отклики читателей употребление тактики композиционного членения текста не свойственно, что обусловлено структурными особенностями самих жанров:

Вера Жижкина, не в возрасте дело, а в разуме! Вся проблема в «социальном идиотизме», который хуже, чем коронавирус [231].

The main problem with smartphones is they are too easy and convenient to use, and hence addictive for most. Better to have a laptop computer, for essential online use, and an android phone. Apparently, it's what Kate Bush does, and that's good enough for me [232]. ‘Основная проблема смартфонов в том, что они слишком просты и удобны в использовании и, следовательно, вызывают привыкание у большинства. Лучше иметь портативный компьютер для необходимого использования в Интернете и телефон Android. Судя по всему, это то, что делает Кейт Буш, и меня это вполне устраивает’.

Следующей тактикой, реализующей коммуникативную стратегию информирования, является *тактика анализа фактического материала*. Эта тактика характерна для полемического дискурса печатных СМИ на обоих языках, например:

Сама по себе ШОС не является ни интеграционным объединением, ни военно-политическим блоком. В условиях окончания холодной войны и распада Советского Союза сложилась любопытная ситуация. В Европе действовала Организация по безопасности и сотрудничеству (ОБСЕ), в основе которой лежал Хельсинкский заключительный акт 1975 года. Ничего подобного в Азии не существовало. <...> Именно в таких условиях в 1996 году зародилась инициатива «Шанхайской пятерки» <...>, а сама организация набирала обороты и наполнялась новыми смыслами, укреплялась институционально. Непосредственно ШОС в ее нынешнем виде оформилась в июне 2001 года.

Сейчас это влиятельная международная структура, в состав которой входят десять государств-членов, две страны имеют статус наблюдателей, а 14 – партнеров по диалогу [236].

В приведенном выше примере тактика анализа фактического материала реализуется при помощи текстовых реминисценций, таких как номинации более ранних событий из истории; реминисценций пространственного характера (В Европе, в Азии и др.); аллюзии (В условиях окончания холодной войны и распада Советского Союза и др.).

В отличие от русскоязычного в англоязычном дискурсе рассматриваемая тактика также поддерживается техническими возможностями в виде гиперссылок (в сетевых изданиях), например:

It was just before breakfast, at a leisure centre in Norfolk, that this particular era of Conservatism came to an end. A white-faced Liz Truss left the stage without a word, after losing her supposedly impregnable seat to Labour.

Though Keir Starmer had effectively won the election some hours before, this was middle England's final, cleansing act of revenge against the former prime minister most strongly associated – admittedly against stiff competition from her predecessor – with that particular strain of blithe incompetence that has ruined lives for too long. Justice was done. It felt less like an election than a miraculously bloodless revolution [238].

‘Эта эра консерватизма подошла к концу незадолго до завтрака в развлекательном центре в Норфолке. Белолицая Лиз Трасс покинула сцену, не сказав ни слова, уступив свое якобы неприступное место лейбористам.

Хотя Кейр Стармер фактически выиграл выборы за несколько часов до этого, это был последний очищающий акт мести средней Англии бывшему премьер-министру, наиболее тесно связанному (по общему признанию, в условиях жесткой конкуренции со стороны ее предшественника) с той особой формой беспечной некомпетентности, которая разрушала жизни слишком долго. Правосудие свершилось. Это было похоже не столько на выборы, сколько на чудесно бескровную революцию’.

В англоязычном примере мы также наблюдаем реализацию этой тактики путем представления ранее имевших место фактов при помощи текстовых реминисценций, таких как номинации более ранних событий и т. д. (this particular era of Conservatism came to an end ‘эта эра консерватизма подошла к концу’; Liz Truss left the stage ‘Лиз Трасс покинула сцену’; Keir Starmer had effectively won the election ‘Кейр Стармер фактически выиграл выборы’ И т. д.); реминисценций пространственного характера (at a leisure centre in Norfolk ‘в развлекательном центре в Норфолке’); аллюзии (middle England’s ‘средней Англии’).

Сопоставив употребительность языковых средств при вербализации тактики анализа фактического материала в полемическом дискурсе печатных СМИ на двух языках, мы получили следующую картину: в русскоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ при реализации рассматриваемой тактики преимущественно используются номинации событий, имевших место ранее, в меньшей степени задействованы пространственные реминисценции и аллюзия, в то время как в англоязычном дискурсе преимущественно употребляются номинации более ранних событий и пространственные реминисценции, а также цитация, в то время как аллюзия менее распространена. Данный факт обусловлен, на наш взгляд, культурными особенностями: в белорусской прессе авторы склонны опираться на факты, которые уже упоминались ранее, в то время как в британском полемическом дискурсе печатных СМИ авторы публикаций подкрепляют анализ фактов не только номинациями ранее имевших место событий, но и указанием на то, где эти события происходили. В англоязычном варианте также более употребительна цитация, что придает тактике убедительность. В русскоязычном дискурсе чаще используется аллюзия, что придает анализу более художественный тон.

Как показал дальнейший анализ, стратегия информирования также может быть реализована *тактикой апелляции к авторитету* и вербализуется путем прямого, косвенного и смешанного цитирования, как в нижеприведенных примерах:

В газете *The Guardian*, ссылающейся на представителей Минобороны западноевропейской страны, приводятся слова командующего ВВС Нидерландов генерала Арно Сталлманна:

– Примерно к этому лету [поставки] наладятся.

Он отметил, что обучать украинских пилотов оказалось не просто, для «эффективного обслуживания самолетов нужно хорошо подготовить не только пилотов, но и обслуживающий персонал». Генерал добавил, что на каждый самолет нужно обучить около 10 человек, в том числе двух пилотов.

Министр обороны Нидерландов Кайса Оллонгрэн также подтвердила сроки поставок истребителей. По ее сведениям, Нидерланды со своей стороны «тоже хотят поставить их (самолеты. – Прим. ТАСС) как можно скорее» [233].

So now for the difficult bit: delivering where so many western governments – not just here in Britain but in rustbelt America and parts of France facing similar challenges – have previously failed on the promise of a better life for the overlooked and forgotten, while knowing full well that if he fails there is something darker waiting in the wings. “Voting Tory, voting Labour – honestly, what difference has it made? It’s the same relentless decline, just delivered by a politician wearing a different colour rosette,” the Reform candidate Rupert Lowe tweeted, the day before he won the Labour target seat of Great Yarmouth. It’s the classic hard-right message – everything is broken, conventional politics has failed, so why not think the unthinkable? – and it worked too well for comfort this time. Starmer’s answer to it is, correctly, as much economic as political [238].

‘Итак, теперь самое сложное: добиться того, чего многие западные правительства – не только здесь, в Британии, но и в «ржавом поясе» Америки и некоторых частях Франции, сталкивающихся с аналогичными проблемами – ранее терпели неудачу в обещании лучшей жизни для упущенных из виду и забытых, хотя и осознавали всю полноту что ж, если он потерпит неудачу, его ждет что-то более темное. «Голосовать за Тори, голосовать за Лейбористскую партию – честно говоря, какая разница? Это тот же неуклонный спад, только что продемонстрированный политиком, носящим розетку другого цвета», – написал в Твиттере кандидат от реформ Руперт Лоу за день до того, как он получил целевое место от Лейбористской партии в Грейт-Ярмуте. Это классический посыл крайне правых: все сломано, традиционная политика потерпела неудачу, так почему бы не подумать о неммыслимом? – и на этот раз это сработало слишком хорошо, чтобы успокоиться. Ответ Стармера на этот вопрос, по правде говоря, является одновременно экономическим и политическим’.

Как показал анализ материала, в русскоязычном полемическом дискурсе преобладают случаи прямого цитирования, в то время как для англоязычной версии более типичным является употребление косвенного цитирования при реализации тактики апелляции к авторитету.

Не менее важная роль в реализации стратегии информирования принадлежит *тактике повторения лексем*. Так, например, в русскоязычной проблемной статье «Подождите гадать по «вагнеровцам», давайте вспомним о детях» из белорусской газеты «СБ. Беларусь сегодня» встречаются следующие повторяющиеся лексемы: ребенок (16), страна (9), все (6), имя (4), любой (4), один (4), ничего (3), оно (3), понимать (3), судьба (3), школа (3):

У одного из кандидатов в Президенты нашей страны за границу увезли детей. Вместе с бабушкой. Вывезли «в одну из стран Евросоюза». Нелегально перевезли, что даже не скрывается. Тайно.

Вам не кажется, что в любой «цивилизованной», как уж принято говорить, стране это стало бы не просто предметом ежедневного обсуждения, а потрясающей силы скандалом? [230]

В англоязычной проблемной статье “Sunak axed, the cast eviscerated: at last, it’s the Tories’ season finale” ‘Сунака вырубili, актерский состав выпотрошили: наконец-то финал сезона Тори’ из британской газеты “The Guardian” наиболее часто повторяются следующие лексемы: one (8), party (8), Conservative (6), how (5), Labour (5), minister (5), moment (5), more (5), Starmer (5), Tory (5), win (5), all (4), election (4), first (4), going (4), many (4), prime (4), time (4), video (4), become (3), campaign (3), failed (3), Farage (3), hold (3), Keir (3), political (3), victory (3), west (3):

Well, if you’re just joining us, the nation has delivered an all-night victim impact statement. Labour has won a landslide and the Conservatives have suffered their worst ever general election result. Keir Starmer – the prime minister – has promised “national renewal ... to fight until you believe again”. Liz Truss has failed to save South West Norfolk, let alone “the west”. That is the big picture (if not the whole picture, with turnout and Labour’s vote share notably low). Meanwhile, it’s incredible to think that only a short while ago we thought we’d eradicated measles and Nigel Farage. Both have now been brought back, largely by the same people [237]. ‘Что ж, если вы только что присоединились к нам, страна всю ночь выступила с заявлением о последствиях для жертв. Лейбористская партия одержала уверенную победу, а консерваторы потерпели худший результат за всю историю всеобщих выборов. Кейр Стармер – премьер-министр – пообещал «национальное обновление... бороться

до тех пор, пока вы снова не поверите». Лиз Трасс не удалось спасти юго-западный Норфолк, не говоря уже о «западе». Такова общая картина (если не вся картина, поскольку явка и доля голосов лейбористов заметно низки). Между тем, невероятно думать, что совсем недавно мы думали, что искоренили корь и Найджела Фараджа. Оба теперь возвращены, в основном одними и теми же людьми’.

Их повторы в текстах статей акцентируют суть проблемы и позволяют читателю не потерять нить событий. При этом в англоязычном полемическом дискурсе количество повторяемых лексем в два раза выше, чем в русскоязычном полемическом дискурсе, что, как мы полагаем, можно объяснить склонностью британских авторов к многовекторности освещения проблемного поля, максимального количества аспектов освещаемой проблемы в статье и ведущей ролью рассматриваемой тактики при реализации стратегии информирования в англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ.

Таким образом, тактика повторения лексем позволяет создать информационное полотно полемического дискурса печатных СМИ как на английском, так и на русском языках.

Проведенный анализ русскоязычного и англоязычного полемического дискурса позволил установить, что стратегия информирования реализуется в большинстве случаев при помощи таких тактик как, тактика композиционного членения текста, тактика анализа фактического материала, тактика апелляции к авторитету и тактика повторения лексем. Несмотря на совпадение в наборе тактик, способы вербализации отличаются в двух языковых вариантах дискурса, что обусловлено, как мы полагаем, разноструктурностью языков и культурными особенностями.

4.2 Стратегия контактоустановления и тактики ее экспликации в полемическом дискурсе

На протяжении десятилетий текст, который является «одновременно формой существования общения и его результатом» [239], и дискурс, который представляет собой связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии

людей и их механизмов сознания (когнитивных процессов) [239], занимают центральное место в лингвистических исследованиях как основные компоненты общения. Под воздействием технического прогресса дискурс в своих различных видовых проявлениях развивается, трансформируется, его участники вынуждены искать новые пути эффективного взаимодействия, что приводит к изменениям в тактико-стратегическом наборе, используемом в сфере коммуникации.

Так, полемический дискурс печатных СМИ, представляющий собой один из институциональных типов дискурса, чье когнитивно-коммуникативное пространство представлено совокупностью связанных письменных текстов, высказываний участников в некоторой полемической ситуации, объединенных концептом «проблема», преследует определенную коммуникативную цель – поиск решения актуальной социально-экономической, политической, экологической и т. д. проблемы через противопоставление различных точек зрения. В соответствии с этой целью участники полемического дискурса выбирают ту или иную модель речевого поведения, чтобы обеспечить успешную и, главное, эффективную межличностную коммуникацию, используя определенный набор речевых средств и приемов, способствующих реализации их интенции, который детерминируется рядом коммуникативных стратегий. Одной из таких коммуникативных стратегий является стратегия контактоустановления, которая обладает определенной спецификой репрезентации в полемическом дискурсе печатных СМИ.

Прежде всего, следует отметить, что стратегия контактоустановления в исследуемом дискурсе тесно связана с реализацией в нем такой функции, как фатическая (целью которой является создание и поддержание контакта между собеседниками). Печатный текст полемической публикации, помимо того, что обладает характеристиками структурного элемента полемического дискурса и выполняет свои основные функции передачи информации и воздействия, становится структурным элементом нового типа диалога – диалога журналиста и читателя, а также между самими читателями. Такой диалог ведется не только на уровне отдельных информационных фрагментов-реплик из текста статьи и откликов читателей, но и реплик, представляющих собой весь текст статьи и тексты откликов [240, с. 21]. При этом для такого диалога характерна задержка во времени, вызванная дистанцией между его участниками, наличием массового абстрактного адресата и т. д., что в силу специфики такого рода диалогического взаимодействия определяет актуальность проводимого исследования.

Как известно, диалоговое общение невозможно без контакта, который имеет следующие характеристики: наличие как минимум двух коммуникантов; появление намерения начать речевое общение; анализ партнера и его предрасположенности к общению; создание адекватной среды для общения; выбор канала связи; выбор кода связи; привлечение внимания адресата; отправка запроса на установление контакта и т. д. [241, с. 42–43]. Однако контактная установка в полемическом дискурсе печатных СМИ имеет определенные отличия от контактной установки в других видах дискурса, что обусловлено спецификой структурно-прагматической организации такого диалогического общения. Итак, если рассматривать контакт с точки зрения взаимодействия отправителя информации и адресата, то ведущее значение приобретают прагматическая характеристика и ценность передаваемой информации. На первый план может выйти и характер взаимоотношений между адресантом и адресатом, который, в свою очередь, определяется ролью и намерением каждого из участников общения. Целью полемического дискурса печатных СМИ является поиск решения актуальной социально-экономической, политической, экологической и т. д. проблемы через противопоставление различных точек зрения, т. е. через диалог. При этом автор статьи может преследовать и ряд второстепенных целей, таких как побуждение читателей к обсуждению различных проблем, информирование, поиск единства мнений и т. д. В свою очередь, читатели, направляя свои отклики на публикацию, также преследуют различные цели: выражение согласия/несогласия с мнением автора статьи, необходимость выразить свое отношение к той или иной проблеме, удовлетворение потребности в общении и т. д. В то же время нельзя отрицать, что практически каждая цель предполагает, что адресат имеет намерение установить контакт с адресантом.

В связи с этим установление особенностей реализации контактоустанавливающей стратегии посредством набора определенных тактик, имеющих специфику своей вербализации, внесет определенный вклад в раскрытие особенностей лингвопрагматической организации исследуемого дискурса.

В ходе анализа удалось установить, что как в белорусской, так и британской прессе реализация стратегии контактоустановления характерна для полемических публикаций, принадлежащих ядерным жанрам полемического дискурса, так как именно на них поступают отклики читателей, что позволяет выявить способы вербализации определенного набора тактик, реализующих указанную стратегию

в полемическом дискурсе печатных СМИ. Примечательным является тот факт, что контактоустановление носит дистантный характер (коммуниканты не имеют визуального контакта друг с другом) и отсрочено во времени (отклики читателей на статью могут поступать спустя не только несколько часов, но и дней/месяцев). Также важно отметить, что реализация стратегии контактоустановления осуществляется как на уровне «полемическая публикация – отклик читателя», так и на уровне «отклик читателя 1 – отклик читателя 2 – отклик читателя *n*», то есть реализация стратегии осуществляется на двух уровнях, что будет отражаться на наборе тактик и языковых средств репрезентации последних.

Так, на уровне «полемическая публикация – отклик читателя» в полемическом дискурсе белорусских печатных СМИ стратегия контактоустановления реализуется такими тактиками, как *тактика апелляции к адресату, тактика побуждения, тактика привлечения внимания*. Рассмотрим следующие примеры:

Хотя так было бы правильно – и пусть читатель делает выводы сам. Без учета того факта, что министр иностранных дел Беларуси на той встрече был и все слышал сам, а пресс-служба генсека ООН написала то, что ей сказали написать. <...> Поэтому давайте на недавнем – близком, знакомом и понятном всем – примере разберем, что же на самом деле эффективно. Для этого вспомним, как Беларусь помогла России своими крепкими яйцами – именно такой «кризис» внезапно возник в части Союзного государства в самом конце 2023 года [242].

На языковом уровне тактика апелляции к адресату в большинстве случаев (94,3 %) вербализуется при помощи местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа *мы, вы* (которое может пропускаться в предложениях), что объясняется обращением к массовому абстрактному адресату. Следует отметить, что указанные местоимения не выполняют прямой синтаксической роли обращения, но маркирует массового абстрактного адресата, к которому апеллируют с дальнейшим намерением сообщить различного рода информацию.

Как мы можем видеть из примера, языковые средства персонального дейксиса выступают сигналами присутствия «невидимого» собеседника и обеспечивают установление соотношения между самим автором и читателем.

Тактика побуждения в полемическом дискурсе белорусских печатных СМИ реализуется преимущественно при помощи слов с модальным значением *нужно, необходимо, надо* (52,3 %) и повелительного наклонения (37,1 %), что обусловлено необходимостью

стимулировать у читателя желание или намерение вступить в контакт для обсуждения актуальной проблемы и поиска ее решения. Рассмотрим следующий пример:

Фейсбуки и инстаграммы, сайты и телеграммы – как, скажи ты, соревнуются друг с другом в нагромождении лжи. Скажите прямо: мы хотим любым способом и в любых западных интересах свергнуть существующее в Беларуси государственное устройство и экономический уклад [243].

Употребление повелительного наклонения, сопровождаемого дейктическими единицами, реализует тактику побуждения к вступлению в полемический диалог.

При вербализации тактики привлечения внимания адресант использует в своем большинстве риторические вопросы (36,9 %), которые направлены на акцентирование внимания на определенном аспекте обсуждаемой проблемы:

...И даже еще большую ложь, ведь посмотрите «независимый» интернет – ну ни слова же нету правды. Сплошные передергивания, умолчания, жирный шрифт для усиления, однобокая, часто вообще непроверенная информация. И только с одной стороны. Ну вот где они, «сотни тысяч избитых и умученных», где? [243]

Зачастую такое акцентирование сопровождается собственными комментариями, что активизирует полемическую составляющую и побуждает адресата к высказыванию собственной точки зрения по данному вопросу.

Как мы можем видеть из приведенного выше примера, активно задействован пространственный (22,5 %) и темпоральный дейксис (26,7 %) с целью приписать рассматриваемой проблемной ситуации референциальную значимость и зависимость.

На уровне «отклик читателя 1 – отклик читателя 2 – отклик читателя *n*» в белорусском полемическом дискурсе печатных СМИ стратегия контактоустановления представлена следующим набором тактик: *тактика приветствия, тактика апелляции к адресату, тактика побуждения, тактика привлечения внимания и тактика прямого вопроса*. Рассмотрим следующие примеры:

Отклик 1: **Всем здравствовать! Я не буду ручаться за ВСЬ интернет, что есть ложь и правда.**

Отклик 2: **Михаил Артеменко, это бчбот – 6460Т. С ними нет смысла общаться.**

Отклик 3: **СУПЕР! ПРЯМО ОВЕЧКИ НЕВИННЫЕ!**

Отклик 4: **Дело в том, что идет подмена понятий. Все происходящее там, называется демократией и подавлением беспорядков,**

а все происходящее у нас (в странах постсоветского пространства) именуется, не иначе как, диктатура и насилие. Чтобы мы не говорили и не делали, нас никогда не признают, потому что не хотят. Мы для них не люди, а подопытные кролики. И чем хуже в наших государствах положение, для них лучше.

Отклик 5: Галина Образцова, молодец !!!!Просто, молодец !!!

Отклик 6: Запад боится, что наша страна займет те ниши, которые они теряют из-за карантина и коронавируса. Придумали таким образом не дать нам поддерживать экономику и откатить нас назад [243].

Как показал анализ материала, для уровня «отклик читателя 1 – отклик читателя 2 – отклик читателя *n*» характерен более широкий набор тактик реализации стратегии контактоустановления, чем для уровня «полемическая публикация – отклик читателя», что можно объяснить сходством общения читателей между собой с участниками бытового диалога с той лишь разницей, что в полемическом дискурсе печатных СМИ общение опосредовано и отсрочено во времени, а также ограничено рамками речевого этикета (в большинстве случаев отклики читателей проходят модерацию), что отражается на языковой репрезентации указанных тактик. Так, в белорусском полемическом дискурсе печатных СМИ тактика апелляции к адресату выражается не только личными местоимениями (42,5 %), но и именами собственными (49,4 %), которые указывают в своих откликах читатели. Тактика побуждения в большинстве случаев вербализуется при помощи повелительного наклонения (46,4 %), при этом лексемы с модальным значением встречаются реже (29,3 %). Тактика привлечения внимания получает языковую репрезентацию посредством риторических вопросов (34,1 %) и дейктиков (пространственный дейксис (27,8 %), темпоральный дейксис (26,1 %)), как и на уровне «полемическая публикация – отклик читателя». Вербализация тактики прямого вопроса осуществляется при помощи вопросительных высказываний различных типов (100 %). Тактика приветствия в свою очередь представлена в белорусском полемическом дискурсе печатных СМИ при помощи стандартных фраз приветствия (98,4 %).

Анализ британского полемического дискурса печатных СМИ в свою очередь позволил установить, что в нем реализация стратегии контактоустановления осуществляется также как на уровне «полемическая публикация – отклик читателя», так и на уровне «отклик читателя 1 – отклик читателя 2 – отклик читателя *n*». Однако в сравнении с белорусским полемическим дискурсом вербализация тактик, реализующих стратегию контактоустановления, а также их употребительность будут иметь свою специфику.

Так, на уровне «полемическая публикация – отклик читателя» стратегия контактоустановления реализуется такими тактиками, как *тактика апелляции к адресату, тактика побуждения, тактика привлечения внимания*:

Публикация: *But this time, **the public would surely accept that a state contribution of about 50p a year each is a cheap price to pay to expunge any sniff of corrupt influence from politics. The Tories auctioned dinner with their chancellor and three of his predecessors for £40,000 last year. Democracy **needs** political parties that don't depend on maverick multimillionaires wanting favours, nor on unions rattling their funds. Donations **could be capped** at about £5,000. Transparency International found 76 % of people say **“action needs to be taken”** to stop the super-wealthy exerting undue influence on governments. State funding **could be distributed** by every voter at elections ticking a box for which party gets their allocation.***

*All this is quick and easy, wafting honesty through the corridors of power. In the longer term, Labour has **a strong moral obligation** to bring in proportional representation: the left was cheated for years **when a majority voted left but the Tories took power. Now Labour has about two-thirds of the seats on one-third of the votes, reform would not be self-interested.** An elected second chamber is in the manifesto: the two reforms need to go in lock-step.*

Hosing down Westminster dung can be done fast. But the hard truth is that earning long-term trust from most voters depends on progressing the great issues that drove the vote this time. Will waiting lists and child poverty be down and GP and dentist appointments up? Will the public realm feel refreshed, with renewable energy becoming a source of national pride and new skills replacing some immigration? There is no magic wand, Starmer says, keeping promises modest, but trust relies on people seeing his “sunlight of hope, pale at first, but getting stronger through the day”, breaking through the clouds by the next election [244]. ‘Но на этот раз общественность, несомненно, согласится с тем, что государственные взносы в размере около 50 пенсов в год за каждое государство – это дешевая цена, которую нужно заплатить, чтобы избавиться от любого намека на коррупционное влияние в политике. В прошлом году Тори продали на аукционе ужин со своим канцлером и тремя его предшественниками за 40 000 фунтов стерлингов. Демократии **нужны** политические партии, которые не зависят ни от независимых мультимиллионеров, желающих благосклонности, ни от профсоюзов, растрачивающих свои средства.

Пожертвования могут быть ограничены примерно 5 000 фунтов стерлингов. Transparency International обнаружила, что 76 % людей говорят, что **«необходимо принять меры»**, чтобы помешать сверх-богатым людям оказывать неправомерное влияние на правительства. Государственное финансирование может распределяться каждым избирателем на выборах, ставящим галочку напротив того, какая партия получит свои ассигнования. Все это происходит быстро и легко, разнося честность по коридорам власти. В долгосрочной перспективе у лейбористов есть **сильное моральное обязательство** ввести пропорциональное представительство: левых обманывали в течение многих лет, **когда большинство проголосовало за левых, но к власти пришли тори. Теперь, когда Лейбористская партия имеет около двух третей мест и одну треть голосов, реформа не будет корыстной.** Избрание второй палаты предусмотрено в манифесте: обе реформы должны идти параллельно.

Поливать Вестминстерский навоз можно быстро. Но суровая правда заключается в том, что завоевание долгосрочного доверия со стороны большинства избирателей зависит от решения важных вопросов, которые на этот раз привели к голосованию. **Сократятся ли очереди и детская бедность, а количество посещений терапевта и стоматолога увеличится? Будет ли общество чувствовать себя обновленным, когда возобновляемые источники энергии станут источником национальной гордости, а новые навыки заменят часть иммиграции? Волшебной палочки не существует, говорит Стармер, сдерживая обещания, но доверие опирается на то, что люди увидят его «солнечный свет надежды, сначала бледный, но усиливающийся с каждым днем», пробивающийся сквозь тучи к следующим выборам».**

В сравнении с полемическим дискурсом белорусских печатных СМИ тактика апелляции к адресату является наименее представленной, хотя в языковом плане ее репрезентация совпадает в обоих языках (при помощи местоимения 2-го лица (97,1 %)).

Тактика побуждения в британском полемическом дискурсе печатных СМИ также менее представлена в сравнении с белорусским дискурсом. Ее вербализация в основном осуществляется при помощи модальных глаголов и слов с модальным значением (77,4 %), повелительное наклонение практически не встречается (14,3 %).

Наибольшей представленностью в британском полемическом дискурсе печатных СМИ отличается тактика привлечения внимания, в реализации которой принимают участие вопросительные

высказывания (37,2 %) и дейктические средства языка (персональный (13,2 %), пространственный (17,3 %) и темпоральный дейксис (18,6 %)) в сочетании с экспрессивно-оценочными лексемами.

Говоря о типах вопросительных высказываний, участвующих в вербализации тактики привлечения внимания в англоязычном полемическом дискурсе, обращает на себя внимание тот факт, что они более разнообразны, чем в белорусском полемическом дискурсе, варьируясь от общего вопроса до разделительного. Данный факт, на наш взгляд, можно объяснить стремлением англоязычных авторов к получению ответов на вопросы, которые могут поступить от читателей, одновременно концентрируя внимание на отдельных аспектах обсуждаемой проблемы.

В отличие от белорусского полемического дискурса в британском употребительность и способы вербализации некоторых тактик отличаются. Так, в англоязычных откликах читателей наиболее употребительными являются тактика привлечения внимания и тактика прямого вопроса:

Отклик 1: *He can start cleaning things up by not appointing unelected ministers to the House of Lords. Its crackers to win an election only to appoint people who have not been elected to the most undemocratic part of our parliament. It's a slap in the face to our democracy and even though it remains a legal route of doing things it is not a decent or fair way and certainly smacks of honours for friends. I am in no way attacking the candidate he chose but the method by which he has become a minister of state. It's simply ok.* 'Он может начать наводить порядок, не назначая неизбираемых министров в Палату лордов. Его взломщики хотят выиграть выборы только для того, чтобы назначить людей, которые не были избраны, в самую недемократическую часть нашего парламента. Это пощечина нашей демократии, и хотя это остается законным способом ведения дел, это не порядочный или справедливый путь и, конечно, **попахивает почестями для друзей. Я никоим образом не нападаю на выбранного им кандидата, а на метод, с помощью которого он стал государственным министром. Это просто нормально**'.

Отклик 2: *Please re-read the article to gain a clearer understanding.* 'Пожалуйста, перечитайте статью, чтобы получить более четкое представление'.

Отклик 3: *Give Starmer a break – he only has 410 MPs to choose from.* 'Дайте Стармеру передышку – у него на выбор всего 410 депутатов'.

Отклик 4: *I am begging people complaining about this to please learn some basic constitutional theory. <...> There are **multiple means by which** the legislative branch can scrutinise and hold accountable members of the executive branch, of which minister's questions in the house of commons is the only one which gets lost if the minister is not an MP.*

*Aside from this, the only way them being an elected MP is at all relevant is if you think the voters of their constituency have sole responsibility for passing democratic judgment on the performance of the government in that area of policy, **which is clearly absurd.*** ‘Я умоляю людей, жалующихся на это, изучить базовую конституционную теорию. <...> Существует множество способов, с помощью которых законодательная власть может проверять и привлекать к ответственности членов исполнительной власти, из которых вопросы министра в палате общин являются единственными, которые теряются, если министр не является депутатом.

Помимо этого, единственный способ быть избранным депутатом вообще имеет значение, если вы думаете, что избиратели их округа несут единоличную ответственность за вынесение демократического суждения о деятельности правительства в этой области политики, **что явно абсурдно**’.

Отклик 5: *Most of the things outlined in this article are utterly indefensible, so should be reasonably easy to address? I'm being naive no doubt ...* ‘Большинство проблем, изложенных в этой статье, совершенно неоправданны, так должно ли быть достаточно легко их решить? Я наивен, без сомнения....

Отклик 6: *What do you mean? ‘Что вы имеете ввиду?’*

Отклик 7: <...> *Yes some voters and many in the party and the were Johnson fanboys (demonstrating what an unserious party the Tories were), but surely even they, by that date, would have finally worked out that consorting with Johnson and crucially doing nothing to distance themselves from him and his antics is **why they were certain to go down the toilet on election day?*** [244] ‘<...> Да, некоторые избиратели и многие в партии были фанатами Джонсона (что демонстрировало, какой несерьезной партией были тори), но, конечно, даже они к тому моменту наконец поняли бы, что общаются с Джонсоном и ничего не делают для его решения. дистанцироваться от него и его выходок, **вот почему они обязательно сходили в туалет в день выборов?**’

Так, в англоязычных откликах читателей тактика привлечения внимания вербализуется при помощи темпорального (28,1 %) и локального дейксиса (27,2 %), выраженного указательными местоимениями и именами существительными в сочетании с вопросительными

высказываниями различных типов (общий, специальный, риторический, разделительный) (36,8 %), чтобы привлечь внимание к определенным аспектам обсуждаемой проблемы. Тактика прямого вопроса также, как и в белорусском полемическом дискурсе печатных СМИ реализуется различными типами вопросительных высказываний, которые в контексте изучаемого дискурса стимулируют ответную реакцию от другого читателя.

Тактика апелляции к адресату на уровне откликов читателей также вербализуется при помощи местоимения 2-го лица (76,3 %), в то время как употребление имен собственных не свойственно.

Тактика приветствия и тактика побуждения в британском полемическом дискурсе печатных СМИ малоупотребительны при реализации стратегии контактоустановления.

В целом представленность стратегии контактоустановления в британском полемическом дискурсе печатных СМИ гораздо ниже, чем в белорусском. Однако языковая репрезентация тактик, реализующих стратегию контактоустановления во многом схожа.

Говоря о реализации стратегии контактоустановления в полемическом дискурсе печатных СМИ, также необходимо обратить внимание на следующую специфику. Поскольку исследуемый дискурс имеет полевую структуру, чье ядро, ближняя периферия, дальняя периферия и буферная зона формируются различными жанрами, то необходимо разграничивать внутрижанровый и межжанровый уровень тактико-стратегической организации полемического дискурса. То есть, когда речь идет об интервью, то для него также будет характерна реализация стратегии контактоустановления на уровне «интервьюер – респондент», но для этого будут задействованы другие тактики, имеющие свои особенности языковой репрезентации. В откликах читателей реализация стратегии контактоустановления происходит не только внутри самого жанра (контакт между читателями), но и присутствуют тактики, направленные на адресанта, что подчеркивает специфику тактико-стратегической организации исследуемого дискурса. Рассмотрим следующие примеры из русскоязычных и англоязычных откликов читателей:

– *Как же все реально и правдиво написано. Спасибо вам [245].*

– *The suggestions in the article are wise and could be achieved for a minimum outlay. Thank you, author! I hope Keir Starmer reads it. Many good ideass in the comments, too [244].* ‘Предложения в статье разумны и могут быть достигнуты с минимальными затратами. Спасибо вам, автор! Надеюсь, Кейр Стармер это прочитает. В комментариях тоже много хороших идей’.

Как видно из вышеприведенных примеров, для реализации стратегии контактоустановления авторы откликов прибегают к тактике обращения, которая вербализуется при помощи имени собственного и местоимения 2-го лица множественного числа. Однако такие примеры немногочисленны как в русском, так и в английском языке.

Таким образом, стратегия контактоустановления в русскоязычном и англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ реализуется на двух уровнях: I – «полемическая публикация – отклик читателя» и II – «отклик читателя 1 – отклик читателя 2 – отклик читателя n». В белорусской прессе указанная стратегия на уровне I реализуется при помощи тактики апелляции к адресату (языковые средства репрезентации: местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа *мы, вы*, 94,3 %), тактики побуждения (языковые средства репрезентации: слова с модальным значением *нужно, необходимо, надо* (52,3 %), повелительное наклонение (37,1 %)), тактики привлечения внимания (языковые средства репрезентации: риторические вопросы (36,9 %), пространственный дейксис (22,5 %), темпоральный дейксис (26,7 %)). В британской прессе на уровне I стратегия контактоустановления реализуется при помощи тактики апелляции к адресату (языковые средства репрезентации: местоимение 2-го лица *you* (97,1 %)), тактики побуждения (языковые средства репрезентации: модальные глаголы, лексемы с модальным значением (77,4 %)), тактики привлечения внимания (языковые средства репрезентации: вопросительные высказывания (37,2 %), персональный (13,2 %), пространственный (17,3 %) и темпоральный дейксис (18,6 %)).

На уровне II стратегия контактоустановления в русскоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ реализуется при помощи тактики приветствия (языковые средства репрезентации: фразы приветствия (98,4 %)), тактики апелляции к адресату (языковые средства репрезентации: личные местоимения (42,5 %), имена собственные (49,4 %)), тактики побуждения (языковые средства репрезентации: повелительное наклонение (46,4 %), лексемы с модальным значением (29,3 %)), тактики привлечения внимания (языковые средства репрезентации: риторические вопросы (34,1 %), пространственный дейксис (27,8 %), темпоральный дейксис (26,1 %)), тактики прямого вопроса (языковые средства репрезентации: вопросительные высказывания различных типов (100 %)). В англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ данная стратегия реализуется при помощи тактики приветствия (малоупотребительна), тактики апелляции к адресату (языковые средства репрезентации: местоимение 2-го лица *you* (76,3 %)),

тактики побуждения (языковые средства репрезентации: модальные глаголы (84,7 %)), тактики привлечения внимания (языковые средства репрезентации: темпоральный дейксис (28,1 %), локальный дейксис (27,2 %), вопросительные высказывания (36,8 %)), тактики прямого вопроса (языковые средства репрезентации: различные типы вопросительных высказываний (100 %)).

4.3 Стратегия аргументации и тактики ее репрезентации в полемическом дискурсе на русском и английском языках

Несмотря на то что «речь действительно служит средством передачи сообщения, эта передача не является конечной целью общения» [246], основная цель отправителя сообщения лежит вне речевой деятельности и может быть связана с изменением отношения адресата к какому-либо объекту, изменением коннотативного значения объекта для субъекта, формированием общего эмоционального настроения, перестройкой категориальной структуры индивидуального сознания, с введением новых категорий в него [247]. Поэтому целью стратегии может быть завоевание авторитета, убеждение адресата что-то сделать, принять точку зрения, сотрудничать и т. д. [248]. При этом организатору общения важно изменять и управлять деятельностью и поведением собеседника, т. е. в ходе общения адресант оказывает речевое воздействие на сознание адресата, который является объектом общения [249]. Для осуществления успешного речевого воздействия, эффективность которого определяется степенью совпадения цели воздействия и его результата, необходимо овладеть коммуникативной стратегией и тактиками ее реализации.

Одним из основных свойств стратегии является ее гибкость, которая определяется возможностью реализации одной коммуникативной стратегии целым набором различных тактик. В то же время одна и та же тактика может использоваться для реализации разных коммуникативных стратегий. Иными словами, мы наблюдаем тесное взаимодействие стратегий и тактик, их постоянный взаимный переход, что не позволяет создать однозначную и полную типологию коммуникативных стратегий и тактик, а также найти четкое соответствие между отдельными стратегиями и тактиками. Поэтому при описании конкретного содержания стратегий и тактик следует исходить из целей и ракурса анализа, типа рассматриваемого дискурса

и его жанрового разнообразия. Так, например, в политическом дискурсе, который в настоящее время часто становится объектом лингвистических исследований, проявляются стратегии подавления власти, дискредитации, сотрудничества, адаптации, уступки [250], стратегии запугивания, самовосхваления и лести [251], большой интерес представляют стратегия манипулирования и такие тактики ее реализации, как делигитимизация, клевета, солидарность [252]. В дискурсе СМИ выделяются стратегии дискредитации, издевательств, обвинений [253], стратегия близости, обеспечивающая управляемость личности и общества [254]. В письменном деловом дискурсе изучаются стратегии полноты и краткости информации, стандартизации, экспрессивности, вежливости, престижности речи [255].

В полемическом дискурсе печатных СМИ тактико-стратегический потенциал недостаточно изучен, особенно в сопоставительном аспекте, что затрудняет создание полного представления о механизмах успешного общения на материале неродственных языков и определяет актуальность данной работы.

Для полноценного анализа особенностей реализации стратегии аргументации в изучаемом дискурсе необходимо обратиться к анализу его аргументативной природы.

По своей природе полемический дискурс печатных СМИ обладает силой убеждения, поэтому при реализации стратегии аргументации на материале русского и английского языков целесообразно учитывать характерные для них сходства и различия. Аргументативная стратегия соответствует второму постулату категории Качества Грайса: не говори того, на что у тебя нет достаточных оснований [256]. Эта стратегия определяет обоснованность решений и требует от автора предоставления достаточных оснований для сообщения.

Как показал анализ, для реализации данной стратегии авторы могут использовать такие тактики, как *тактика аргументированной оценки* (высказывания, с помощью которых говорящий хочет объективно охарактеризовать ситуацию и объяснить свое мнение), *тактика контрастного анализа* (анализ и сравнение фактов, событий, результатов), *тактика прогнозирования* (прогнозирование развития событий, выражение стратегических целей, позиции и намерений говорящего), *тактика иллюстрации* (с использованием фактов и примеров) и *тактика подчеркивание важности информации*. Безусловно, этот набор тактик может быть использован и в других типах дискурса, но языковые средства, используемые для их вербализации при реализации аргументативной стратегии, будут различаться не только в зависимости от типа дискурса, но и в зависимости от его языка.

Так, в белорусском полемическом дискурсе печатных СМИ тактика аргументированной оценки реализуется при помощи наречий степени (26,7 %) и определительных местоимений (21,4 %), эмоционально-оценочной лексики в сочетании с указанием на человека и/или событие (29,1 %), непосредственно связанное с обсуждаемой в статье проблемой/вопросом, когда автор убеждает адресата в правильности своей точки зрения:

Философ, публицист и политолог Алексей Дзермант считает, что для Беларуси – это один из ключевых и важных моментов в сотрудничестве с Российской Федерацией. Он пояснил:

– Беларусь действует в логике создания вместе с Россией, с другими союзниками и партнерами так называемых «больших проектов»: атомная станция, развитие космической отрасли... Здесь тоже самое, подобное производство – это один из возможных «больших проектов». Потому что мы понимаем, что авиастроение – это очень высокие технологии, компетенции, которые нужно иметь, и, конечно, это огромный задел на будущее.

Сотрудничество с Россией открывает новые перспективы для белорусского авиастроения. Предприятия уже встроены в производственные цепочки российской авиастроительной отрасли. Налажены поставки в Россию комплектующих, выполняется ремонт и модернизация авиатехники.

<...> По словам эксперта, на данный момент специалисты уже выделили определенный тип самолетов для производства (в основном это будут малые и средние воздушные суда), и постепенно белорусская промышленность разворачивается к тому, чтобы иметь возможности их делать.

Беларусь и Россия проводят согласованную промышленную политику, что позволяет успешно решать задачи импортозамещения и обеспечивать технологический суверенитет Союзного государства [257].

При изложении аргументированных оценок адресат в белорусской прессе использует следующие языковые единицы для создания аргументированной среды: один из ключевых и важных моментов, действует в логике, один из возможных «больших проектов», это очень высокие технологии, компетенции, открывает новые перспективы, уже встроены, налажены поставки, выполняется ремонт и модернизация, уже выделили, постепенно ... разворачивается, проводят согласованную промышленную политику, успешно решать задачи.

Тактика аргументированной оценки в британском полемическом дискурсе реализуется аналогичным способом (наречия степени (27,5 %), определительные местоимения (19,3 %), эмотивно-оценочная лексика в сочетании с указанием на человека и/или событие (28,2 %)), как в следующем примере:

In today's refashioned political landscape, they are perhaps no longer even the natural party of opposition. They have barely more than half of Michael Howard's 2005 election-losing 198 MPs, while the Lib Dems are counting their largest number of MPs in modern times. Crucially, the post-election opposition benches contain significantly more MPs from other parties, including Reform and the Greens.

This gets to the nub of the problem the Conservative party now faces and indicates why, potentially, things can only get worse. Because unlike those other parties, the Conservative party no longer has any defining purpose. "Survivor" Conservative MPs say they need to diagnose the problem and debate what Conservative principles and values are. Ideally, the party would take some time to select its next leader, but the longer the debate goes on, the more it underlines how the party has no sense of what its point is any more. To the electorate, this will seem like a continuation of the argument the party had with itself while in power [258]. **В сегодняшнем изменившемся политическом ландшафте** они, возможно, **больше не являются даже** естественной партией оппозиции. У них **едва больше половины** из 198 депутатов, проигравших на выборах Майкла Ховарда в 2005 году, **в то время как либеральные демократы насчитывают самое большое количество депутатов** на данный момент. **Важно отметить**, что после-выборные скамьи оппозиции занимают **значительно больше депутатов** от других партий, включая Реформаторов и Зеленых.

Это затрагивает суть проблемы, с которой сейчас сталкивается Консервативная партия, и показывает, почему потенциально **ситуация может только ухудшиться**. **Потому что в отличие** от других партий, Консервативная партия **больше не имеет какой-либо определяющей цели**. «Выжившие» депутаты-консерваторы говорят, что **им необходимо диагностировать проблему и обсудить**, каковы консервативные принципы и ценности. **В идеале партии потребовалось бы некоторое время**, чтобы выбрать следующего лидера, но **чем дольше** продолжаются дебаты, **тем больше они подчеркивают**, что партия **больше не понимает**, в чем состоит ее точка зрения. Избирателям это покажется продолжением спора, который партия вела сама с собой, находясь у власти'.

В данном примере, используя тактику аргументированной оценки, адресант пытается убедить адресата в том, что после поражения на выборах в Парламент консерваторов ждет ухудшение их политических позиций. Оценка, сопровождаемая собственным мнением автора в публикации, представляется веским аргументом, подкрепляющим тезис о том, что Консервативная партия больше не имеет какой-либо определяющей цели. Таким образом, мы видим реализацию аргументативной стратегии в исследуемом дискурсе. Оценка сопровождается такой эмотивно-оценочной лексикой, как *refashioned political landscape, perhaps no longer even, barely more than half, crucially, significantly more, the nub of the problem, can only get worse, unlike, no longer has any defining purpose, need to diagnose the problem and debate, ideally, but the longer, the more, has no sense*, в сочетании с указанием на человека и/или событие, которые связаны с рассматриваемым вопросом/проблемой в полемической публикации. Совокупность перечисленных языковых средств создает необходимый убеждающий фон для того, чтобы читатель поверил в правоту позиции автора.

С точки зрения лингвистической репрезентации этой тактики в британской и белорусской прессе, набор языковых единиц отличается тем, что в англоязычном языке, как правило, сначала позиционируется мнение автора, а затем приводятся аргументы, тогда как в русском языке на первом месте стоит оценка автором ситуации, а затем его мнение.

Дальнейший анализ материала позволил выявить случаи использования *тактики контрастивного анализа*, где автор анализирует и сопоставляет факты, события, результаты, которым посвящена публикация. Обратимся к примерам из русскоязычной статьи:

Заявка была, безусловно, громкая, поучаствовать позвали всех, кого вообще смогли позвать. Изначально приглашались 160 стран, а приехали представители лишь 92. Вот только даже с теми, кто приехал, что-то изначально пошло не так. Уже не говоря о том, что очень многие из них прислали и близко не тот уровень представителей, на который рассчитывала принимающая сторона.

Изначально планировалось вывести некую «формулу мира», правда, никто не подумал, что это попросту невозможно сделать за столь короткий срок таким количеством государств, да еще и без участия России. Но это «хотели», а реальность, как всегда, внесла свои коррективы. В итоге просто решили обсудить несколько вопросов, а затем подписать декларацию, оказавшуюся,

как бы это сказать, размытой. Однако даже это недоразумение некоторые страны не подписали, а Ирак и Иордания, изначально подписавшие, сразу одумались и свои подписи отозвали. Что особенно приятно, ни один из присутствовавших участников БРИКС декларацию не «завизировал». Смысла в этом всем не было никакого. По сути, собравшиеся пришли к выводу, что без России подобные действия проводить – только время тратить.

А вишенкой на этом прекрасном торте недоразумений оказался тот факт, что не все приехавшие участники вообще имели полномочия что-то подписывать.

Хочу напомнить, что именно так поступили британцы в канун Второй мировой войны, когда всеми силами оттягивали подписание договоренностей с Советским Союзом. Вот правду говорят, что история идет по кругу [259].

Вербализация тактики контрастивного анализа в русскоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ в большинстве случаев происходит за счет употребления количественных числительных (15,6 %), дат (17,3 %), наречий обстоятельства времени (16,1 %), прилагательных и наречий с семантикой сравнения (14,2 %), глаголов в прошедшем, настоящем и будущем времени, которые в предложении употребляются в контрастивной функции (18,8 %).

Далее рассмотрим примеры из англоязычной публикации:

By contrast, other opposition political parties have no such questions over their purpose. Reform will hold Labour to account on immigration. The Lib Dems have a clear agenda on social care. The Green party will put pressure on Labour over its climate goals. What is the Conservative party's purpose? It's not credible on immigration, which has soared over the past few years. It's not credible on net zero, after it backed off its targets. It's not credible on the economy – Liz Truss's "minibudget" saw to that. The list goes on. And while it might suit the Conservative party to have a drawn-out leadership contest, the price could well be losing more ground, every day, to opposition parties who have clearer goals and manifestos [258]. **‘Напротив, другие оппозиционные политические партии не имеют подобных вопросов относительно своих целей. Реформаторы потребуют от лейбористов ответственности за иммиграцию. У либеральных демократов есть четкая повестка дня в отношении социальной помощи. Партия зеленых будет оказывать давление на Лейбористскую партию из-за ее климатических целей. Какова цель Консервативной партии? Она не заслуживает доверия с точки зрения иммиграции,**

которая резко возросла за последние несколько лет. **Она не заслуживает доверия** при нулевых показателях после того, как страна отступила от своих целей. **Она ненадежна** для экономики – об этом позаботился «минибюджет» Лиз Трасс. Список можно продолжить. **И хотя Консервативной партии может быть выгодно** провести затяжную борьбу за лидерство, **цена вполне может заключаться** в том, что **с каждым днем все больше уступят позиции оппозиционным партиям, у которых более ясные цели и манифесты**'.

Как показал анализ, в англоязычных публикациях, так же, как и в русскоязычных, для вербализации тактики контрастивного анализа адресант использует количественные числительные (12,7%), даты (12,4%), наречия обстоятельства времени (15,1%) (теперь, назад, сейчас, в этот (же) период, раньше, на днях, уже), прилагательные и наречия с семантикой сравнения (13,6%). Однако в отличие от русского языка адресант чаще использует имена прилагательные в сравнительной степени (18,1%), условное и/или сослагательное наклонение (17,9%). То есть, тактика контрастивного анализа в белорусском полемическом дискурсе звучит более категорично и убедительно в отличие от «предполагаемого» контраста фактов и событий в британском полемическом дискурсе.

Дальнейший анализ тактики реализации аргументативной стратегии в полемическом дискурсе печатных СМИ показал, что в ней используется *тактика прогнозирования*. Здесь следует отметить, что дается прогноз развития последствий существующей проблемы/вопроса/ситуации, но упоминание мнений и намерений автора опущено. В языковом плане для белорусского полемического дискурса присуща категоричность, выраженная глаголами в будущем времени (69,2%), в то время как для британского характерно употребление сослагательного наклонения (34,1%) и модальных глаголов с семантикой вероятности (41,4%) (is probably stuck with, could connect, could also try):

И вот тогда, в далеком и безусловно прекрасном будущем, то, что останется от современной Украины, возможно, примут в НАТО. Но тут надо понимать, что российское требование «внеблокового статуса» для Украины пока никто не отменял. А если Киев примет это условие, то и возможности вступить в военный блок у нее не будет, но там о таких мелочах задумываться как-то, видимо, не принято.

Скорее всего, в ближайшее время мы увидим еще один саммит мира, на этот раз реальный. Стран будет присутствовать ошутимо

меньше, но представители России там точно будут. Вот тогда мы и посмотрим на переговоры более пристально и, возможно, на план разрешения сложившейся ситуации. Вопрос только в том, готова уже Украина к такому повороту или еще нет... [259].

*Unless the Conservative party can discover this, it will become even more of an irrelevance in future British politics than it already is now, after its shattering election defeat. <...> Last Thursday, the Conservatives won just 23.4 % of Putney's vote. **The party will only become relevant again when it combines** competence with a purpose that reflects the aspirational, hard-working, diverse community that I had the privilege to represent until I chose to stand down in 2019.*

*For now, the Conservatives are off the political pitch, leaderless, rudderless and most importantly, purposeless. **Whether that absence becomes a more permanent one depends on following** the playbook for the route back to success, demonstrated so powerfully last Thursday by Labour. Success comes from being in the mainstream of British politics, being competent and having a clear purpose. The Conservatives have been none of the above for some time. **Its choice is simple now: do or die** [258].* 'Если Консервативная партия не поймет этого, она станет еще более бесполезной в будущей британской политике, чем сейчас, после своего сокрушительного поражения на выборах. <...> В прошлый четверг консерваторы набрали всего 23,4 % голосов Патни. **Партия снова станет актуальной только тогда, когда она объединит** компетентность с целью, отражающей амбициозное, трудолюбивое и разнообразное сообщество, которое я имел честь представлять, пока не решил уйти в отставку в 2019 году.

На данный момент консерваторы находятся вне политического поля, лишены лидера, руля и, самое главное, бесцельны. **Станет ли это отсутствие более постоянным, зависит от того, будете ли вы следовать** сценарию возвращения к успеху, который так убедительно продемонстрировали в прошлый четверг лейбористы. Успех достигается благодаря тому, что вы находитесь в русле британской политики, обладаете компетентностью и имеете четкую цель. Консерваторы в течение некоторого времени не были никем из вышеперечисленных. **Их выбор теперь прост: сделать или умереть**'.

Еще одной распространенной тактикой реализации аргументативной стратегии в полемическом дискурсе печатных СМИ является *тактика иллюстрации*, с помощью которой адресант дополняет/поясняет имеющиеся в его распоряжении факты. Примечательно, что для русскоязычных публикаций характерна иллюстрация при

помощи цитирования (58,8 %), в то время как для англоязычного полемического дискурса наиболее характерна вербализация этой тактики с помощью номинаций более ранних публикаций (57,1 %). Сопоставим следующие примеры:

Жители регионов всегда с теплотой вспоминали о визитах в их места Александра Григорьевича. Сам был тому свидетелем не раз. Например, в 2003 году довелось заключать первый договор о работе студотрядов БРСМ за рубежом. Было это в Краснодарском крае. Местные руководители как только услышали, кто мы и откуда, воскликнули: «А! Комсомольцы Лукашенко!» И для нас были открыты все двери [260].

The domestic challenges look bad: the NHS crisis, bankrupt local governments (“English town halls face unprecedented rise in bankruptcies, council leaders warn”), crumbling infrastructure, a flat economy (“Another washout for Rishi Sunak as rain dampens UK growth”). But the foreign policy in-tray looks worse: war in Europe, conflict in the Middle East, friction with China and a possible Trump return (“Biden in trouble as Supreme Court hands Trump another big win”). It makes for the most fragile and dangerous time for a generation [261]. ‘Внутренние проблемы выглядят плохо: кризис NHS, обанкротившиеся местные органы власти («Лидеры советов предупреждают, что английские муниципалитеты столкнулись с беспрецедентным ростом банкротств»), разваливающаяся инфраструктура, вялая экономика («Еще один провал Риши Сунака, поскольку дожди сдерживают рост в Великобритании»). Но внешняя политика выглядит хуже: война в Европе, конфликт на Ближнем Востоке, трения с Китаем и возможное возвращение Трампа («Байден в беде, поскольку Верховный суд вручает Трампу еще одну крупную победу»). Это делает время самым хрупким и опасным для поколения’.

Так, в русскоязычных публикациях наблюдается вербализация тактики иллюстрации при помощи цитирования (прямого и/или косвенного) известных личностей, политиков, деятелей, участников событий. В англоязычных примерах приводятся упоминания ранее опубликованных материалов для иллюстрации описываемых в полемической публикации фактов/событий/проблем.

Реализации аргументативной стратегии также способствует такая тактика, как *тактика подчеркивания важности информации*. Данная тактика эксплицитно вербализуется лексическими единицами с общим значением ‘важность’ (27,5 % в белорусской прессе, 29,1 %

в британской прессе) (важность, важный; importance, important), лексико-синтаксическими клише (17,3 % в белорусской прессе, 14,8 % в британской прессе) (необходимо обратить внимание, следует подчеркнуть; note, notice, it must be stressed, it needs to be noted, it should be noted), языковыми единицами со значением уверенности и убежденности (22,6 % в белорусской прессе, 22,8 % в британской прессе) (безусловно, понятно, не вызывает сомнений, действительно; certainly, clearly, of course), выделительно-ограничительными частицами, наречиями и союзами (11,3 % в белорусской прессе, 14,7 % в британской прессе) (не только, но; not only but, only), синтаксическими средствами выделенности (10,6 % в белорусской прессе, 12,2 % в британской прессе), выражением собственного мнения (10,1 % в белорусской прессе, 11,3 % в британской прессе) (мое личное мнение, на мой взгляд; in my opinion, to my mind):

Загрязнение воздуха – второй по значимости фактор риска смерти. Институт влияния на здоровье (Health Effects Institute) опубликовал свой пятый отчет «Состояние глобального воздуха». Он впервые был подготовлен в партнерстве с ЮНИСЕФ, поэтому содержит и информацию о негативном влиянии загрязнения воздуха на детей и подростков. В докладе подчеркивается, что загрязнение воздуха чрезвычайно серьезно влияет на здоровье людей. Настолько, что загрязнение воздуха стало вторым ведущим глобальным фактором риска смерти в мире [262].

So the Conservatives need any tax cuts to be sustainable. That means spending control. Which in turn means reform – of the kind carried out by the Thatcher and Cameron governments. Both of which were re-elected, by the way. And both of whom came to government untried at the most senior levels: indeed, Cameron hadn't been a minister at all.

That's an example the Tories should follow. They need a new generation of leaders. That means no return to the top for Boris Johnson. And no deals with Nigel Farage. And being more open about the challenges of the future – demographic decline, AI, integration and an ageing population – than Labour were in their fearful, cautious manifesto [263]. **Таким образом, консерваторам необходимо** любое снижение налогов, чтобы быть устойчивым. **Это означает** контроль расходов. **Что, в свою очередь, означает** реформы, подобные тем, которые проводились правительствами Тэтчер и Кэмерона. Оба они, кстати, были переизбраны. И оба они пришли в правительство, не проходя испытания на самых высоких уровнях: **действительно**, Кэмерон вообще не был министром.

Это пример, которому Тори должны следовать. Им нужно новое поколение лидеров. Это означает, что Борису Джонсону не удастся вернуться на вершину. И никаких сделок с Найджелом Фаражом. И быть более открытыми в отношении проблем будущего – демографического спада, искусственного интеллекта, интеграции и старения населения – чем Лейбористская партия в своем пугающем и осторожном манифесте’.

Таким образом, стратегия аргументации в полемическом дискурсе белорусских и британских печатных СМИ, реализующаяся посредством тактики аргументированной оценки, тактики контрастивного анализа, тактики прогнозирования, тактики иллюстрации, тактики подчеркивания важности информации, является наиболее представленной. Так, в русскоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ при реализации тактики аргументированной оценки преобладают определительные местоимения, эмотивно-оценочная лексика в сочетании с указанием на человека и/или событие, в то время как в англоязычном полемическом дискурсе частотностью отличаются наречия степени. При вербализации тактики контрастивного анализа в белорусской прессе преобладают количественные числительные, даты, наречия обстоятельства времени, прилагательные и наречия с семантикой сравнения, глаголы в прошедшем, настоящем и будущем времени, которые в предложении употребляются в контрастивной функции, британской прессе количественно выделяются имена прилагательные в сравнительной степени, условное и/или сослагательное наклонение. Тактика прогнозирования в белорусской прессе преимущественно реализуется при помощи глаголов в будущем времени, в то время как в британской прессе преобладают случаи употребления сослагательного наклонения (34,1 %) и модальных глаголов с семантикой вероятности. При вербализации тактики иллюстрации в полемическом дискурсе белорусских печатных СМИ чаще употребляется цитирование, в полемическом дискурсе британских печатных СМИ – текстовые ссылки на более ранние публикации. Тактика подчеркивания важности информации в белорусской прессе преимущественно репрезентируется при помощи таких языковых средств, как лексико-синтаксических клише, языковые единицы со значением уверенности и убежденности. В британской прессе чаще употребляются лексические единицы с общим значением ‘важность’, языковые единицы со значением уверенности и убежденности, выделительно-ограничительные частицы, наречия и союзы, синтаксические средства выделенности и выражение собственного мнения.

4.4 Оценочная стратегия и тактики ее реализации в полемическом дискурсе печатных СМИ: сопоставительный аспект

Полемический дискурс печатных СМИ, для которого характерен свой тактико-стратегический набор, участвующий в реализации ведущих функций дискурса, отличается определенного рода социальным взаимодействием, успешной реализации которого способствует *стратегия оценки*, которая свойственна для многих типов дискурса, но по-разному репрезентируется и интерпретируется в каждом из них. Так, в рамках оценочных стратегий рекламного дискурса изучаются функциональные аспекты оценки [265; 266; 267]. Оценочные коммуникативные стратегии конфронтации, кооперации и позиционирования, целью которых является оценивание и интерпретация действительности, изучались также на всех уровнях структуры сетевого новостного дискурса [268; 269; 270].

«Оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А» (субъект оценки) считает, что «Б» (объект оценки) хороший/плохой» [264, с. 5]. При построении оценочного высказывания адресант также может учитывать адресата, по возможности его пол, возраст, статус. Давая оценку, коммуникант дискурса стремится добиться запланированного перлокутивного эффекта, т. е. реализовать воздействие на коммуниканта. А поскольку оценочная интенция отличается широким спектром средств вербализации в языке, то установление особенностей ее языковой репрезентации в рамках стратегии оценки в полемическом дискурсе печатных СМИ на примере разноструктурных языков представляется весьма актуальным.

Как показал проведенный анализ, стратегия оценки реализуется преимущественно при помощи *тактики сравнения*, вербализующейся при помощи имен прилагательных/наречий с семантикой оценки в сравнительной степени и/или в составе сравнительных конструкций:

Генеральный директор предприятия говорит, что награда заслуженная:

– *Основной наш козырь – качество. И я нацеливаю весь коллектив, что **лучше** сделать продукцию **немного дороже**, но качественную. Все начинается с конструктора. Если он имеет хорошие знания, опыт, компетенции и профессиональное оборудование, то и весь процесс будет качественным. После конструктора разработка попадает к технологу, который сделает изделие технологичным* [271].

В англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ тактика сравнения имеет аналогичную языковую репрезентацию, как и в русскоязычном дискурсе:

Some Conservative MPs will argue that they, rather than all party members, should have the final say. All other things being equal, and especially in the wake of their party losing an election, members are more likely to vote for the candidate they believe to be most right wing [263]. ‘Некоторые депутаты-консерваторы утверждают, что последнее слово должно быть за ними, а не за всеми членами партии. **При прочих равных условиях**, особенно после поражения партии на выборах, ее члены **с большей вероятностью** проголосуют за кандидата, которого **они считают наиболее правым**’.

Как мы видим из примеров, и в русскоязычном, и в англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ тактика сравнения репрезентируется при помощи имен прилагательных/наречий в сравнительной степени, а также при помощи сравнительных конструкций.

При реализации тактики сравнения в полемическом дискурсе печатных СМИ на русском и английском языка особая роль также отводится метафорам. Рассмотрим следующие примеры:

Напротив, продемонстрировали, что с Украиной только США, ЕС и их союзники, а весь мир как-то вот не горит желанием выступить на стороне Киева, скорее наоборот [259].

*The accepted vehicle for determining them is the executive of the 1922 Committee, of which all Tory MPs are members. So **the first step in the dance** will be for Conservative MPs to elect a new committee. The leadership candidates will try to get their people elected. But many of the committee candidates will be independently minded and have strong views. So the contest will be hard to calculate [263].* ‘Принятым органом для их определения является исполнительный директор Комитета 1922 года, членами которого являются все депутаты-консерваторы. Таким образом, **первым шагом в танце** для депутатов-консерваторов станет избрание нового комитета. Кандидаты в лидеры постараются добиться избрания своих людей. Однако многие кандидаты в комитеты будут иметь независимое мышление и твердые взгляды. Так что конкуренцию будет сложно просчитать’.

Основываясь на ассоциативном мышлении, метафора порождает множество ассоциаций в сознании читателей, что дает возможность проводить операцию сравнения в сознании адресата.

В вербализации тактики сравнения также активно задействован стилистический прием образного сравнения (simile):

Говорить о реакции футболистов на собственное прилюдное унижение, признаться, даже не хочется: их фразы, оправдания и ужимки не вызывают ничего, кроме озадаченности и желания недоуменно пожать плечами, **будто не взрослых людей и профессиональных спортсменов слушаешь**, а инфантильных, самовлюбленных пижонов, которым незнакомы понятия чести, гордости и совести. Куча вопросов и к испанскому наставнику Карлосу Алосу, который после двух последних разгромных поражений имеет вид ошеломленный и испуганный, будто неумелый электрик, который самонадеянно схватился за оголенные провода, а они почему-то оказались под высоким напряжением [272].

*Those of us who were run out of Hollywood back then, a generation whose stories were too often silenced by non-disclosure agreements handed out **like confetti**, are conspicuous by our absence* [273]. ‘Те из нас, кому тогда пришлось покинуть Голливуд, поколение, чьи истории слишком часто замалчивались соглашениями о неразглашении, раздававшимися, **как конфетти**, бросаются в глаза своим отсутствием’.

Особую роль в реализации стратегии оценки играет привлечение внимания аудитории. Известно, что события, отличающиеся своей экстраординарностью, способны создавать эффект «разорвавшейся бомбы». Поэтому адресант старается всячески подчеркнуть, что описываемое событие является редким и необычным, для чего прибегает к *тактике создания эффекта значительности события*, языковыми маркерами которой становятся имена прилагательные и наречия в превосходной степени, также и местоименные прилагательные (весь, целый, самый; all, the whole, the most). Рассмотрим следующие примеры:

*«Целевая подготовка сегодня – **самая эффективная** форма подготовки кадров под конкретное предприятие. Но здесь также очень важно взаимодействие с организацией, в том числе и по созданию необходимой материально-технической базы», – отметил первый проректор БНТУ Андрей Сафонов* [273].

*It's clearly difficult for Democrats to dislodge their **most important** figures even when political realities suggest that they should; all told, the Democratic party is best understood less as a political party organized to enact or protect specific policies than as a professional association committed to protecting its **most valued** members* [274]. ‘Демократам явно трудно сместить своих **наиболее важных** фигур, даже когда политические реалии предполагают, что они должны это сделать; в общем, Демократическую партию лучше всего понимать не как

политическую партию, организованную для принятия или защиты конкретной политики, а как профессиональную ассоциацию, призванную защищать своих **наиболее ценных** членов’.

Используя отмеченные в примерах языковые средства, адресант акцентирует внимание на высшей степени оценки того или иного события/факта/человека и др.

Кроме того, прилагательные в превосходной степени могут употребляться вместе с географическими названиями, что будет свидетельствовать о том, что произошедшее событие обладает большой степенью важности для той или иной страны.

Не менее распространенным в русскоязычном и англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ при реализации стратегии оценки является употребление *тактики повторения оценочных лексем*, которая реализуется с помощью лексики, принадлежащей к одному лексико-семантическому полю. Степень повторяемости в содержании дискурса одного и того же синтагматического ряда превышает норму и коммуникативно значимым становится сам факт дублирования, что приводит к лучшему запоминанию повторяющейся лексики и тем самым оказывает воздействие на читателя. Рассмотрим следующие примеры:

*Начиная от размера 150x150 миллиметров до размера 450x450 миллиметров – это все очень **плохо** выглядит. Это не формат 60x60, на котором хорошо виден рисунок, не мелкая плитка, которая выигрывает за счет раскладки, как тот же самый кабанчик или плитка чебура, это нечто среднее, <...>. В общем, это решение **плохое**, такой формат покупать ни в коем случае нельзя. <...> **Плохо** выглядит и плитка кислотных оттенков, это прямоком из 2008 года, – отметила дизайнер [275].*

*“**Bad** debate nights happen,” he posted on X after the debacle the night before. “Trust me, I know. But this election is still a choice between someone who has fought for ordinary folks his entire life and someone who only cares about himself.” It was more than a “**bad** debate night”, though, as all who tuned in saw for themselves [274].* ‘«Бывают вечера **плохих** дебатов», – написал он на X после разгрома накануне вечером. «Поверь мне, я знаю. Но эти выборы по-прежнему представляют собой выбор между тем, кто всю свою жизнь боролся за простых людей, и тем, кто заботится только о себе». Однако это было нечто большее, чем «вечер **плохих** дебатов», в чем убедились все, кто был на связи’.

Таким образом, при частом повторе слов *плохо*, *плохой* адресат склонен верить негативной оценке автора.

Дальнейший анализ полемического дискурса печатных СМИ на материале белорусской и британской прессы позволил установить, что в рамках стратегии оценки имеет место реализация *стратегии дискредитации*, направленной на снижение степени доверия к кому-либо или чему-либо, умаление авторитета и т. п. В настоящей работе, вслед за И. С. Лисюткиной, под стратегией дискредитации мы понимаем такой способ действия, который направлен на подрыв доверия к объекту, умаление его значения, прямая или косвенная негативная оценка объекта, выраженная вербально [276, с. 11]. Традиционно для реализации стратегии дискредитации используется определенный набор речевых тактик: тактика обвинения, тактика нагнетания отрицательного, тактика непрямых оскорблений, тактика навешивания ярлыков, тактика умаляющих сравнений и др. Как правило, за счет создания положительного образа «своих» через очернение «чужих», с одной стороны, достигается развязывание острой дискуссионной полемики, что в случае полемического дискурса призвано способствовать достижению цели – совместного поиска решения существующей проблемы/вопроса. Стратегия дискредитации, в свою очередь, используется для создания у массового адресата не столько негативного образа оппонента, сколько некоего третьего лица или явления, но при этом воздействуя на читателя, чтобы тот согласился с высказанной позицией.

Тактика обвинения, участвующая в реализации стратегии дискредитации, призвана продемонстрировать наличие существующих фактов, которые, на взгляд автора проблемной статьи, а затем и отдельных читателей, являются заведомо ложными и умаляют степень существующей проблемы, вводят людей в заблуждение. Поэтому использование тактики обвинения способствует не только созданию полемического контекста, но и представляет собой обращение к более тонким, имплицитным механизмам воздействия, способствующим желательному восприятию фактов и необходимой для адресанта информации [3, с. 176].

Употребительность *тактики непрямого оскорбления* в полемическом дискурсе печатных СМИ определяется самой природой исследуемого дискурса, которая предполагает не только информирование адресата о существующей в обществе проблеме, но и оказание отрицательного воздействия на чувства адресата с целью получения ответной реакции в виде вступления его в полемическую дискуссию.

Если же обратиться к определению речевой тактики «(непрямое) оскорбление», то оно видится разными лингвистами в разном

свете. Так, Г. В. Кусов трактует оскорбление как «такой иллокутивный речевой акт, при котором, вследствие речевой агрессии, происходит понижение социального статуса адресата путем использования приемов коммуникативного давления» [277, с. 11]. К. И. Федорова, Н. В. Сабурова и С. В. Николаева выделяют следующие коммуникативные ходы для реализации тактики непрямого оскорбления: негативная характеристика объекта либо отрицательная оценка; создание выгодных для адресанта ассоциаций; развенчание притязаний; с помощью «навешивания ярлыков» [278]. В полемическом дискурсе печатных СМИ под тактикой непрямого оскорбления мы понимаем совокупность коммуникативных ходов, направленных на вербализацию негативной оценки личности, внешности человека, его качеств, поведения, а также событий, в форме, противоречащей установленным правилам поведения и требованиям общечеловеческой морали, не прибегая к унижению чести и достоинства личности, выраженно-го в неприличной форме.

Как показал проведенный анализ, для реализации тактики обвинения в полемическом дискурсе печатных СМИ используются прямой и косвенный способ языковой репрезентации. В первом случае мы имеем дело с использованием лексем, в семантическом ядре которых содержится сема 'вина'. Для белорусской прессы реализация тактики обвинения при помощи прямого способа номинации в полемических публикациях менее свойственна, чем в британском варианте дискурса:

*Плохое состояние экономики, зашкалившие налоги, высокие цены, бремя пенсионной реформы, непомерные траты на Украину и последствия санкций против России – все это и так **ставят в вину** действующему президенту. А «сдвиг влево» может ситуацию только усугубить [279].*

В большинстве случаев мы наблюдаем употребление словосочетания *ставить в вину*. Встречаются также случаи употребления иллокутивных глаголов *винить*, *обвинять* либо лексемы *вина*:

*Согласно ее условиям, Ассанж признает **вину** в заговоре с целью получения и раскрытия сведений о национальной обороне США, после чего между ним и судьей на острове Сайпан будет подписано соглашение. <...> Охоту на Ассанжа Запад начал еще в 2010-м. Швеция, которую журналист избрал для размещения серверов WikiLeaks как наиболее безопасную, внезапно **обвинила** его в двух изнасилованиях. <...> Конгрессвумен Марджори Тейлор Грин сыронизировала, что единственным преступлением Ассанжа была журналистика. Кандидат в президенты Роберт Кеннеди – младший*

с горечью отметил, что вынужденное признание австралийцем части **вины** демонстрирует, как «американское полицейское государство преуспело в криминализации журналистики». <...>

Освобождением Ассанжа Белый дом будто хочет избавиться от образа тирана и вновь примерить личину «защитника свободы», одновременно продемонстрировав твердость позиции, ведь часть **вины** журналист все же признает [280].

В данном примере мы слышим обвинение в адрес героя публикации, которого намеренно пытаются обвинить в раскрытии секретной информации. С помощью лексики, обладающей негативной семантикой (вину в заговоре с целью получения и раскрытия сведений о национальной обороне США, внезапно обвинила его в двух изнасилованиях, вынужденное признание австралийцем части вины, ведь часть вины журналист все же признает), моделируется образ «виновного».

Для откликов читателей также характерна низкая частотность прямого способа обвинения.

В то же время косвенные способы имеют большую частотность в реализации рассматриваемой тактики, что можно объяснить журналистской этикой:

*Из опубликованных судом документов известно, что журналист, которому с 2019 года угрожала депортация в США и громадный срок за раскрытие грязных секретов сияющего града на холме, заключил сделку с американской Фемидой. <...> Освобождение основателя **WikiLeaks** прогрессивные круги в США встретили по-разному. Конгрессвумен Марджори Тейлор Грин сыронизировала, что **единственным преступлением Ассанжа была журналистика** [280].*

В приведенном ниже примере из британской прессы употребление лексемы *to blame* маркирует реализацию прямого способа обвинения, поскольку слова со значением ‘вина’ являются прямым указанием на обстоятельства или лица, которые могут быть так или иначе, по мнению автора статьи, причастны к возникновению проблемы, которой посвящена публикация:

Now he is no longer in sole charge. Attal and the next generation of centrist politicians, such as former prime minister Édouard Philippe, may well see their own interest in seeking a German-style coalition.

*At least they have a strong interest in trying to forge compromises, if only **to blame** their opponents (and perhaps Macron) if that effort fails* [281]. ‘Теперь он больше не является единоличным руководителем. Атталь и следующее поколение центристских политиков, таких как бывший премьер-министр Эдуард Филипп, вполне могут увидеть свой собственный интерес в поиске коалиции немецкого типа.

По крайней мере, они очень заинтересованы в попытках найти компромиссы, хотя бы для того, чтобы **обвинить** своих оппонентов (и, возможно, Макрона), если эти усилия потерпят неудачу’.

Прямой способ обвинения в британском полемическом дискурсе отличается большей частотностью, поскольку, как мы полагаем, авторы больше склонны к прямому способу выражения негативной оценки.

Лексемы со значением ‘вина’ также присутствуют и в откликах читателей в британском полемическом дискурсе, которые, как правило, соглашались с обвинениями, которые выдвигает автор полемической публикации, либо читатели могут выдвигать свои обвинения, тем самым затрагивая различные обстоятельства или лиц, имеющих отношение в проблеме:

Отклик 1: *Understand that the Iraq invasion was predicated on lies W and his admin told to member of Congress, as well as the entire world. Yet you **blame** project put that into the Dems and make them equal partners in W's lies. Quite convenient & projecting of you.* ‘Поймите, что вторжение в Ирак было основано на лжи W и его администратора, сказанных членам Конгресса, а также всему миру. Тем не менее, вы **обвинили** проект, вложив это в демократов и сделав их равными партнерами во лжи W. Довольно удобно и проецирующе с вашей стороны’.

Отклик 2: *We need a paradigm shift, but I have no idea what can galvanize people to bring it about. I fear the United States is simply entering its demise. I **blame** pervasive ignorance, greed, and runaway capitalism. “A republic, if you can keep it” indeed. Good old Ben was right.* ‘Нам нужна смена парадигмы, но я понятия не имею, что может побудить людей добиться этого. Я боюсь, что Соединенные Штаты просто приближаются к своему упадку. Я **виною** в этом повсеместное невежество, жадность и безудержный капитализм. Действительно, «республика, если вы сможете ее сохранить». Старый добрый Бен был прав’.

Отклик 3: *It does us no good to just sit around and **blame** others and predict untold futures. Maybe it would be better to simply take a look at our own part in this and what we can do better going forward [281].* ‘Нам бесполезно просто сидеть и **обвинять** других и предсказывать непредвиденное будущее. Возможно, было бы лучше просто взглянуть на свою роль в этом и на то, что мы можем сделать лучше в будущем’.

Благодаря реализации тактики обвинения путем употребления лексем с ядерной семьей ‘вина’ осуществляется акцентирование на негативных, по мнению адресанта, последствиях деятельности субъекта или субъектов.

При анализе англоязычного материала удалось установить, что в британских полемических публикациях и откликах читателей имеет место реализация косвенного способа экспликации тактики обвинения:

Doing so would push Americans more deeply into the political nihilism that has made Trump an attractive prospect for so many and that has, rightly or wrongly, encouraged many more Americans to disengage from a political system they see as hopelessly tainted by dishonesty and corruption. It would, in sum, continue the corrosion of the faith in politics Biden promised to help restore in the first place [281]. ‘Это еще глубже подтолкнет американцев к политическому нигилизму, который сделал Трампа привлекательной перспективой для многих и который, справедливо или ошибочно, побудил многих американцев выйти из политической системы, которую они считают безнадежно испорченной нечестностью и коррупцией. В целом это будет продолжать разрушать веру в политику, которую Байден обещал помочь восстановить в первую очередь’.

В данном примере мы видим обвинения, звучащие в адрес президента Байдена, который допустил крах веры в политику, испорченную нечестностью и коррупцией. При этом лексем со значением ‘вина’ отсутствуют, а имеет место косвенный способ обвинения, путем перечисления бездействия властей.

Как мы видим, стратегия дискредитации, реализующаяся при помощи тактики обвинения, направлена на умаление профессиональных качеств не только политиков, но и представителей других сфер.

В ходе дальнейшего практического анализа удалось установить, что стратегия дискредитации может реализовываться при помощи тактики *непрямого оскорбления*, которая вербализуется в большинстве случаев при помощи пейоратива. Обратимся к следующему примеру:

*И есть **нелюди**. Это все остальные, в разной степени.*

*Как думаете, насколько близка та грань, после которой «невероятные люди» сочтут для себя возможным сжигать **нелюдей**? Давить их машинами? Сбрасывать с крыши и балконов? Думаете, далеко? А мне вот заметно, что **нехты-мотольки** только что из штанов не выпрыгивают, чтобы этот момент приблизить [245].*

Употребление выделенных лексем не только создает определенный эмоциональный фон, но и стимулирует к полемической дискуссии читателей, ответной реакции со стороны адресата.

Рассмотрим пример из англоязычной проблемной статьи:

At this point in a counter-factual, Clegg would refuse to concede the grace-and-favour mansion, a furious Osborne, probably raving about

storing bagged-up Clegg in his freezer, would be forced to share Chevening with William Hague and, after some sulking, would quit, never to reappear – as triggeringly as ever – on election night 2024. Britain would thus be spared, among Osborne’s many experiments in tormenting the less fortunate, the bedroom tax he said was only fair: “There are 8 million spare rooms across the sector.” Eight million and eight, if you counted Dorneywood [282]. ‘В этот момент, вопреки фактам, КлеGG откажется уступить особняк милости и благосклонности, **разъяренный Осборн, вероятно, бредящий о том, чтобы запихнуть в свою морозильную камеру КлеGGа, будет вынужден разделить Чивнинг с Уильямом Хейгом и, после того как немного подуеться, уйдет и никогда больше не появится – так же вызывающе, как и всегда – в ночь выборов 2024 года. Таким образом, Великобритания будет избавлена от многих экспериментов Осборна по издевательствам над менее удачливыми, налог на спальни, по его словам, будет справедливым: «В этом секторе есть 8 миллионов свободных комнат». Восемь миллионов, восемь, если считать Дорнивуд’.**

Лексемы с уничижительной коннотацией служат средством воздействия для стимулирования ответной реакции адресата, его вступления в дискуссию.

Как показал проведенный анализ, особенность использования тактики непрямого оскорбления в полемическом дискурсе печатных СМИ в британской и белорусской прессе состоит в том, что адресант использует ее не в отношении адресата, как обычно происходит в прямом диалоге, а в отношении третьих лиц и/или действий, предпринимаемых ими, то есть тех, кто, по мнению автора, ответственен за создание проблемной ситуации.

Пейоративные лексические единицы использованы адресантом с целью принизить достоинство героев публикации, о которых идет речь, выставить в неприглядном свете их самих или их действия, поступки, что способствует реализации стратегии дискредитации, в рамках которой и используется указанная тактика в исследуемом дискурсе. При этом следует отметить, что как в британском, так и в белорусском варианте полемического дискурса печатных СМИ употребление указанной тактики носит стимулирующий характер, побуждая адресата к ответной реакции, включению последнего в полемическую дискуссию.

Адресат, в свою очередь, может прибегать к применению тактики непрямого оскорбления в отношении других адресатов полемического дискурса, но подобное явление скорее является исключением, поскольку целью исследуемого дискурса является поиск решения

проблемы, а не выяснение отношений между его участниками. Поэтому употребление пейоратива как средства вербализации тактики непрямого оскорбления в откликах читателей также преимущественно связано с третьими лицами и/или действиями, предпринимаемыми ими.

Таким образом, в русскоязычном и англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ при реализации стратегии оценки тактики, как тактика сравнения, тактика создания эффекта значительности события получают практически одинаковую языковую репрезентацию. При вербализации тактики повторения оценочных лексем наблюдаются отличия в том, что в англоязычном полемическом дискурсе лексические единицы, принадлежащие к одному лексико-семантическому полю, количественно в два раза превалируют над такими же в русскоязычном полемическом дискурсе, что обусловлено стремлением британских авторов к оценке большего количества параметров, связанных с тем или иным актуальным вопросом. При реализации стратегии дискредитации (в рамках стратегии оценки) с использованием тактики обвинения в белорусском и британском полемическом дискурсе наблюдаются существенные различия: в белорусском варианте дискурса – при помощи анафорического построения смежных предложений, где на первый план выдвигается указание на причины проблемы, а субъект выражен личными местоимениями 3-го лица, притяжательными, возвратными и указательными местоимениями; в британском варианте оязыковление осуществляется с использованием лексем, в семантическом ядре которых содержится сема ‘вина’. Тактика непрямого оскорбления в обоих языковых вариантах полемического дискурса репрезентируется при помощи пейоратива в 100 % случаев.

5 КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ЕГО СТРУКТУРА В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ БЕЛОРУССКИХ И БРИТАНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Более трех десятилетий человек как носитель языка и представитель той или иной культуры находится в центре внимания лингвистов и знаменует собой переход от системно-структурной к антропоцентрической парадигме. Кроме того, он был объектом многочисленных исследований в области лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, дискурса-анализа, коммуникативной лингвистики и др., в рамках которых анализировались взаимоотношения между такими понятиями, как человек и язык.

В рамках изучения связи человека и культуры, по словам В. А. Масловой, языковая личность представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей в реальном общении, в деятельности, где проявляется ее национально-культурная специфика [283, с. 119].

В когнитивной лингвистике на первый план выдвигается человеческая когниция, ментальные репрезентации действий (внутренние представления, модели), символы, стратегии человека и т. д. [284, с. 9–10].

Конец XX века ознаменовался формированием нового объекта изучения – личности говорящей, что дало толчок для возобновления разработки проблемы языковой личности в языкознании [285]. Человек со своими языковыми, когнитивными, поведенческими особенностями, собственной картиной мира оказался в центре лингвистических исследований и стал их объектом, изучение которого позволяет обнаружить его такие особенности как языковой опыт в результате речевого поведения [286, с. 145].

В рамках антропоцентрического подхода познавательная деятельность человека, ее моделирование и интерпретация привлекают все большее внимание лингвистов, поскольку в силу технического прогресса, глобализации, цифровизации многочисленных процессов происходит трансформация как коммуникативной деятельности, так и ее результата в структурно-функциональном и лингвистическом плане, что требует от исследователей детального изучения таких аспектов общения, как побуждение, цель, информационный обмен, регуляция взаимодействия партнеров по общению и организация взаимного восприятия, взаимной оценки и реакции.

Представляя собой важнейший механизм формирования человека как социальной личности, коммуникация реализуется посредством языка в виде текста, который, вплетаясь в многослойную ткань дискурса, выступает неотъемлемым элементом взаимодействия участников коммуникации и зеркалом когнитивных структур.

Являясь центральным звеном в лингвистических исследованиях, дискурс как «речь, погруженная в жизнь» [36, с. 136–137] развивается, изменяется и интересна для исследователей тем, что становится отражением результатов коммуникативной деятельности человека.

В настоящей монографии наше внимание обращено на полемический дискурс, представляющий собой диалог в рамках печатных СМИ, в ходе которого обсуждается актуальная проблема/вопрос с целью поиска путей ее решения. Данный тип дискурса представляет интерес для исследования с точки зрения его когнитивно-коммуникативных аспектов, поскольку коммуникация между его участниками имеет свои специфические особенности отсроченности во времени и пространстве, а также дистанции между коммуникантами. Поэтому изучение коммуникативного поведения с его когнитивными компонентами в рамках полемического дискурса печатных СМИ, его моделирование и последующая интерпретация в рамках сопоставительного исследования представляется весьма актуальным.

Как известно, существуют различные модели коммуникации, которые в своем большинстве основаны на базовой «линейной» схеме передачи информации [287], которая со временем была трансформирована в «кодую модель» с добавлением некоторых дополнительных элементов.

Но поскольку коммуникация не является статичной, в дальнейшем к существующим моделям был добавлен такой элемент, как обратная связь, что позволило также ввести в обиход круговую модель [288]. Однако развитие теории моделирования коммуникативного процесса на этом не остановилось, поскольку требовался учет каналов обмена информацией и окружающего контекста, в результате чего появились новые модели [289; 290; 291].

С точки зрения исследования дискурса мы полагаем, что при рассмотрении коммуникативных моделей необходимо учитывать мотивы, цель, контекст (условия, место и время общения), а также психологическое состояние и социосферу участников коммуникации [292; 293, с. 22–40], что имеет своим результатом разнообразие моделей и подходов, подчеркивающих многогранность самой коммуникации, которая рассматривается не как механический процесс обмена сообщениями, а как феноменологическое пространство, где опыт наполняется значением и смыслом, придавая структуру и цельность.

Исходя из трактовки полемического дискурса печатных СМИ как особого рода коммуникации, мы полагаем возможным применить принципы моделирования коммуникации к моделированию исследуемого нами дискурса, в результате чего мы получим когнитивно-коммуникативную модель, включающую как линейные, так и интеракционные аспекты общения, производство и интерпретацию смыслов в контексте ситуации, и делающую упор на взаимодействии коммуникантов в дискурсе; дискурс при этом понимается как сочетание текста, контекста, экстралингвистических факторов с учетом средств невербального и паравербального общения.

Коммуникация и ее аспекты уже многие десятилетия находятся в центре внимания ученых-лингвистов, поскольку под влиянием экстралингвистических факторов наблюдаются изменения не только в функциональных аспектах языка как средства коммуникации, но и происходят изменения в структуре данного рода деятельности, что также обусловлено динамичной природой самой коммуникации. Коммуникация, в свою очередь, является неотъемлемой частью дискурса, состоящего из единиц речевой деятельности, которым свойственны синтаксические, семантические и прагматические характеристики. Проанализировав различные подходы к определению концепта «дискурс», вслед за М. Ю. Олешковым, мы придерживаемся выводов о том, что «это текущая речевая деятельность, обслуживающая коммуникативную сферу, и возникающие в результате этой деятельности тексты, реализуемые в семиотическом пространстве с помощью вербальных и невербальных знаков, имеющие определенную структуру (модель речевой деятельности в виде последовательности речевых актов), жанровые особенности и прецедентный тезаурус» [294, с. 90].

Анализ коммуникативной составляющей полемического дискурса печатных СМИ, в целом, и ее интерактивного аспекта, в частности, представляется весьма актуальным при выявлении особенностей структурной организации коммуникативного пространства дискурса, поскольку исследуемый нами дискурс интерактивен в том смысле, что между его участниками – автором проблемной статьи (адресантом) и читателями (адресатами) – осуществляется взаимодействие, взаимное влияние друг на друга, которые имеют свою специфику как в формальном, так и в функциональном плане.

Прежде всего, необходимо разграничить понятия «коммуникация» и «интеракция», поскольку многие исследователи склонны их

отождествлять. Следует отметить, что эти понятия синонимичны, но не тождественны, так как важным определяющим элементом интеракции является физическое присутствие коммуникантов, возможность взаимно воспринимать друг друга [295, с. 463], что расширяет границы понятия интеракции, соотнося ее с социальным действием. В то же время, интеракция представляет собой коммуникацию в том смысле, что коммуникация включает в себя интерактивный аспект, стимулирующий коммуникативные интенции к получению результата в виде контакта между участниками коммуникации и их совместных действий с намерением передать то или иное смысловое содержание.

Другими словами, коммуникация, предполагающая передачу информации от одного коммуниканта другому/другим, реализуется в форме коммуникативных актов (речевых актов) в устной или письменной форме, в рамках определенного коммуникативно-прагматического пространства, в котором участники, для которых возможны одинаковые или разные социальные статусы и которые выполняют определенные социальные роли, взаимодействуют друг с другом.

Интеракция представляет собой отдельный коммуникативный акт и является лишь только одним из звеньев в цепи коммуникативных актов, совершаемых разными говорящими, и представляет собой часть коммуникативного процесса.

Лингвистическими маркерами интеракции в полемическом дискурсе печатных СМИ прежде всего выступают поступающие отклики читателей на проблемную статью, которые на уровне отдельных информационных фрагментов-реплик из текстов статьи и откликов так же, как и реплик, представляющих собой весь текст проблемной статьи и тексты откликов маркируют вступление коммуникантов в процесс интеракции. Помимо этого, в полемическом дискурсе присутствуют вопросы адресанта из текста проблемной статьи и ответы адресатов на них в откликах читателей. Такая интеракция характеризуется отсроченностью во времени, вызванной дистантностью между ее участниками, когда читатели могут присылать отклики через какое-то время (час, день, неделя, месяц), другие журналисты публикуют ответные статьи спустя какой-то период и т. д.

Так, например, на статью “Britain is suddenly a beacon of stability in Europe – now it’s France that’s in turmoil” поступило 598 отклика, в то время как статья “Nandy wasn’t supposed to head up culture, but could her level-headed approach be just the ticket?”, которая была опубликована двумя днями ранее, на момент сравнения получила наименьшее количество откликов – 30.

В следующем примере мы обнаруживаем присутствие ответов читателей на вопрос/вопросы, содержащиеся в полемической публикации, а также речевые реакции на отдельные информационные отрезки из публикации в прессе:

Адресант: *Повод для написания из ряда вон выходящий, нарушающий все писанные и неписанные правила и клятвы, когда врач отказал человеку, в данном случае мне, из-за того, что он не в той организации работает. Вывод из этого я сделал однозначный: когда врач ставит оказание медицинской помощи в зависимость от политических взглядов пациента – это фашизм. И это страшно. «Сказать почему? Тогда представьте, что в роддомах будут оказывать помощь только роженицам с белой ленточкой на запястье или наоборот. Что бригада «скорой» будет вытаскивать из разбитой всмятку машины только тех, у кого крестик православный на груди. Что...»* Написав эти строки, предположил, правда, что случай этот прискорбный и единичный. И, к большому сожалению, ошибся [296].

Адресат 1: *Сталкивалась с такими белорусскими медиками в интернете ... поведение и общение ниже плинтуса. Знакомая врач про группу медиков Беларуси и «разборки» там тоже упоминала.*

Адресат 2: *Такие медики, при случае, пусть не обращаются за помощью в милицию или МЧС. Все это при том, что многие из них получили бесплатное медобразование при таком-то режиме ... когда во многих развитых странах о таком и мечтать не приходится.*

Адресат 3: *Вот до чего дошло, врачи не станут оказывать помощь. Выгнать, зачем такие там нужны если они в открытую говорят, значит те люди не там работают, медицина вне политики. Если у них есть какие-то вопросы, их нужно решать в коллективе.*

В англоязычном полемическом дискурсе мы встречаем аналогичные примеры:

Адресант: *Travelling round Britain, I found it at a crossroads between fury and hope. Which way will Labour take us? <...> Now we have a new government, how might that indifference and cynicism be lifted? Britain is not yet the US; for the time being our politics is still rooted in everyday reality, and beyond the often slight and cautious promises in the Labour manifesto, change is not that hard to imagine. <...> Self-evidently, the NHS needs to be returned to a state of dependability*

and popular esteem. The same applies to education: everywhere we went, people talked about sons, daughters, grandkids, nieces and nephews with special needs, and how heartbreaking it was to see them being failed. Work needs to be restored as an actual route out of poverty; food needs to be something people buy, not that they are given [209]. ‘Путешествуя по Британии, я обнаружил, что она находится на перепутье между яростью и надеждой. **Каким путем поведет нас лейбористская партия? <...> Теперь у нас новое правительство, как можно избавиться от этого безразличия и цинизма?** Британия еще не США; на данный момент наша политика все еще укоренена в повседневной реальности, и, если не считать зачастую незначительных и осторожных обещаний в манифесте Лейбористской партии, перемены не так уж и трудно представить. <...> Само собой разумеется, что Национальную систему здравоохранения необходимо вернуть в состояние надежности и общественного уважения. То же самое относится и к образованию: куда бы мы ни пошли, люди говорили **о сыновьях, дочерях, внуках, племянницах и племянниках с особыми потребностями и о том, как душераздирающе было видеть, как они терпят неудачу.** Необходимо восстановить работу как реальный путь выхода из бедности; еда должна быть тем, что люди покупают, а не тем, что им дают’.

Адресат 1: *I also find it strange how people say “how will things change under Labour?”. To answer that, surely all you have to do is **look at the difference between the country before the Tories came to power and the country as it is now.** Do that and it becomes quite clear that who is in government makes a very important difference; the state Britain is in now was not an accident or act of God, it was done to us.* ‘Мне также кажется странным, когда люди говорят: «Как все изменится при лейбористской партии?». Чтобы ответить на этот вопрос, конечно, все, что вам нужно сделать, это **посмотреть на разницу между страной до прихода тори к власти и страной, которая есть сейчас.** Сделайте это, и станет совершенно ясно, что то, кто находится в правительстве, имеет очень важное значение; состояние, в котором сейчас находится Британия, не было случайностью или стихийным бедствием, оно было сделано с нами’.

Адресат 2: *The country is broke but now Labour finally needs to say how it intends to raise money:*

- 1) *Increase tax;*
- 2) *Cut spending;*
- 3) *Borrow money by issuing gilts.*

Governing means choosing. With such a broad church Labour choices need to be well thought. ‘Страна разорена, но теперь лейбористам наконец-то нужно сказать, как они собираются собирать деньги:

- 1) Увеличить налог;
- 2) Сократить расходы;
- 3) Занимать деньги путем выпуска золотых облигаций.

Управление означает выбор. При таком широком влиянии церкви выбор лейбористов должен быть хорошо продуман’.

Адресат 3: *It’s hard to have hope, though, when you are disabled and on benefits: and all Starmer has rattled on about has been those in work.*

What is our future? Is the new government going to run with the old one’s punishing regime of vouchers for PIP, or are they going to do something really positive, such as removing taxation from ESA...? Nobody seems to know... – and when uncertainty already rules our lives, adding more into the mix just creates despair. ‘Однако трудно иметь надежду, когда ты инвалид и получаешь пособие: и все, о чем Стармер болтал, это те, кто работает.

Каково наше будущее? Собирается ли новое правительство использовать прежний режим ваучеров для ПГИ, или они собираются сделать что-то действительно позитивное, например, отменить налогообложение из ЕКА...? Никто, кажется, не знает... – и когда неопределенность уже управляет нашей жизнью, добавление большего к этой смеси просто порождает отчаяние’.

Другим признаком реализации интерактивной составляющей полемической коммуникации в исследуемом дискурсе является установление контакта, что на языковом уровне подтверждается присутствием обращения, которое может быть выражено как именем собственным (сюда мы относим также псевдонимы читателей), так и именем нарицательным. Обнаруживаются ответы на поставленные вопросы как в статье, так и в откликах других читателей, повторы лексики, семантическая связь между частями текстов:

Гладышева Ольга: *Тареса Адамович, ну не все же такие, хороших, адекватных людей все же больше, хочется в это верить.*

Serafima Prekrasnaja: *Жаль... Сочувствую... Я работник культуры. У нас подобного отношения к посетителям нет, но в коллективе <...>. И самое обидное, что эти предатели государства зарабатывающие большие деньги на своих должностях, вывернутся*

да выкрутятся и дальше будут рулить ... В медицине можно улучшить с помощью пациентов – третьих лиц, а у нас – у высокого руководства высокие связи ...

Нина Зенько-Копылова: Спасибо, Серафима! Вы правы на 200 %.

Onetwosevenfivethree (отклик на публикацию в прессе): *I see James Timpson's appointment, and I cheer.*

I see Labour's plan to use private finance to rebuild infrastructure with Blackrock's Larry Fink saying it represents a once in a generation opportunity, and I could cry. I'm on the fence with how Labour will spend the next 5 years. Hoping for the best, but preparing for the worst. ‘Я вижу назначение Джеймса Тимпсона и радуюсь. Я вижу план лейбористов использовать частное финансирование для восстановления инфраструктуры, а Ларри Финк из Blackrock говорит, что это представляет собой возможность, которая выпадает раз в поколение, и я сейчас расплачусь. Я не знаю, как лейбористы проведут следующие 5 лет. Надеюсь на лучшее, но готовясь к худшему’.

Jessthecrip отвечает Onetwosevenfivethree: *Agree with you. Cheering Timpson – that is one very good appointment. But in absolute despair about Blackrock.* ‘Согласен с тобой. Аплодирую Тимпсону – очень хорошее назначение. Но в абсолютном отчаянии по поводу Blackrock’.

Marke76 отвечает Onetwosevenfivethree: *The blackrock factor depends entirely on how those contracts are set out. An article in a paper which has no such detail can only make assumptions and the article in question took a negative stance and as it had to take a stance of some sort otherwise the article could not exist. It wasn't referring to anything that has happened.* ‘Фактор Blackrock полностью зависит от того, как сформулированы эти контракты. Статья в газете, в которой нет таких подробностей, может только строить предположения, а рассматриваемая статья занимала негативную позицию, и, поскольку она должна была занять какую-то позицию, в противном случае статья не могла бы существовать. Не имелось в виду ничего, что произошло’.

В целом, коммуникативные интеракции могут иметь характер бесед, ссор, дискуссий, дебатов, массовых собраний и т. д. В полемическом дискурсе печатных СМИ имеет место полемическая дискуссия как форма интерактивного взаимодействия, в ходе которой коммуниканты достигают стратегические цели, используя набор определенных тактик, исследованию которых в настоящее время уделяется особое внимание.

Таким образом, мы приходим к выводу, что полемический дискурс печатных СМИ, чьим неотъемлемым элементом является коммуникативная деятельность представителей современного общества, интерактивен, что определяется вступлением его участников во взаимодействие посредством проблемной статьи и откликов на нее в поисках решения актуальной проблемы.

Полемический дискурс печатных СМИ, структурными элементами которого выступают полемические публикации, а также отклики на них, в линейном виде может быть представлен следующим образом (рисунок 2).

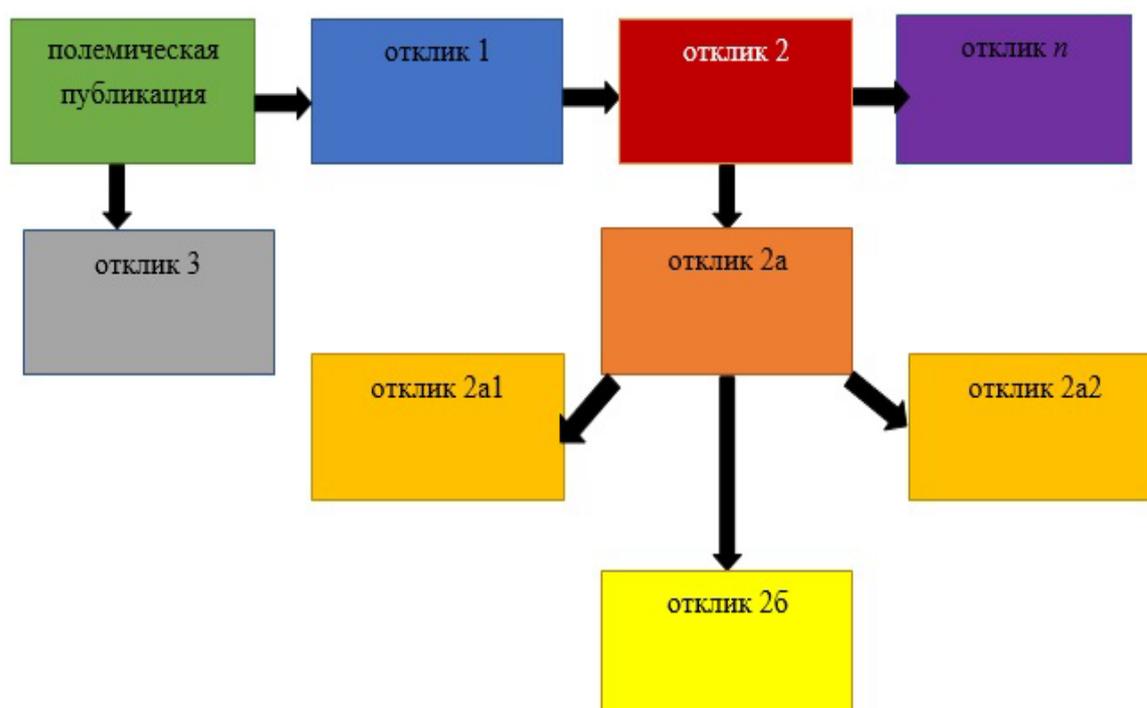

Рисунок 2 – Линейная структура полемического дискурса печатных СМИ (составлено автором по результатам проведенного исследования)

Как видно из приведенной выше схемы, на полемическую публикацию, посвященную рассмотрению определенной актуальной проблемы/вопроса, поступают отклики читателей, которые могут содержать согласие/несогласие, критику в адрес автора публикации. В результате развертывания коммуникативного пространства полемическая дискуссия может приобретать разветвленную форму, в основе которой находится сама обсуждаемая статья в целом, на которую поступают отклики, что обеспечивает исследуемому дискурсу

сложную полилогическую структуру, в рамках которой имеет место взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия конкретной ситуации. При этом некоторые отклики (отклик 2а) способны формировать вокруг себя дополнительные информационные пространства при помощи тематического объединения откликов других читателей (отклик 2а1, 2а2 и т. д.), что способствует продолжению дискуссии и делает рассматриваемую модель полемического дискурса печатных СМИ относительно предельной.

Однако помимо линейной модели, представленные в нашей схеме двусторонние процессы коммуникации в полемическом дискурсе печатных СМИ требуют когнитивного осмысления на основе тех процессов, которые имеют место на ментальном уровне в ходе дискурсообразования. Поэтому построение модели исследуемого дискурса, отражающей особенности протекания не только коммуникативных, но и когнитивных процессов, будет способствовать пониманию механизмов порождения, передачи, получения, интерпретации и дальнейшей информационной трансформации в полемическом дискурсе печатных СМИ.

На сегодня существует широкое разнообразие моделей порождения речи. Имеется и ряд моделей восприятия речи. Будучи сторонниками отечественного когнитивного подхода, мы можем представить порождение дискурса и его анализ как последовательности следующих друг за другом процессов, протекающих на когнитивном уровне. Пройдя круг синтеза и анализа, начинается новый дискурсивный цикл, в который включаются и отклики читателей либо ответные публикации в виде статей: ответная реакция представляет собой новый синтез и т. д. Таким образом, мы получаем многоуровневую когнитивно-дискурсивную модель коммуникативного взаимодействия, отражающую механизм кодирования замысла в речь и декодирования информации с последующей ответной реакцией, которая может быть представлена следующим образом: прошедшие во Франции выборы, вызвавшие бурные дебаты в обществе, стимулировали адресанта к публикации полемической публикации “Le Pen has been defeated by the left, but who will govern France? Our panel responds”, которая по замыслу автора призвана стимулировать читателей к обсуждению и поиску вероятных решений. При этом статья получает определенную структуру и содержательное наполнение, которые реализуют интенцию автора. В свою очередь на опубликованную статью могут поступать различные отклики читателей, принявших участие в получении, идентификации

и интерпретации текста, которые в совокупности с полемической публикацией сформировали первый уровень когнитивно-коммуникативной модели полемики (рисунок 3).

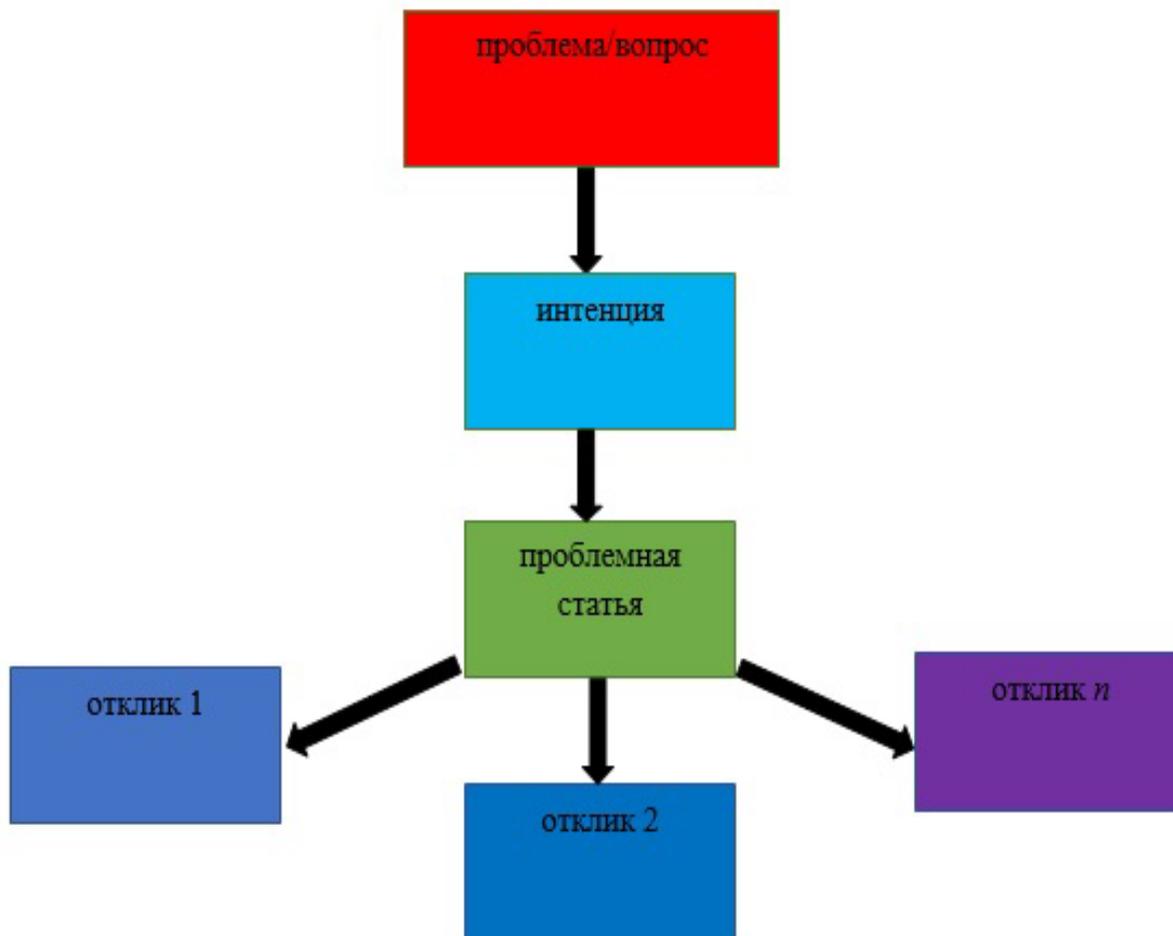

Рисунок 3 – Базовый уровень коммуниктивно-когнитивной модели (составлено автором по результатам проведенного исследования)

Развертывание когнитивно-дискурсивной модели может идти по двум сценариям: 1) ядерная проблема/вопрос, затрагиваемые в полемической публикации, отражаются в разных откликах читателей без приращения дополнительных смыслов, 2) ядерная проблема/вопрос в полемической публикации затрагиваются в одном из откликов читателей, в котором раскрываются один или более ее аспектов, и уже в следующем отклике ведется обсуждение не ядерной проблемы, а ее периферических аспектов, номенклатура которых увеличивается по мере увеличения количества откликов читателей и раскрытие других аспектов. Две базовые модели можно представить следующим образом (рисунки 4, 5).

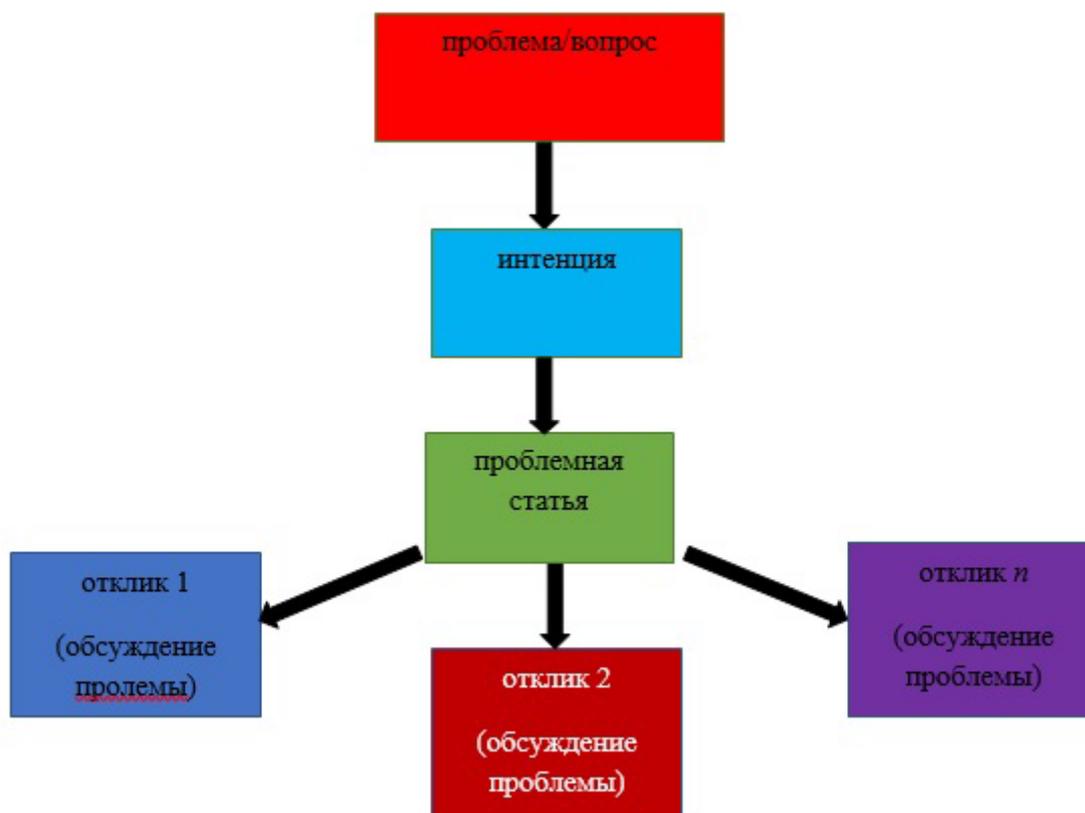

Рисунок 4 – Последовательная модель полемического дискурса
(составлено автором по результатам проведенного исследования)

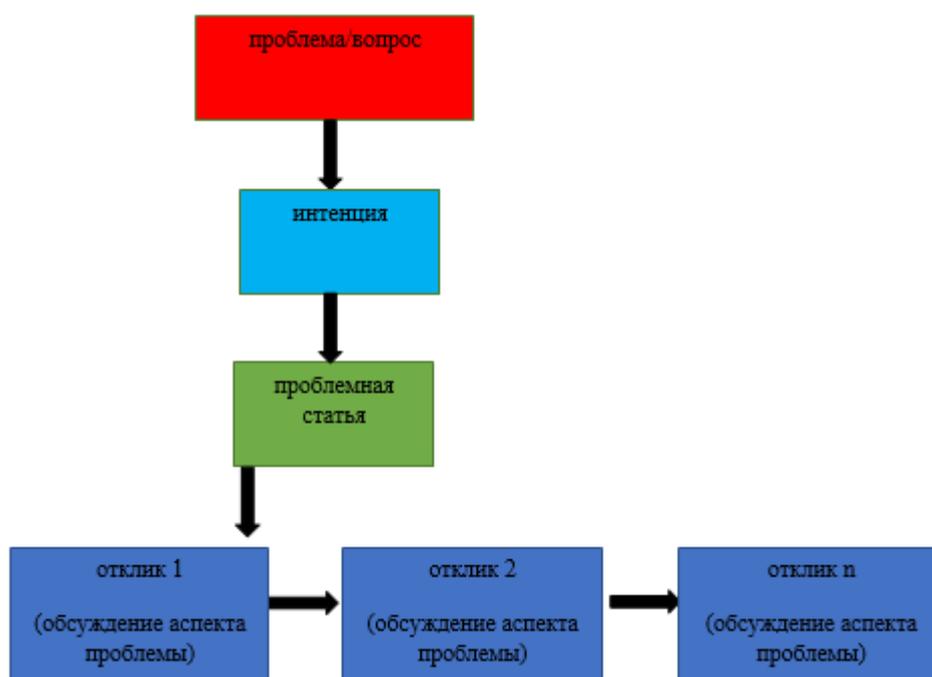

Рисунок 5 – Ступенчатая модель полемического дискурса
(составлено автором по результатам проведенного исследования)

Рассмотрим следующий русскоязычный пример полемической публикации и отклики на нее (рисунок 4):

Адресант: *Повод для написания из ряда вон выходящий, нарушающий все писанные и неписанные правила и клятвы, когда врач отказал человеку, в данном случае мне, из-за того, что он не в той организации работает. Вывод из этого я сделал однозначный: когда врач ставит оказание медицинской помощи в зависимость от политических взглядов пациента – это фашизм. И это страшно. «Сказать почему? Тогда представьте, что в роддомах будут оказывать помощь только роженицам с белой ленточкой на запястье или наоборот. Что бригада «скорой» будет вытаскивать из разбитой всмятку машины только тех, у кого крестик православный на груди. Что...»* Написав эти строки, предположил, правда, что случай этот прискорбный и единичный. И, к большому сожалению, ошибся [296].

Адресат 1: *Сталкивалась с такими белорусскими медиками в интернете ... поведение и общение ниже плинтуса. Знакомая врач про группу медиков Беларуси и «разборки» там тоже упоминала.*

Адресат 2: *Такие медики, при случае, пусть не обращаются за помощью в милицию или МЧС. Все это при том, что многие из них получили бесплатное медобразование при таком-то режиме ... когда во многих развитых странах о таком и мечтают не приходится.*

Адресат 3: *Вот до чего дошло, врачи не станут оказывать помощь. Выгнать, зачем такие там нужны если они в открытую говорят, значит те люди не там работают, медицина вне политики. Если у них есть какие-то вопросы, их нужно решать в коллективе.*

В данном случае коммуникативным ядром является проблема этического поведения медицинских работников. По мнению автора статьи, недопустимо оказывать медицинскую помощь исходя из религиозных или политических взглядов. В свою очередь каждый из читателей отдельно выражает реакцию на эту проблему, но в представленной схеме отклики от других читателей на уже поступившие не поступают.

В англоязычном полемическом дискурсе наблюдается выстраивание коммуникации по аналогичной схеме.

Однако наиболее частотной является ступенчатая модель, в которой в ходе обсуждения появляются различные аспекты проблемы и уже именно они ложатся в основу продолжения дискуссии (рисунок 5).

Адресант: *Travelling round Britain, I found it at a crossroads between fury and hope. Which way will Labour take us? <...> Now we*

have a new government, how might that indifference and cynicism be lifted? Britain is not yet the US; for the time being our politics is still rooted in everyday reality, and beyond the often slight and cautious promises in the Labour manifesto, change is not that hard to imagine. <...> Self-evidently, the NHS needs to be returned to a state of dependability and popular esteem. The same applies to education: everywhere we went, people talked about sons, daughters, grandkids, nieces and nephews with special needs, and how heartbreaking it was to see them being failed. Work needs to be restored as an actual route out of poverty; food needs to be something people buy, not that they are given [209]. **Путешествуя по Британии, я обнаружил, что она находится на перепутье между яростью и надеждой. Каким путем поведет нас лейбористская партия? <...> Теперь у нас новое правительство, как можно избавиться от этого безразличия и цинизма? Британия еще не США; на данный момент наша политика все еще укоренена в повседневной реальности, и, если не считать зачастую незначительных и осторожных обещаний в манифесте Лейбористской партии, перемены не так уж и трудно представить. <...> Само собой разумеется, что Национальную систему здравоохранения необходимо вернуть в состояние надежности и общественного уважения. То же самое относится и к образованию: куда бы мы ни пошли, люди говорили о сыновьях, дочерях, внуках, племянницах и племянниках с особыми потребностями и о том, как душераздирающе было видеть, как они терпят неудачу. Необходимо восстановить работу как реальный путь выхода из бедности; еда должна быть тем, что люди покупают, а не тем, что им дают’.**

Адресат 1: Onetwosevenfivethree (отклик на публикацию в прессе): *I see James Timpson’s appointment, and I cheer.*

I see Labour’s plan to use private finance to rebuild infrastructure with Blackrock’s Larry Fink saying it represents a once in a generation opportunity, and I could cry. I’m on the fence with how Labour will spend the next 5 years. Hoping for the best, but preparing for the worst. ‘Я вижу назначение Джеймса Тимпсона и радуюсь.

Я вижу план лейбористов использовать частное финансирование для восстановления инфраструктуры, а Ларри Финк из Blackrock говорит, что это представляет собой возможность, которая выпадает раз в поколение, и я сейчас расплачусь. Я не знаю, как лейбористы проведут следующие 5 лет. Надеюсь на лучшее, но готовясь к худшему’.

Адресат 2: Jessthecrip отвечает Onetwosevenfivethree: *Agree with you. Cheering Timpson – that is one very good appointment. But in*

absolute despair about Blackrock. ‘Согласен с тобой. Аплодирую Тимпсону – очень хорошее назначение. Но в абсолютном отчаянии по поводу Blackrock’.

Адресат 3: Marke76 отвечает Onetwosevenfivethree: *The blackrock factor depends entirely on how those contracts are set out. An article in a paper which has no such detail can only make assumptions and the article in question took a negative stance and as it had to take a stance of some sort otherwise the article could not exist. It wasn't referring to anything that has happened.* ‘Фактор Blackrock полностью зависит от того, как сформулированы эти контракты. Статья в газете, в которой нет таких подробностей, может только строить предположения, а рассматриваемая статья занимала негативную позицию, и, поскольку она должна была занять какую-то позицию, в противном случае статья не могла бы существовать. Не имелось в виду ничего, что произошло’.

В вышеприведенном примере мы видим развертывание дискуссии по нарастающей, т. е. читатель 1 выражает свою реакцию на статью, а второй читатель выражает реакцию на определенный аспект проблемы, который упоминается в отклике 1, в то время как читатель 2 делает акцент на другом аспекте осуждаемой проблеме в виде реакции на отклик 1. Другие аспекты проблемы раскрываются в последующих откликах.

Как мы видим, при продолжении дискуссии на отклики самих читателей могут поступать отклики других адресатов, формируя второй уровень рассматриваемой модели. Важным является тот факт, что ядром остается проблема, описанная в полемической статье и которая пронизывает все уровни представленной модели. Однако тематические приращения/изменения/дополнения вероятны, они формируют следующие уровни, что делает модель относительно предельной (рисунок 6):

Уровень 1

Адресант: *Travelling round Britain, I found it at a crossroads between fury and hope. Which way will Labour take us? <...> Now we have a new government, how might that indifference and cynicism be lifted? Britain is not yet the US; for the time being our politics is still rooted in everyday reality, and beyond the often slight and cautious promises in the Labour manifesto, change is not that hard to imagine. <...> Self-evidently, the NHS needs to be returned to a state of dependability and popular esteem. The same applies to education: everywhere we went,*

people talked about sons, daughters, grandkids, nieces and nephews with special needs, and how heartbreaking it was to see them being failed. Work needs to be restored as an actual route out of poverty; food needs to be something people buy, not that they are given [209]. ‘Путешествуя по Британии, я обнаружил, что она находится **на перепутье между яростью и надеждой. Каким путем поведет нас лейбористская партия? <...> Теперь у нас новое правительство, как можно избавиться от этого безразличия и цинизма?** Британия еще не США; на данный момент наша политика все еще укоренена в повседневной реальности, и, если не считать зачастую незначительных и осторожных обещаний в манифесте Лейбористской партии, перемены не так уж и трудно представить. <...> Само собой разумеется, что Национальную систему здравоохранения необходимо вернуть в состояние надежности и общественного уважения. То же самое относится и к образованию: куда бы мы ни пошли, люди говорили **о сыновьях, дочерях, внуках, племянницах и племянниках с особыми потребностями и о том, как душераздирающе было видеть, как они терпят неудачу.** Необходимо восстановить работу как реальный путь выхода из бедности; еда должна быть тем, что люди покупают, а не тем, что им дают’.

Адресат 1: *I also find it strange how people say “how will things change under Labour?”. To answer that, surely all you have to do is **look at the difference between the country before the Tories came to power and the country as it is now.** Do that and it becomes quite clear that who is in government makes a very important difference; the state Britain is in now was not an accident or act of God, it was done to us.* ‘Мне также кажется странным, когда люди говорят: «Как все изменится при лейбористской партии?». Чтобы ответить на этот вопрос, конечно, все, что вам нужно сделать, это **посмотреть на разницу между страной до прихода тори к власти и страной, которая есть сейчас.** Сделайте это, и станет совершенно ясно, что то, кто находится в правительстве, имеет очень важное значение; состояние, в котором сейчас находится Британия, не было случайностью или стихийным бедствием, оно было сделано с нами’.

Адресат 2: *The country is broke but now Labour finally needs to say how it intends to raise money:*

- 1) *Increase tax;*
- 2) *Cut spending;*
- 3) *Borrow money by issuing gilts.*

Governing means choosing. With such a broad church Labour choices need to be well thought. ‘Страна разорена, но теперь лейбористам наконец-то нужно сказать, как они собираются собирать деньги:

- 1) Увеличить налог;
- 2) Сократить расходы;
- 3) Занимать деньги путем выпуска золотых облигаций.

Управление означает выбор. При таком широком влиянии церкви выбор лейбористов должен быть хорошо продуман’.

Адресат 3: *It’s hard to have hope, though, when you are disabled and on benefits: and all Starmer has rattled on about has been those in work.*

What is our future? Is the new government going to run with the old one’s punishing regime of vouchers for PIP, or are they going to do something really positive, such as removing taxation from ESA...? Nobody seems to know... – and when uncertainty already rules our lives, adding more into the mix just creates despair. ‘Однако трудно иметь надежду, когда ты инвалид и получаешь пособие: и все, о чем Стармер болтал, это те, кто работает.

Адресат 4: mikeatsmileend: *Great pen portrait. Labour have said all the right things. I don’t believe Starmer is just like Blair. I think we have a chance. But failure means we will be overwhelmed by the Rogers in this article who will fall victim to the sorry tale of far right grievance.* ‘Отличный портрет пером. Лейбористская партия сказала правильные вещи. Я не верю, что Стармер такой же, как Блэр. Я думаю, у нас есть шанс. Но неудача означает, что мы будем поражены Роджерсами в этой статье, которые станут жертвами печальной истории о недовольстве крайне правых’.

Уровень 2

Адресат 4 (а): dsmatt отвечает mikeatsmileend: *And yet Blair still had things like Sure Start.* ‘И все же у Блера все еще были такие вещи, как «Уверенный старт»’.

Адресат 4 (б): teacuprider отвечает mikeatsmileend: *I’d like to ask Rodger how he knows Farage is the answer. What has he achieved in any service to the public in the past. In the words of the old saying, if you think he’s the answer the question is wrong.* ‘Я хотел бы спросить Роджера, откуда он знает, что ответом является Фарадж. Чего он достиг в служении обществу в прошлом? Как гласит старая поговорка, если вы думаете, что он и есть ответ, то вопрос неверен’.

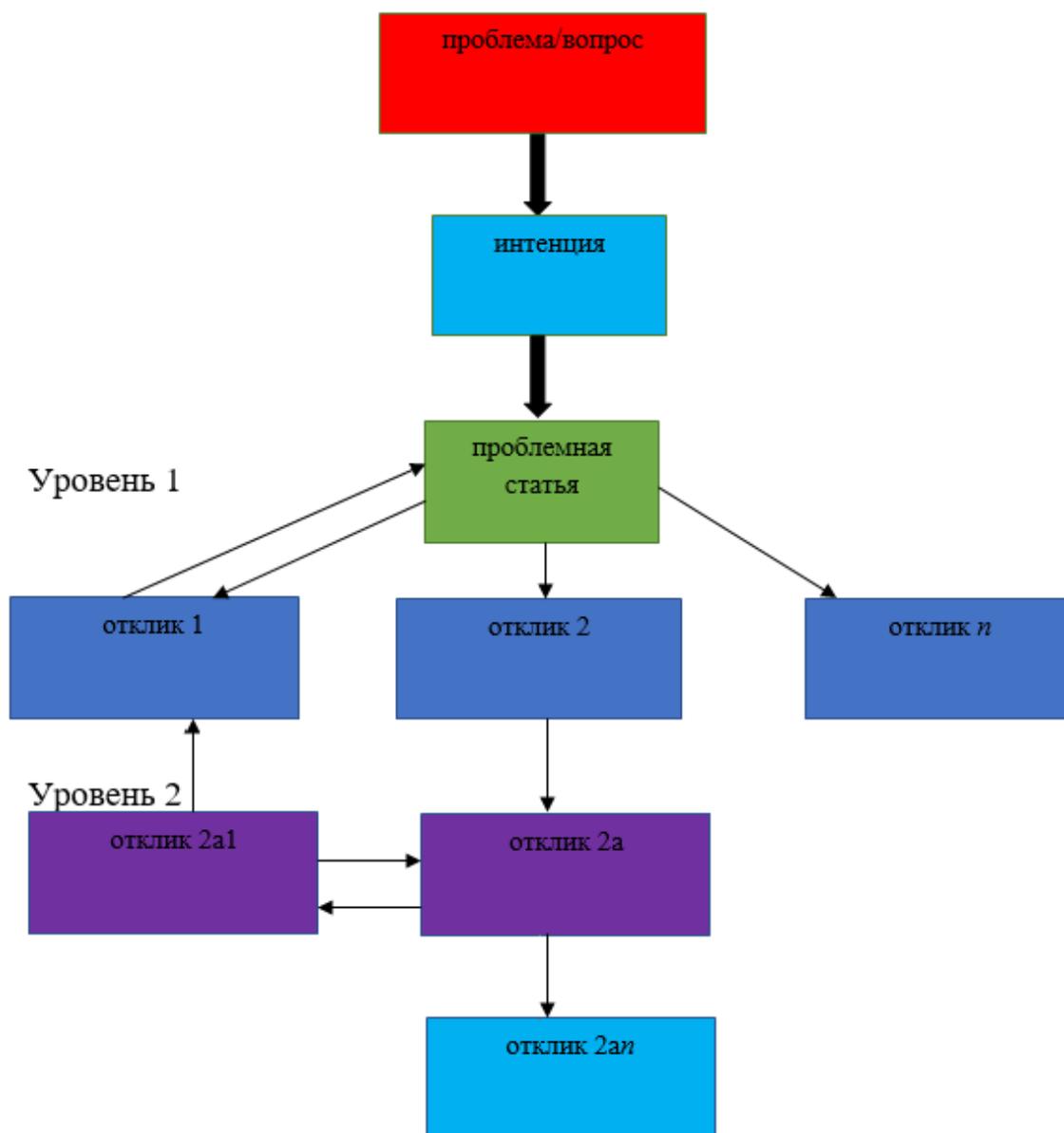

Рисунок 6 – Многоуровневость когнитивно-дискурсивной модели
 полемического дискурса печатных СМИ
 (составлено автором по результатам проведенного исследования)

Помимо этого, следует отметить, что особенностью рассматриваемой модели является то, что адресат одновременно может являться получателем и отправителем информации, поскольку его отклик на полемическую публикацию может становиться стимулом для отклика другого адресата. Помимо этого, отклик может представлять собой тематическое продолжение статьи, либо содержать в себе ответную реакцию, ответы на вопросы адресанта, а также могут присутствовать одновременно отклики одного читателя и на полемическую публикацию, и на отклики других читателей. В вышеприведенных

примерах мы наблюдаем также разветвление первого уровня когнитивно-дискурсивной модели исследуемого дискурса за счет появления откликов читателей не на саму статью, а на предыдущие отклики.

Анализируя полученные результаты, мы пришли к выводу, что для обоих языков наиболее распространенной является многоуровневая модель коммуникации, позволяющая вести обсуждение проблемы по разным тематическим направлениям с максимальным вовлечением аудитории. При этом концептуальное наполнение модели представлено макроконцептом «полемичность», базовыми концептами и рядом микроконцептов, набор которых детерминирован актуальной проблемой/вопросом, которые требуют общественного обсуждения с целью поиска решения.

Поскольку целью полемического дискурса является поиск решения актуальных проблем, на чье количество и характер влияют различные экстралингвистические факторы, полученная когнитивно-дискурсивная модель дискурса характеризуется отсроченностью во времени, вызванной дистантностью между адресантом и адресатом, и открытыми границами своей концептосферы, объединяющим ядром которой будет оставаться полемичность.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в ходе коммуникации, вербализованные продукты которой представлены полемическими текстами различных жанров, образуется полемический дискурс печатных СМИ, целью которого является поиск решения актуальной проблемы, которая является стимулом для начала коммуникативного процесса между участниками, реализующегося через язык и способствующего взаимодействию коммуникантов в рамках их когнитивной и коммуникативной деятельности.

Когнитивно-дискурсивная модель полемического дискурса печатных СМИ, с одной стороны, включает в себя линейные аспекты коммуникации. С другой стороны, она также представлена интеракционными аспектами, предполагающими наличие этапов стимулирования и ответной реакции в определенном контексте с акцентом на взаимодействие участников полемического дискурса печатных СМИ.

Многоуровневая относительно предельная когнитивно-дискурсивная модель коммуникативного взаимодействия отражает механизм генерирования и передачи информации с последующей ответной реакцией, учитывая интенцию автора.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют нам построить графическую модель полемического дискурса печатных СМИ, которая будет выглядеть следующим образом (рисунок 7).

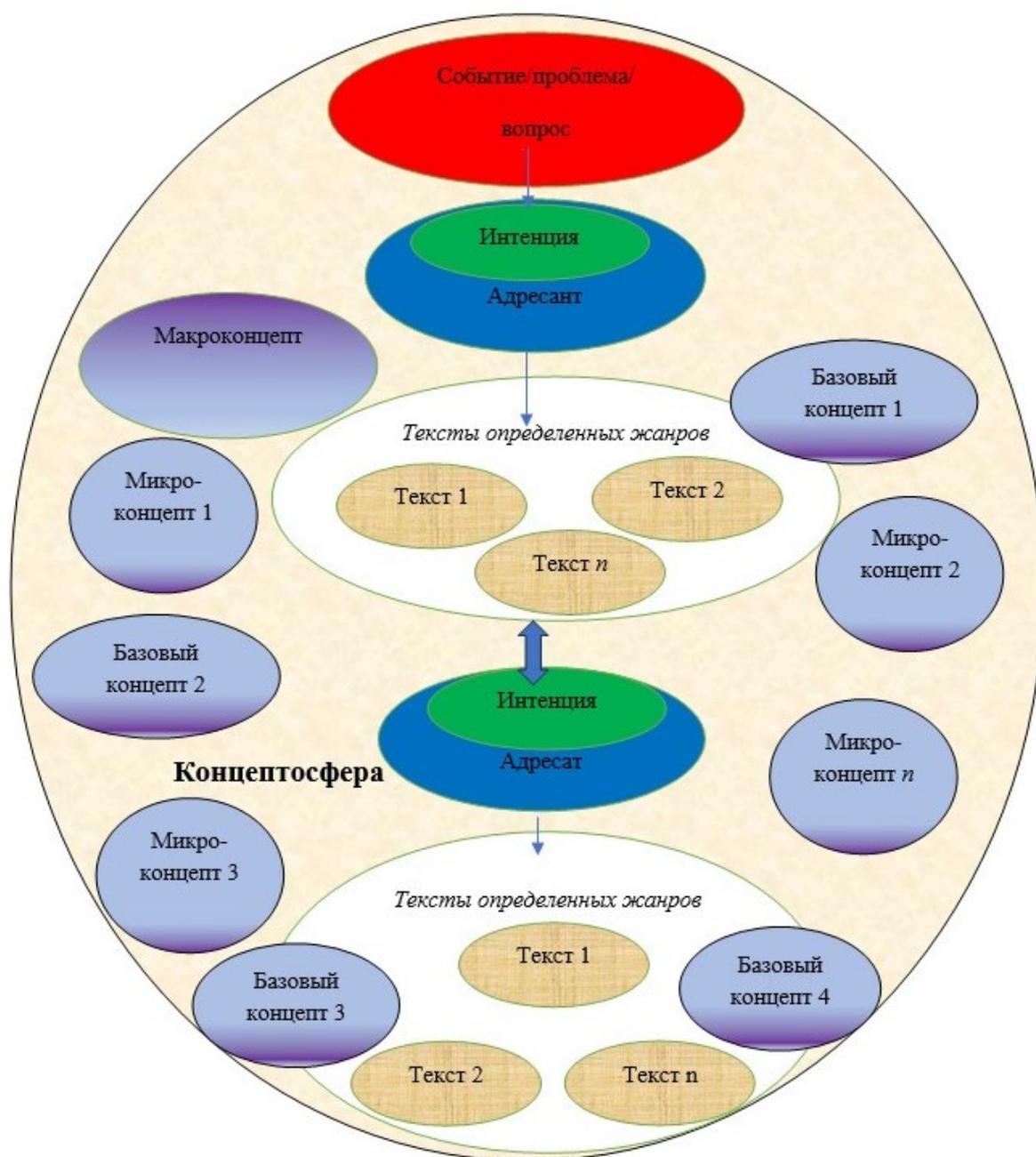

Рисунок 7 – Когнитивно-дискурсивная модель полемического дискурса печатных СМИ (составлено автором по результатам проведенного исследования)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии проанализированы структурная организация полемического дискурса печатных СМИ, его когнитивно-семантические и лингвопрагматические особенности на материале неблизкородственных языков.

Полемический дискурс печатных СМИ, представляющий собой сложное коммуникативное явление, формируется текстами жанров полемического характера, выраженного в их полемическом компоненте. Полемическому компоненту присущи структурно-композиционные, когнитивно-семантические и коммуникативно-прагматические признаки. Каждый из перечисленных признаков имеет индекс плотности, индекс интенсивности и индекс выразительности, которые в русскоязычных и англоязычных публикациях отличаются своими числовыми значениями. В обоих языках в зависимости от показателя среднего интегрального индекса полемичности, рассчитываемого на основании среднеарифметического от индекса плотности, индекса интенсивности и индекса выразительности, жанры относятся к ядру, ближней и дальней периферии, буферной зоне. Набор жанров совпадает, но степень выраженности среднего интегрального индекса полемичности в каждом жанре варьируется. Отличия фиксируются в языковой репрезентации признаков полемического компонента, что обусловлено разноструктурностью языков и национальной спецификой.

Установление того факта, что концептосфера полемического дискурса белорусских и британских печатных СМИ подчинена макроконцепту «полемичность», позволило выявить основные когнитивные признаки макроконцепта и набор базовых концептов, для которых характерна особая структурная организация. 55,55 % базовых концептов, входящих в макроконцепт «полемичность» («проблема», «дискуссия», «вопрос», «обсуждение», «противостояние»), относятся к сегментно-полевому типу, так как базовый и дополнительный когнитивные слои, составляющие объем данных концептов, окружают определенные сегменты. Остальная часть концептов (44,45 %) представляют собой многоуровневые двуслойные концепты. Набор когнитивных признаков в их структурах относительно постоянный, незначительные отличия фиксируются в репрезентации ядра, сегментов и периферии.

Набор наиболее распространенных микроконцептов, входящих в структуру макроконцепта «полемичность», объединен общим когнитивным признаком ‘проблемная/сложная ситуация, требующая

решения'. Все микроконцепты делятся на многоуровневые двуслойные и сегментно-полевые. Одноуровневые концепты для полемического дискурса печатных СМИ не свойственны.

В вербализации макроконцепта, базовых концептов и микроконцептов в русском и английском языках участвуют прямые номинации, синонимы, симиляры, идиомы, контекстуальные синонимы, метафорические номинации. Отличия состоят в количественной представленности языковых средств в двух разноструктурных языках.

В структуре когнитивно-коммуникативного пространства полемического дискурса выделяются дискурсный, межжанровый и внутрижанровый уровни, на которых осуществляется диалогическое взаимодействие. Дискурсный уровень структуры, который формируют внешнюю структурную оболочку дискурса, представлен целыми жанрами, формирующими ядро, ближнюю и дальнюю периферии в качестве структурных элементов, которые связаны между собой признаком полемичности, т. е. наличием полемического компонента в каждом жанре. На межжанровом уровне дискурса каждый жанр представлен такими постоянными структурными элементами, как заголовок, введение, основная часть, выводы (в одних жанрах присутствуют такие элементы, как вводка (лид) и постановка проблемы (проблемная статья), в других жанрах некоторые элементы отсутствуют (отклики читателей)). Между этими элементами в некоторых жанрах фиксируется прагматическая связность, которая является признаком внутренней диалогической структуры дискурса. Внутрижанровый уровень представлен последовательностями макропропозиций, между которыми наблюдается тематическое, референциальное, событийное, временное, пространственное единство, маркируемое определенным набором лексико-грамматических единиц. Вся структура дискурса подчинена определенной интенции, вызванной той или иной актуальной общественной проблемой, в поиске решения которой принимают участие адресант и адресат полемического дискурса печатных СМИ.

Интенциональная составляющая полемического дискурса печатных СМИ представлена на 1) уровне полемических публикаций в прессе и 2) откликов читателей определенным набором интенций. В русскоязычном полемическом дискурсе интенции оценочно-эмотивного характера по степени выраженности имеют более высокий уровень, в англоязычном полемическом дискурсе – информативно-аргументативные интенции выше по степени выраженности, что можно объяснить особенностями национального характера адресантов.

В откликах читателей также оценочно-эмотивная составляющая прева-лирует в русскоязычном варианте полемического дискурса, в то время как для англоязычных откликов типична сдержанность в изложении.

Способы экспликации интенций в русском и английском язы-ках в большинстве случаев совпадают, но отличаются по своей част-ности, что обусловлено национальной спецификой дискурса.

Адресант полемического дискурса белорусских и британских печатных СМИ в большинстве случаев одиночно-индивидуальный, т. е. это профессиональный журналист (штатный или внештатный). В роли адресанта в исследуемом дискурсе может выступать эксперт в определенной сфере знаний, общественный деятель, т. е. предста-витель какого-либо института. Цели адресанта ограничены интере-сами института масс медиа (информирование через воздействие).

Адресант в полемическом дискурсе печатных СМИ обладает не-обходимым и достаточным объемом знаний по теме своего высказы-вания, а также имеет большой словарный запас, определенный уровень эрудиции и умение верно пользоваться как первым, так и вторым.

Наиболее типичными языковыми особенностями ключевого участника коммуникации являются: насыщенность речи единичными вопросительными высказываниями или вопросными блоками, т. е. по-следовательностями следующих друг за другом вопросительных вы-сказываний (два и более). Адресанты активно используют эмотивно-оценочную лексику, экспрессивный синтаксис, поскольку выражение эмоций обладает высоким прагматическим потенциалом. Фиксируется частотное употребление личных местоимений 1-го и 2-го лица, чье употребление приводит к субъективизации повествования, воздействуя на читателя, создавая иллюзию причастности, соучастия. Сочетание личных местоимений с глаголами мнения, интеллектуальной и речевой деятельности и рядом других глаголов усиливает эффект «введения в свой круг» участников полемического дискурса.

Для адресанта полемического дискурса печатных СМИ харак-терно усиление аргументативной составляющей благодаря использо-ванию ряда аргументативных схем с целью повышения качества по-лучаемой адресатом информации.

На языковом уровне адресат полемического дискурса проявля-ет себя как коммуникант, стремящийся в первую очередь выразить согласие или несогласие с той или иной точкой зрения адресанта и других читателей, т. е. участники дискурса могут меняться комму-никативными ролями.

Реализация согласия/несогласия может происходить при помощи прямых речевых актов (глаголы и имена существительные

с семей 'не/согласие'), косвенных речевых актов (метафоры, риторические вопросы, восклицательные и побудительные предложения) и сопровождаться оценкой, реализующейся преимущественно эмоционально-оценочной лексикой.

Лингвопрагматическая организация полемического дискурса печатных СМИ на русском и английском языках определяется категорией полемичности и представлена определенным тактико-стратегическим набором.

Так, стратегия информирования, направленная на обмен информацией между адресантом и адресатом, в полемическом дискурсе белорусских и британских печатных СМИ реализуется при помощи тактики композиционного членения текста (свойственна для жанров, входящих в ядро и ближнюю периферию), тактики анализа фактического материала, тактики апелляции к авторитету, тактики повторения лексем.

Стратегия контактоустановления направлена на реализацию контактоустанавливающей функции и функции соучастия и реализуется на двух уровнях: I – «полемическая публикация – отклик читателя» (при помощи тактики апелляции к адресату, тактики побуждения, тактики привлечения внимания), II – «отклик читателя 1 – отклик читателя 2 – отклик читателя n» (при помощи тактики приветствия, тактики апелляции к адресату, тактики побуждения, тактики привлечения внимания, тактики прямого вопроса).

Стратегия аргументации в русскоязычном и англоязычном полемическом дискурсе печатных СМИ преследует цель убедить адресата в верности позиции адресанта в том или ином вопросе, побудить к совместному участию в поиске его решения, и реализуется при помощи следующих тактик: тактика аргументированной оценки, тактика контрастивного анализа, тактика прогнозирования, тактика иллюстрации, тактика подчеркивание важности информации.

Оценочная стратегия, целью которой является оценивание проблемы, вопроса, ситуации и связанных с ними субъектов, обстоятельств и возможных последствий, реализуется при помощи тактики сравнения, тактики создания эффекта значительности события, тактики повторения оценочных лексем. Стратегия дискредитации (в рамках стратегии оценки) реализуется при помощи тактики обвинения и тактики непрямого оскорбления.

Тактико-стратегический комплекс в полемическом дискурсе белорусских и британских печатных СМИ имеет ряд сходств и отличий в разноструктурных языках, и изменяется по частотности употребления по мере удаления от ядра дискурса к его дальней периферии.

В ходе коммуникативного взаимодействия вербализованные продукты, представленные полемическими текстами различных жанров, образуют полемический дискурс печатных СМИ, в рамках которого совместный поиск решения актуальной проблемы/вопроса является стимулом для начала коммуникативного процесса между участниками, реализующегося через язык и способствующего взаимодействию коммуникантов в рамках их когнитивной и коммуникативной деятельности.

Когнитивно-дискурсивная модель полемического дискурса печатных СМИ, с одной стороны, включает в себя линейные аспекты коммуникации. С другой стороны, она представлена интеракционными аспектами, предполагающими наличие этапов стимулирования и ответной реакции в определенном контексте с акцентом на взаимодействие участников полемического дискурса.

Многоуровневая относительно предельная когнитивно-дискурсивная модель отражает механизм генерирования и передачи информации с последующей ответной реакцией, учитывая интенцию автора.

Для обоих языковых вариантов полемического дискурса наиболее распространенной является многоуровневая модель, позволяющая вести обсуждение проблемы по разным тематическим направлениям с максимальным вовлечением аудитории.

Таким образом, проанализировав полемический дискурс печатных СМИ в сопоставительном ключе, мы обнаружили, что эволюция медийного дискурса в целом еще не завершена. Под влиянием ряда внешних и внутренних факторов в медийном дискурсе непрерывно происходят трансформации, идет процесс развития новых подтипов, одним из которых является полемический дискурс печатных СМИ. Для выявления основных тенденций в развитии медиасферы, а также для глубокого осмысления и качественной интерпретации медиапродуктов необходимо глубже изучать специфику современных жанров СМИ, причины и пути их образования, создавать и проверять новые модели анализа дискурса медиа. Исследования в этом направлении могут оказаться весьма перспективными.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Суджата, Р. Прагматический аспект газетного текста : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Р. Суджата. – М., 1996. – 176 с.
- 2 Данильченко, А. В. Функционирование топонимов в русском газетном : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / А. В. Данильченко. – Одесса, 1991. – 200 с.
- 3 Прохорова, К. В. Совокупный заголовочный текст как разновидность газетного текста газетном : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.10 / К. В. Прохорова. – СПб., 2001. – 228 с.
- 4 Рачук, Н. В. Функционирование вводных элементов в современном газетном тексте : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Н. В. Рачук. – СПб., 1999. – 202 с.
- 5 Ушникова, О. В. Лингвопрагматические и социокультурные особенности газетных текстов британской прессы : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 / О. В. Ушникова. – СПб., 2003. – 165 с.
- 6 Покровская, Е. В. Понимание современного газетного текста и его языковые характеристики : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / Е. В. Покровская. – М., 2004. – 277 с.
- 7 Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Т. Г. Добросклонская. – [б. м.] : [б. и.], 2020. – 180 с.
- 8 Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 264 с.
- 9 Карасик, В. И. О медийном преобразовании реальности / В. И. Карасик // Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик : коллективная монография / отв. ред. М. Р. Желтухина ; ВГСПУ. – М.-Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2020. – С. 19–23.
- 10 Карпилович, Т. П. Когнитивно-коммуникативная модель смысловой компрессии научного текста : автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филолог. наук : спец. 10.02.19; спец. 10.02.21 / Т. П. Карпилович. – Минск : [б. и.], 2005. – 39 с.
- 11 Клушина, Н. И. Дискурс и стиль: пути и перекрестки современной лингвистики // Солганик, Г. Я. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : коллективная монография / Г. Я. Солганик, Н. И. Клушина, Н. И. Смирнова. – М. : Флинта ; Наука, 2014. – 268 с.
- 12 Лазарева, Э. А. Заголовок в газете : учеб. пособие по курсу «Стилистика рус. яз.» / Э. А. Лазарева ; М-во образования РФ, Ур. гос. ун-т им. А. М. Горького. – 2-е изд., доп. и перераб. – Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 2004. – 82 с.

13 Лешкевич, И. В. Взаимодействие дискурсивных категорий в аналитической статье на английском и белорусском языках / И. В. Лешкевич // Контрастивные исследования: текст, предложение, слово : сб. науч. ст. преподавателей и аспирантов МГЛУ / Минский гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Т. П. Карпилович (отв. ред) [и др.] ; рец.: А. П. Клименко, И. Н. Ивашкевич. – Минск : МГЛУ, 2019. – Вып. 7. – С. 19–24.

14 Лушинская, О. В. Дискурс конвергентных средств массовой коммуникации: теория, методология и современное моделирование : монография / О. В. Лушинская ; науч. ред. В. И. Ивченков. – Минск : БГУ, 2021. – 271 с.

15 Беловольская, Л. А. О когнитивно-коммуникативной парадигме исследования языкового знака в молодежной субкультуре [Электронный ресурс] / Л. А. Беловольская // Вестник Таганрогского института управления и экономики – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kognitivno-kommunikativnoy-paradigme-issledovaniya-yazykovogo-znaka-v-molodezhnoy-subkulture/viewer>. – Дата доступа: 29.05.2024.

16 Шестерина, А. М. Полемический текст в современной прессе : дис. ... докт. филолог. наук : 10.01.10 / А. М. Шестерина. – Тамбов, 2004. – 498 с.

17 Шильникова, О. Г. Литературная критика в контексте русской журналистики: генезис, принципы функционирования, типология текстов : дис. ... докт. филолог. наук 10.01.10 / О. Г. Шильникова. – Волгоград, 2011. – 572 с.

18 Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.) : дис. ... докт. филолог. наук : 10.01.10 / Н. И. Клушина. – М., 2008. – 352 с.

19 Бобровская, Г. В. Элокутивные средства газетного дискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте: на материале русского языка : дис. ... докт. филолог. наук: 10.02.01 / Г. В. Бобровская. – Волгоград, 2011. – 421 с.

20 Федосеева, Е. В. Когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в современных англоязычных средствах массовой информации) : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.19 / Е. В. Федосеева. – Красноярск : СФУ, 2016. – 190 с.

21 Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования: сб. науч. тр. / РАН ИНИОН; отв. ред. и сост. В. И. Герасимов, М. В. Ильин. – М., 2002. – 184 с.

22 Шейгал, Е. И. Структура и границы политического дискурса / Е. И. Шейгал // Филология. – 1998. – № 14. – С. 22–29.

23 Зайцева, М. А. Языковые средства в создании дискурса полемики: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / М. А. Зайцева. – Харьков, 2004. – 132 с.

24 Глушкова, М. С. Устный полемический дискурс: особенности функционирования в научной сфере : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. С. Глушкова. – СПб., 2013. – 190 с.

25 Варламова, Е. В. Особенности германского леворадикального Интернет-дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. В. Варламова; Мос. гос. пед. ун-т. – М., 2006. – 26 с.

26 Иванов, Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста / Л. Ю. Иванов // Словарь и культура русской речи: сб. науч. ст. / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. Г. Костомарова. – М., 2001. – С. 131–148.

27 Колесникова, М. М. Основные виды сетевых СМИ и некоторые аспекты их функционирования (на материале американского сегмента Интернета) / М. М. Колесникова // Филол. вестник Ростов. гос. ун-та. – 2000. – № 1. – С. 45–49.

28 Щипицына, А. А. Дескриптивные и оценочные прилагательные в политическом медиа-дискурсе (на материале современной британской периодической печати): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. А. Щипицына; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2006. – 20 с.

29 Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Грамота. – Режим доступа: [https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80&mode=slovari&dicts[]=42). – Дата доступа: 27.05.2024.

30 Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Грамота. — Режим доступа: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0&mode=slovari&dicts[]=42). – Дата доступа: 27.05.2024.

31 Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Грамота. — Режим доступа: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F&mode=slovari&dicts[]=42). – Дата доступа: 27.05.2024.

32 Жумагулова, Б. С. Особенности полемического дискурса [Электронный ресурс] / Б. С. Жумагулова // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 7. – С. 142–145. – Режим доступа: <https://natural-sciences.ru/ru/issue/view?id=489>. – Дата доступа: 27.05.2024.

33 Павлова, Л. Г. Спор, дискуссия, полемика / Л. Г. Павлова. – М. : Наука, 1991. – 178 с.

34 Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; ред. Л. И. Скворцов. – 27-е изд., испр. – М. : АСТ : Мир и Образование, 2014. – 1360 с. – (Классические словари).

35 Толковый словарь Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=52836>. – Дата доступа: 27.05.2024.

36 Арутюнова, Н. Д. Дискурс / В кн.: Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

37 Кашкин, В. Б. Сопоставительные исследования дискурса / В сб. : Концептуальное пространство языка / под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов : Изд-во Тамбовского гос. унта, 2005. – С. 337–353.

38 Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126–139.

39 Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.

40 Денисова, Н. В. Рекламные жанры научнообразовательного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Денисова. – Томск, 2008. – 22 с.

41 Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю. В. Прохоров. – М. : Флинта, 2006. – 224 с.

42 Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

43 Колесниченко, А. В. Практическая журналистика : учеб. пособие [Электронный ресурс] / А. В. Колесниченко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. – Режим доступа: <http://www.eartist.narod.ru/text28/0043.htm>. – Дата доступа: 27.05.2024.

44 Соколова, А. А. Комментарий в периодической печати и сетевой журналистике Италии и Испании: основные тенденции развития : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.10 / А. А. Соколова. – М., 2011. – 164 с.

45 Стексова, Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность / Т. И. Стексова // Жанры речи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommentariy-kak-rechevoy-zhanr-i-ego-variativnost-1>. – Дата доступа: 27.05.2024.

46 Тертычный, А. А. Жанры периодической печати [Электронный ресурс] : учебное пособие / А. А. Тертычный. – 6-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2019. – 320 с. // Лань : электронно-библиотечная система. – Режим доступа: по подписке: <https://e.lanbook.com/book/169644>. – Дата доступа: 27.05.2024.: для авториз. пользователей.

47 Иванова, И. В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Иванова. – Астрахань, 2009. – 343 с.

48 Романова, О. В. Адресованность и интертекстуальность газетного интервью как жанра журналистского дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Романова. – Екатеринбург, 2008. – 266 с.

49 Степанова, М. А. Диалогичность коммуникации в жанре интервью в современной немецкой прессе : на материале журнала “Der Spiegel” : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. А. Степанова. – М., 2006. – 259 с.

50 Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; под ред. В. И. Карасик. – М., 2000. – С. 37–64.

51 Шейгал, Е. И. Структура и границы политического дискурса / Е. И. Шейгал // Филология. – 1998. – № 14. – С. 22–29.

52 Макарявичюс, А. Э. Проблемная статья как жанр английской газеты (лингвостилистический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. Э. Макарявичюс ; МГПИИЯ им. М. Горького. – М., 1989. – 23 с.

53 Попова, М. Ф. Проблемная статья в современной газетной практике / М. Ф. Попова // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2006. – № 40. – С. 187–204.

54 Тертычный, А. А. Аналитическая журналистика : учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 352 с.

55 Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Вып. 2. – Саратов : Колледж, 1997. – С. 93–97.

56 Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–121.

57 Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.

58 Китайгородская, М. В. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Изд. «Русские словари», 1999. – 396 с.

59 Бергельсон, М. Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: автореф. дис. ... док. филол. наук : 10.02.19 / М. Б. Бергельсон; Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2005. – 45 с.

60 Дзиодзина, А. Тренд «Извинись за Россию» – признак манипуляций в условиях информационной войны / А. Дзиодзина // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: https://www.sb.by/articles/-styd-blyudo-kotoroe-podaetsya-goryachim.html?fbclid=IwAR3FvpIWu_9VQ-9XvVp0cr55UElj5MK4CPcpUEcAr9UpIETK_F-ohWu0JlQ. – Дата доступа: 14.03.2022.

61 Kaldor, M. The main lesson from Afghanistan is that the ‘war on terror’ does not work / M. Kaldor // The Guardian [Electronic resource]. – 2021. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/aug/24/lesson-afghanistan-war-on-terror-not-work>. – Access date: 24.08.2021.

62 Crook, F. If prisoners are to help with the UK’s labour shortages, they must not be exploited / F. Crook // The Guardian [Electronic resource]. – 2021. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/aug/26/prisoners-uk-labour-shortage-exploited>. – Access date: 26/08/2021.

63 Красовская, А. Самокаты и велосипеды стали проблемой для Брестской крепости / А. Красовская // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/na-kolesakh-po-svyatynyam.html>. – Дата доступа: 19.08.2022.

64 Савостенко, И. Извини – подвинься! / И. Савостенко // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/izvini-podvinsya36514365.html>. – Дата доступа: 18.08.2022.

65 Flach, L. Brexit’s effects on UK trade are dramatic – but we feel them in the EU too / L. Flach // The Guardian [Electronic resource]. – 2022. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/02/brexit-effects-on-uk-trade-are-dramatic-but-we-feel-them-in-the-eu-too>. – Access date: 02.02.2022.

66 Hyde, M. Never mind wine fridges, the Tory party is drunk on Kool-Aid / M. Hyde // The Guardian [Electronic resource]. – 2022. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/01/wine-fridges-tory-party-kool-aid>. – Access date: 01.02.2022.

67 Социальная практика и журналистский текст / Е. А. Блажнов, С. А. Муратов ; под ред. Л. Н. Засурского, Е. И. Пронина. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 173 с.

68 Анисимова, Т. В. Некоторые принципы разграничения риторических жанров / Т. В. Анисимова // Вестник ВолГУ. Сер. 2 Вып. 4. – 2005. – С. 54–57.

69 Стексова, Т. И. Объекты комментариев в интерактивной газетной статье / Т. И. Стексова // Вестник НГУ. Серия : История, филология. Вып. 10 : Журналистика. – 2013. – Т. 12. – С. 91–95.

70 Руженцева, Н. Б. Протестный комментарий как жанр политического дискурса / Н. Б. Руженцева // Политическая коммуникация : материалы междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2013. – С. 267–272.

71 Балясникова, О. В. Психосемантика конфликта в интернет-текстах / О. В. Балясникова // Материалы X междунар. конгресса международного общества по прикладной психолингвистике. – М., 2013. – С. 169–169.

72 Красовская, А. Самокаты и велосипеды стали проблемой для Брестской крепости / А. Красовская // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/na-kolesakh-po-svyatunyam.html>. – Дата доступа: 19.08.2022.

73 Kettle, M. Simon Rattle is right: Britain is becoming a cultural desert – and that’s a political choice / M. Kettle // The Guardian [Electronic resource]. – 2023. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/apr/26/simon-rattle-britain-arts-classical-music-labour>. – Access date: 26.04.2023.

74 Рудь, Р. Революция сытых / Р. Рудь // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/revolyutsiya-sytykh.html>. – Дата доступа: 20.11.2020.

75 Hyde, M. Never mind wine fridges, the Tory party is drunk on Kool-Aid / M. Hyde // The Guardian [Electronic resource]. – 2022. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/01/wine-fridges-tory-party-kool-aid>. – Access date: 01.02.2022.

76 Абросимова, Е. А. Читательский комментарий как феномен интерпретации медиатекста (на материале интернет-комментариев и данных эксперимента) / Е. А. Абросимова, Ю. Д. Кравченко // Медиаскоп. – 2017. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2317>. – Дата доступа: 20.05.2024.

77 Олешков, М. Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) / М. Ю. Олешков // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил, НТГСПА, 2009. – С. 68–85.

78 Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. – 172 с.

79 Тильман, Ю. Д. Культурные концепты в языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Д. Тильман. – М., 1999. – 25 с.

80 Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : дис. ... докт. филолог. наук : 10.02.01 / О. С. Иссерс. – Омск, 1999. – 385 с.

81 Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии и коммуникативные структуры : дис. ... докт. филолог. наук : 10.02.19 / Т. Е. Янко. – М., 1999. – 338 с.

82 Новиков, Н. В. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.19 / Н. В. Новиков. – М., 2017. – 180 с.

83 Ханский, А. О. Коммуникативные стратегии вербального утешения : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.19 / А. О. Ханский. – Тверь., 2002. – 126 с.

84 Певнева, И. В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.19 / И. В. Певнева. – Кемерово, 2008. – 206 с.

85 Молодыченко, Е. Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса: когнитивный и лингвопрагматический анализ (на материале публичных речей политических деятелей 1960-2008 гг.) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 / Е. Н. Молодыченко. – СПб., 2010. – 24 с.

86 Карамова, А. А. Современный политический дискурс: конец XX – начало XXI вв. : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / А. А. Карамова. – Уфа, 2013. – 411 с.

87 Мальцева, В. А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации : на примере юридического дискурса : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.19 / В. А. Мальцева. – Челябинск, 2011. – 256 с.

88 Тютюнова, О. Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса: на материале немецких и русских телевизионных передач : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.20 / О. Н. Тютюнова. – Волгоград, 2008. – 25 с.

89 Дубровская, Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи : дис. ... доктор филолог. наук : 10.02.19 / Т. В. Дубровская. – Саратов, 2010. – 509 с.

90 Михалева, О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия : монография / О. Л. Михалева. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

91 Голоднов, А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Голоднов. – СПб., 2003. – 247 с.

- 92 Лившиц, Т. Н. Реклама в прагмалингвистическом аспекте / Т. Н. Лившиц. – Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ун-та, 1999. – 212 с.
- 93 Максименко, Е. В. Прагмастилистические аспекты рекламного дискурса : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.20 / Е. В. Максименко. – Краснодар, 2005. – 18 с.
- 94 Почепцов, Г. Г. Информационные войны / Г. Г. Поцепцов. – М. : Рефл-бук; К. : Ваклер, 2001. – 576 с.
- 95 Ермолаев, Б. А. Целеобразование в коммуникации / Б. А. Ермолаев // Оптимизация речевого воздействия: коллективная монография / Н. А. Безменова [и др.] ; под ред. Р. Г. Котова. – М., 1990. – С. 46–55.
- 96 Вохрышева, Е. В. Коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия в новоанглийском языке : дис. ... докт. филолог. наук : 10.02.04 / Е. В. Вохрышева. – СПб., 2001. – 274 с.
- 97 Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : КомКнига / URSS, 2006. – 288 с.
- 98 Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.
- 99 Радюк, А. В. Функционально-прагматические свойства кооперативных речевых стратегий и тактик в английском деловом дискурсе : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 / А. В. Радюк. – М., 2013. – 226 с.
- 100 Пешкова, Н. В. «Языковая игра как способ реализации конфронтационных стратегий в политическом ток-шоу Владимира Соловьева» : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.19 / Н. В. Пешкова. – Майкоп, 2021. – 207 с.
- 101 Гойхман, О. Я. Речевая коммуникация : учебник / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина ; под ред. О. Я. Гойхман. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 272 с.
- 102 Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Филолог. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 528 с.
- 103 Лавринова, Н. И. Текстовая актуализация речевого поведения коммуникантов в политическом интервью: на материале современного английского языка : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 / Н. И. Лавринова. – Архангельск, 2009. – 201 с.
- 104 Никульшина, Т. Н. Информационная стратегия в побудительном дискурсе (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 / Т. Н. Никульшина ; Киевский гос. лингв. ун-т. – Киев, 1998. – 16 с.

105 Ключев, Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для университетов и институтов / Е. В. Ключев. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.

106 Ланских, А. А. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / А. А. Ланских. – Екатеринбург, 2008. – 183 с.

107 Кошеварова, Ю. А. Коммуникативно-прагматический анализ аргументативного дискурса: на материале художественных произведений английских и американских писателей XX века : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 / Ю. А. Кошеварова. – Уфа, 2006. – 182 с.

108 Троицкая, Т. Б. Тактики реализации полемической стратегии в публицистическом дискурсе / Т. Б. Троицкая // Вестник Башкирского университета. Раздел «Филология и искусствоведение». – 2008. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/taktiki-realizatsii-polemicheskoy-strategii-v-publitsisticheskom-diskurse>. – Дата доступа: 20.05.2024.

109 Троицкая, Т. Б. Средства реализации полемической стратегии в немецкоязычном публицистическом дискурсе : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 / Т. Б. Троицкая. – М., 2008. – 208 с.

110 Троицкая, Т. Б. Полемическая стратегия как аспект структурно-семантической организации подборки писем читателей / Т. Б. Троицкая // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 2. – С. 86–90.

111 Сажина, Е. В. Полемический компонент дискурса печатных СМИ и его структурные закономерности / Е. В. Сажина // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер.: Гуманитарные науки. – 2023. – № 4 (139). – С. 99–103.

112 Sazhyna, A. V. Occasional Semes that Form the Semantic Field of the Polemic Component of the Print Media: Discourse on the Material of the English Language / A. V. Sazhyna, A. V. Koptelov, W. D. Edgington // National forum of applied educational research journal. – 2024. – Vol. 37, № 3. – P. 1–11.

113 Сажина, Е. В. Коммуникативно-прагматические признаки полемического компонента дискурса печатных СМИ (на материале неблизкородственных языков) / Е. В. Сажина // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2023. – № 3(124). – С. 35–43.

114 Крючкова, Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов / Н. В. Крючкова. – Саратов: Научная книга, 2005. – 165 с.

115 Приходько, А. Н. Дискурсообразующий потенциал концептов (на материале викторианского дискурса) / А. Н. Приходько, Е. С. Путий // Язык. Текст. Дискурс. – Вып. 9. – 2011. – С. 104–113.

116 Polemika // Словарь синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://словарь-синонимов.рф/words?keyword=полемика>. – Дата доступа: 27.05.2024.

117 Polemic // Collins Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus/polemik#google_vignette. – Date of access: 27.05.2024.

118 Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации : монография / М. В. Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3. – 2004. – 386 с.

119 Значение слова «Пolemika» в толковом словаре Д. Н. Ушакова // Толковый словарь Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glosum.ru/Значение-слова-Пolemika-в-словаре-Ушакова>. – Дата доступа: 27.05.2024.

120 Значение слова «Пolemika» в толковом словаре С. Ожегова // Толковый словарь С. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glosum.ru/Значение-слова-Пolemika-в-словаре-Ожегова>. – Дата доступа: 27.05.2024.

121 Значение слова «Пolemika» в толковом словаре Т. Ефремовой // Толковый словарь Т. Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glosum.ru/Значение-слова-Пolemika-в-словаре-Ефремовой>. – Дата доступа: 27.05.2024.

122 Polemic // Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/polemic>. – Date of access: 27.05.2024.

123 Беляев, А. Недолго музыка играла. Польско-украинская дружба близится к финалу / А. Беляев // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/politicheskiy-balagan-zakryvaetsya.html>. – Дата доступа: 28.09.2023.

124 Бакеренко, Ю. Гигин заявил, что контрольно-надзорная деятельность в том числе имеет политическое и социальное значение / Ю. Бакеренко // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/gigin-zayavil-что-kontrolno-nadzornaya-deyatelnost-v-tom-chisle-imeet-politicheskoe-i-sotsialnoe-zn.html>. – Дата доступа: 27.05.2024.

125 Елфимов, В. В чем особенности нынешней президентской избирательной кампании в США / В. Елфимов // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/dva-v-odnom-usa.html>. – Дата доступа: 27.05.2024.

126 Кукшинская, Е. Кричев и Могилев присоединились к республиканской акции «Дорогами мужества и стойкости» / Е. Кукшинская // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/krichev-i-mogilev-prisoedinilis-k-respublikanskoj-aktsii-dorogami-muzhestva-i-stoykosti.html>. – Дата доступа: 27.05.2024.

127 Orbach, S. Something Out of Place by Eimear McBride review – a satisfying feminist polemic / S. Orbach // The Guardian [Electronic resource]. – 2021. – Access mode: <https://www.theguardian.com/books/2021/aug/11/something-out-of-place-by-eimear-mcbride-review-a-satisfying-feminist-polemic>. – Access date: 01.02.2022.

128 McSherry, G. David Dimbleby criticises Emily Maitlis over Cummings ‘polemic’ / G. McSherry // The Guardian [Electronic resource]. – 2022. – Access mode: <https://www.theguardian.com/media/2022/aug/27/david-dimbleby-defends-bbc-rebuke-of-emily-maitlis-newsnight-polemic>. – Access date: 01.02.2023.

129 Flood, A. Reni Eddo-Lodge polemic tops poll of most influential books by women / A. Flood // The Guardian [Electronic resource]. – 2018. – Access mode: <https://www.theguardian.com/books/2018/apr/27/reni-eddo-lodge-poll-most-influential-women-why-im-no-longer-talking-to-white-people-about-race>. – Access date: 01.02.2023.

130 Bakare, L. Under the Gun review – gun control polemic hits its target / L. Bakare // The Guardian [Electronic resource]. – 2016. – Access mode: <https://www.theguardian.com/film/2016/jan/25/under-the-gun-review-gun-control-polemic-hits-its-target>. – Access date: 01.02.2023.

131 Harries, R. We need more rational argument and less polemic on euthanasia / R. Harries // The Guardian [Electronic resource]. – 2005. – Access mode: <https://www.theguardian.com/society/2005/oct/25/health.religion>. – Access date: 01.02.2024.

132 Пепеляев, В. Михаил Ульянов сыграл яркие роли в картинах белорусского режиссера Михаила Пташука / В. Пепеляев // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/marshal-ekrana.html>. – Дата доступа: 27.05.2024.

133 Дзиодина, А. Интересен ли западным СМИ искренний и настоящий А. Лукашенко или же в их повестку входит что-то другое / А. Дзиодина // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/po-sledam-bolshogo-razgovora-s-prezidentom-kakoy-a-lukashenko-interesen-zapadnym-smi.html>. – Дата доступа: 27.05.2024.

134 Freedland, J. Decisions, decisions / J. Freedland // The Guardian [Electronic resource]. – 2023. – Access mode: <https://www.theguardian.com/world/2003/feb/26/iraq.foreignpolicy1>. – Access date: 05.04.2024.

135 Brown, A. Atheism v religion debate moving on from stalemate, says archbishop / A. Brown // The Guardian [Electronic resource]. – 2012. – Access mode: <https://www.theguardian.com/uk/2012/apr/08/atheism-religion-debate-stalemate-archbishop>. – Access date: 05.04.2024.

136 Problem // Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/problem>. – Date of access: 27.05.2024.

137 Количество ДТП с участием охотничьих животных в 2023 году выросло почти на 12 % // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/kolichestvo-dtp-s-uchastiem-okhotnichikh-zhivotnykh-v-2023-godu-vyroslo-pochti-na-12.html>. – Дата доступа: 27.05.2024.

138 Jenkins, S. When the solution to your problem is David Cameron, you know you're in deep trouble / S. Jenkins // The Guardian [Electronic resource]. – 2023. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/nov/13/david-cameron-cabinet-suella-braverman-rishi-sunak>. – Access date: 05.04.2024.

139 Конопелько, Л. В Беларусь за здоровьем. В чем секрет популярности отечественного медицинского туризма / Л. Конопелько, К. Чаровская // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/v-belarus-za-zdorovem.html>. – Дата доступа: 27.05.2024.

140 Harvey, F. Oil and gas 'not the problem' for climate, says UK's net zero minister / F. Harvey // The Guardian [Electronic resource]. – 2023. – Access mode: <https://www.theguardian.com/environment/2023/nov/08/oil-and-gas-not-the-problem-for-climate-says-uks-net-zero-minister>. – Access date: 05.04.2024.

141 Басикирская, Е. В Республиканском эндокринологическом центре лечат детей с тяжелыми и редкими патологиями / Е. Басикирская // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/v-respublikanskom-endokrinologicheskom-tsentre-lechat-detey-s-tyazhelymi-i-redkimi-patologiyami.html>. – Дата доступа: 27.05.2024.

142 Gregory, A. Salt-free diet 'can reduce risk of heart problems by almost 20%' / A. Gregory // The Guardian [Electronic resource]. – 2023. – Access mode: <https://www.theguardian.com/science/2023/aug/27/salt-free-diet-reduce-risk-heart-problems-20-per-cent>. – Access date: 05.04.2024.

143 Конопелько, Л. Как распознать компульсивное переедание и почему важно сразу начать лечение / Л. Конопелько // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/postavit-zhirnuyu-tochku.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

144 Radhi, A. Diagnosing yourself with a mental health issue may bring comfort, but it can be dangerous / A. Radhi // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/apr/15/diagnosing-yourself-with-a-mental-health-issue-may-bring-comfort-but-it-can-be-dangerous>. – Access date: 05.06.2024.

145 Бакеренко, Ю. Аэропорт Дубая вернется к полноценной работе в течение 24 часов / Ю. Бакеренко // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/aeroport-dubaya-vernetsya-k-polnotsennoy-rabote-v-techenie-24-chasov.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

146 Twelve people die in traffic jam in Indonesia at junction called 'Brexid' // The Guardian [Electronic resource]. – 2016. – Access mode: <https://www.theguardian.com/world/2016/jul/08/indonesia-traffic-jam-deaths-java-brebes-brexid-junction>. – Access date: 05.06.2024.

147 Нестеров, А. В Минской области проходит акция «Вместе очистим наши водоемы – сэкономим природу!» / А. Нестеров // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/v-minskoy-oblasti-prokhodit-aksiya-vmeste-ochistim-nashi-vodoemy-sberezhem-prirodu.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

148 McKie, R. Five crucial issues in fight to save planet – and what Cop27 did about them / R. McKie // The Guardian [Electronic resource]. – 2022. – Access mode: <https://www.theguardian.com/environment/2022/nov/19/five-crucial-issues-in-fight-to-save-planet-and-what-cop27-did-about-them>. – Access date: 05.05.2024.

149 Петровский, П. В Иране набирает обороты президентская кампания. В чем ее особенности? / П. Петровский // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/tegeran-vystoit.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

150 Wintour, P. Diplomats fear growing power of Iranian factions that want nuclear weapons / P. Wintour // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/world/2024/mar/10/diplomats-fear-growing-power-of-iranian-factions-that-want-nuclear-weapons>. – Access date: 05.06.2024.

151 Волчков, В. Белорусская экономическая модель с социальным уклоном может стать достойным маяком для инвесторов / В. Волчков // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/laboratoriya-investitsiy.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

152 Jones, R. Cybercrime now becoming a serious problem for many Britons / R. Jones // The Guardian [Electronic resource]. – 2014. – Access mode: <https://www.theguardian.com/money/2014/oct/21/cybercrime-identity-theft-hacking-abuse-social-media-britons>. – Access date: 05.06.2024.

153 Целюк, А. Возможность ужесточения мер гражданской ответственности водителей обсудили в Палате представителей / А. Целюк // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/vozmozhnost-uzhestocheniya-mer-grazhdanskoj-otvetstvennosti-voditeley-obsudili-v-palate-predstavitel.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

154 Гордиенко, С. 25 мая в Жодино пройдет финал Кубка Беларуси / С. Гордиенко // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/33-somneniya.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

155 Roberts, A. Bewilderment by Richard Powers review – environmental polemic / A. Roberts // The Guardian [Electronic resource]. – 2021. – Access mode: <https://www.theguardian.com/books/2021/sep/22/bewilderment-by-richard-powers-review-environmental-polemic>. – Access date: 05.06.2024.

156 Tondo, L. Denzel Washington's casting as Hannibal in Netflix film sparks race controversy in Tunisia / L. Tondo // The Guardian [Electronic resource]. – 2023. – Access mode: <https://www.theguardian.com/world/2023/dec/11/denzel-washingtons-casting-as-hannibal-in-netflix-film-sparks-race-controversy-in-tunisia>. – Access date: 05.06.2024.

157 Леонович, Ю. Ведущая ОНТ Наталья Немогай – о моральном выборе, новом социальном шоу и поистине народной любви телезрителей / Ю. Леонович // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/kazhduyu-novost-propuskayu-cherez-serdtse.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

158 Лукашенко, А. Лукашенко: задачу по недопущению вооруженных конфликтов должны решать люди доброй воли во всех странах / А. Лукашенко // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/lukashenko-zadachu-po-nedopushcheniyu-vooruzhennykh-konfliktov-dolzhny-reshat-lyudi-dobroy-voli-vo-v.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

159 Шамко, Д. Политика США превращает Красное море в логистический тупик / Д. Шамко // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/glubina-eskalatsii.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

160 Барейко, И. Традиции народовластия на белорусской земле, Майдан как прямой путь к войне, интервью с ведущей ОНТ Натальей Немогай, которая не терпит предателей – что почитать в газетах холдинга «Беларусь сегодня» 22 февраля / И. Барейко // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/traditsii-narodovlastiya-na-belorusскоy-zemle-maydan-kak-priamo-put-k-voyne-intervyu-s-vedushchey-o.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

161 Burkeman, O. Got a problem to fix? Don't even try – it's better to think afresh / J. Burkeman // The Guardian [Electronic resource]. – 2020. – Access mode: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/mar/20/got-a-problem-to-fix-dont-even-try-its-better-to-think-afresh>. – Access date: 05.06.2024.

162 Bromwich, K. How long Covid forced me to confront my past and my identity / K. Bromwich // The Guardian [Electronic resource]. – 2020. – Access mode: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/08/how-long-covid-forced-me-to-confront-my-past-and-my-identity>. – Access date: 05.06.2024.

163 Jeffery, S. John Williams / S. Jeffery // The Guardian [Electronic resource]. – 2003. – Access mode: <https://www.theguardian.com/politics/2003/aug/22/huttonkeyplayers.huttonreport2>. – Access date: 05.06.2024.

164 O'Toole, F. Boris Johnson's 'oven-ready' Brexit had a secret footnote: we'll rehash it later / F. O'Toole // The Guardian [Electronic resource]. – 2020. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/10/boris-johnson-oven-ready-brexit-cummings-withdrawal-agreement>. – Access date: 05.06.2024.

165 Волчков, В. Возведение ЗОЖ в абсолют грозит засушить социально-общественную жизнь / В. Волчков // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/zdorove-i-progress.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

166 Toynbee, P. Europe is lurching right on immigration. Despite Farage and Sunak's best efforts, Britain will not follow / P. Toynbee // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/11/europe-right-immigration-britain-nigel-farage-rishi-sunak>. – Access date: 11.06.2024.

167 Тищенко, А. Беженцы. Горе от польского «ума» / А. Тищенко // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/bezhentsy-gore-ot-polskogo-uma.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

168 Monbiot, G. Who should hold the next prime minister to account? Our best hope lies with the Green party / G. Monbiot // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/12/green-party-manifesto-labour-wealth-tax-public-services-keir-starmer>. – Access date: 12.06.2024.

169 Яско, А. Статистика о детях – что скрывается за «утками» западной пропаганды / А. Яско, О. Карпович // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/mertvye-dushi-zapadnoy-demograficheskoy-statistiki.html>. – Дата доступа: 11.06.2024.

170 Brockes, E. Trump was hoping for a slam dunk. But Hunter Biden's trial has only highlighted his father Joe's dignity / E. Brockes // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/12/trump-slam-dunk-hunter-biden-trial-verdict>. – Access date: 12.06.2024.

171 Дускаева, Л. Р. Диалогичность современных газетных текстов в аспекте речевых жанров / Л. Р. Дускаева. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004. – 112 с.

172 Муковозчик, А. Андрей Муковозчик комментирует самые эмоциональные события недели, вызвавшие вопросы от наших читательниц / А. Муковозчик, О. Карпович // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/voprosy-ot-blondinok-29-06-24.html>. – Дата доступа: 29.06.2024.

173 Jill, M. Britain is on the brink of an opioid crisis. Punishing addicts won't work / M. Jill // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/30/britain-is-on-the-brink-of-an-opioid-crisis-punishing-addicts-wont-work>. – Access date: 30.06.2024.

174 Бакеренко, Ю. Песков назвал плохими перспективы отношений России и Евросоюза при новом руководстве ЕС / Ю. Бакеренко // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/peskov-nazval-plokhimi-perspektivy-otnosheniy-rossii-i-evrosoyuza-pri-novom-rukovodstve-es.html>. – Дата доступа: 29.06.2024.

175 Hutton, W. Labour needs billions to fund its plans – and I know where it can be found / W. Hutton // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/30/labour-needs-billions-to-fund-its-plans-and-i-know-where-it-can-be-found>. – Access date: 30.06.2024.

176 Грудницький, С. В. Столбцовском районе мужчина утонул в месте, не предназначенном для купания / С. Грудницький // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/v-stolbtsovskom-rayone-muzhchina-utonul-v-meste-ne-prednaznachennom-dlya-kupaniya.html>. – Дата доступа: 29.06.2024.

177 Harris, J. Prepare for the toppling of private school politics – and a cultural change within Westminster / J. Harris // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/30/private-school-politics-tories-labour>. – Access date: 30.06.2024.

178 Муковозчик, А. О становом хребте страны / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/sbbytoday/posts/1711468512337999>. – Дата доступа: 19.06.2024.

179 Haski, P. Macron is history, Le Pen is triumphant. What do ‘reasonable’ French voters like me do now? / P. Haski // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/01/emmanuel-macron-marine-le-pen-france-far-right>. – Access date: 30.06.2024.

180 Рудь, Р. Стоит ли нам нести ответственность за поведение, которое способно спровоцировать преступления? / Р. Рудь // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/ne-byt-zhertvoy.html?fbclid=IwAR1ErlJxSMjfYgKnxOr9yhWh910g3ZEVuhKAhHRCT3z4VP9E98iuyCtQJ1I>. – Дата доступа: 19.06.2024.

181 Дускаева, Л. Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура / Л. Р. Дускаева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2012. – Вып. 2. – С. 253–261.

182 Журавлева, Н. Н. Реализация коммуникативных интенций говорящего в различных социокультурных условиях (на материале интенции упрека в польском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Н. Н. Журавлева. – Минск : БГУ, 2007. – 23 с.

183 Кобозева, И. М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) / И. М. Кобозева // Труды международной конференции Диалог’ 2003 “Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии”. – М. : Наука, 2003. – С. 267–271.

184 Месечко, А. В. Конкуренция иллокутивных модальностей речевых актов как особое средство характеристики жанрового

состава речевой провокации в публичной речи / А. В. Месечко, В. Н. Степанов // Ярославский педагогический вестник [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: https://vestnik.yspu.org/releases/novye_Issledovaniy/13_7/. – Дата доступа: 29.05.2024.

185 Формановская, Н. И. Соотношение интенционального и позиционального компонентов в высказывании / Н. И. Формановская // Русский язык за рубежом. – 1996. – № 1-2-3. – С. 42–47.

186 Koschmieder, E. Beitrage zur allgemeinen Syntax [Electronic resource] / E. Koschmieder // Semantic Scholar. Sociologi. – Heidelberg, 1965. – Mode of access: Beiträge zur allgemeinen Syntax | Semantic Scholar. – Date of access: 28.05.2024.

187 Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 605 с.

188 Арутюнов, А. Р. Справочник «Интенции диалогического общения и их стандартные реализации» (Проект «Банки методических данных»: каталог коммуникативных единиц, интенции) // Русский язык за рубежом / А. Р. Арутюнов, П. Г. Чеботарев. – 1993. – № 5–6. – С. 75–82.

189 Кулько, О. И. Интенциональность как категория летописного текста : на материале Галицко-Волынской летописи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. И. Кулько. – Волгоград, 2002. – 198 л.

190 Дускаева, Л. Р. Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры / Л. Р. Дускаева, Т. И. Краснова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 51–57.

191 Курак, А. Беларусь на практике доказывает свои мирные намерения – итальянский журналист / А. Курак // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/belarus-na-praktike-dokazyvaet-svoi-mirnye-namereniya-italyanskiy-zhurnalist.html>. – Дата доступа: 02.07.2024.

192 Christie-Miller, A. Erdoğan's plan to cull Turkey's street dogs will destroy far more than just animals / A. Christie-Miller // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/30/erdogan-cull-turkey-street-dogs>. – Access date: 30.06.2024.

193 Волчков, В. В рыночной экономике тоже есть планирование / В. Волчков // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/vse-idet-po-planu-rinok-economy.html>. – Дата доступа: 02.07.2024.

194 Соловьева, Л. Мало подхватить историческое знамя Победы отцов и дедов, нужно гордо пронести его и передать детям –

Горошкин / Л. Соловьева // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/malo-podkhvatit-istoricheskoe-znamya-pobedy-ottsov-i-dedov-nuzhno-gordopronesti-ego-i-peredat-detya.html>. – Дата доступа: 03.07.2024.

195 Соловьева, Л. Театрализованный митинг ко Дню Независимости Беларуси под Могилевом посетили более 5 тысяч человек / Л. Соловьева // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/teatralizovannyy-miting-ko-dnyu-nezavisimosti-belarusi-pod-mogilevom-posetilo-bolee-5-tysyach-chelov.html>. – Дата доступа: 03.07.2024.

196 Кулевский, А. Улахович рассказал об отношениях между Минском и Будапештом / А. Кулевский // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/ulakhovich-rasskazal-ob-otnosheniyakh-mezhdu-minskom-i-budapeshtom.html>. – Дата доступа: 03.07.2024.

197 McKibben, B. To stop global catastrophe, we must believe in humans again / B. McKibben // The Guardian [Electronic resource]. – 2019. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/apr/23/stop-global-catastrophe-believe-humans-again-geoengineering>. – Access date: 30.06.2024.

198 Красовская, А. «Понятная политика»: что о Беларуси реально думают на европейском континенте / А. Красовская // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/segodnya-v-efire-telekanala-belarus-1-chetvertyy-vypusk-proekta-belarus-na-chetyrekh-kontinentakh.html>. – Дата доступа: 03.07.2024.

199 Adu, A. Tories fighting to prevent Labour winning ‘supermajority’, says Shapps / A. Adu, J. Waterson // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/politics/live/2024/jun/12/general-election-rishi-sunak-sky-news-keirstarmer-tories-labour-green-party-manifesto-uk-politics?filterKeyEvents=false&page=with:block-666954708f08c6e19f703692#block-666954708f08c6e19f703692>. – Access date: 30.06.2024.

200 Курак, А. Как правильно и безопасно заниматься спортом летом / А. Курак // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/vyydu-na-ulitsu.html>. – Дата доступа: 08/07/2024.

201 Lawson, A. How UK government plans to advise households to reduce energy bills / A. Lawson // The Guardian [Electronic resource]. – 2022. – Access mode: <https://www.theguardian.com/business/2022/nov/24/how-uk-government-plans-to-advise-households-to-reduce-energy-bills>. – Access date: 30.06.2024.

202 Красовская, А. «Понятная политика»: как Беларусь сотрудничает со странами Латинской Америки / А. Красовская // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/ponyatnaya-politika-bez-lukashenko-belarus-by-ne-vyzhila.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

203 Earth is dying, you say? Whatever. Let's build a Mars rocket! // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/picture/2024/jul/01/earth-is-dying-you-say-whatever-lets-build-a-mars-rocket>. – Access date: 06.07.2024.

204 Муковозчик, А. В биографиях ренегатов и коллаборационистов есть много общего / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/dobraja-strana-sssr.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

205 Robertson, G. Keir Starmer was once my apprentice – and this is how I think he might fare as prime minister / G. Robertson // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/07/keir-starmer-prime-minister-geoffrey-robertson>. – Access date: 10.07.2024.

206 Микула, А. Незримые кукловоды. Роль алгоритмов подбора контента в формировании нашей цифровой реальности / А. Микула // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/nezrimye-kuklovody-rol-algoritmov-podbora-kontenta-v-formirovanii-nashey-tsifrovoy-realnosti.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

207 Chrisafis, A. France election: surprise win for leftwing alliance keeps Le Pen's far right from power / A. Chrisafis // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/jul/07/exit-poll-shows-surprise-win-for-left-wing-alliance-in-french-election>. – Access date: 10.07.2024.

208 Красовская, А. Риши Сунак уступает свою резиденцию Киру Стармеру / А. Красовская // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/rishi-sunak-ustupaet-svoyu-rezidentsiyu-kiru-starmeru.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

209 Harris, J. Travelling round Britain, I found it at a crossroads between fury and hope. Which way will Labour take us? / J. Harris // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/07/britain-hope-labour-voters-future>. – Access date: 10.07.2024.

210 Муковозчик, А. Интеллектуалы – иногда это те, кто не дружит с логикой / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/sbbytoday/posts/1707529022731948>. – Дата доступа: 10.07.2024.

211 Harris, J. Johnson seems unable to unify us. Who will speak for the country? / J. Harris // The Guardian [Electronic resource]. – 2020. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/05/boris-johnson-failed-unifying-leader-keir-starmer-coronavirus-crisis>. – Access date: 10.07.2024.

212 Муковозчик, А. Из белорусского среднего класса выделился подкласс: гулящие / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/sbbytoday/posts/1759548710863312>. – Дата доступа: 10.07.2024.

213 Hyde, M. Never mind wine fridges, the Tory party is drunk on Kool-Aid / M. Hyde // The Guardian [Electronic resource]. – 2022. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/01/wine-fridges-tory-party-kool-aid>. – Access date: 10.07.2024.

214 Муковозчик, А. Когда милиция предупреждает, стоит услышать. Но когда предупреждают и соседи – пора делать выводы / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/vremya-sobirat-kamni-mukovozchik.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

215 Aronoff, K. Is democracy getting in the way of saving the planet? / K. Aronoff // The Guardian [Electronic resource]. – 2021. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/aug/25/is-democracy-getting-in-the-way-of-saving-the-planet>. – Access date: 10.07.2024.

216 Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики. Вступительная статья / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике : сборник : пер. с разн. яз. / под общ. ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 3–42.

217 Яковлева, Е. С. О некоторых особенностях концептуализации личностного начала в русской лексике и грамматике / Е. С. Яковлева // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 96–105.

218 Хилько, К. В чем суть выплат пенсий через банки? Рассказываем в деталях / К. Хилько, А. Каспер, А. Курак // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/s-zabotoy-o-lyudyakh-pensii-banki.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

219 Chakraborty, A. Euphoria felled by reality and scant ambition – I have seen what could be Labour's future / A. Chakraborty // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/02/euphoria-reality-labour-future-thatcher-tory>. – Access date: 10.07.2024.

220 Муковозчик, А. Обидно, когда люди, сбежавшие с родины, портят родине статистику и имидж / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/kognitivnost-nol.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

221 Aronoff, K. Is democracy getting in the way of saving the planet? / K. Aronoff // The Guardian [Electronic resource]. – 2021. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/aug/25/is-democracy-getting-in-the-way-of-saving-the-planet>. – Access date: 10.07.2024.

222 Муковозчик, А. На что только не идут ренегаты, чтобы напомнить о себе и побывать лишней раз в Брюсселе! / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/peshie-puteshestviya.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

223 The Guardian view on youth clubs: these vital institutions do more than prevent crime // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/01/the-guardian-view-on-youth-clubs-these-vital-institutions-do-more-than-prevent>. – Access date: 10.07.2024.

224 Муковозчик, А. Вы думаете, у нас воруют? Не-ет, с точки зрения Европы у нас балуются / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/bablo-i-zlo.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

225 Beard, M. Is Cambridge University right to enforce a retirement age? I think so – who wants to be a ‘job blocker’? / M. Beard // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/29/cambridge-university-retirement-age-job-blocker-mary-beard>. – Access date: 10.07.2024.

226 Белецкий, А. И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки: (изучение истории читателя) / А. И. Белецкий // Избранные труды по теории литературы / под общ. ред. Н. К. Гудзия ; сост. А. А. Гозенпуд. – М., 1964. – С. 20–41.

227 Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 5 т. – М. : Русские словари, 1996. – Т. 5. – 752 с.

228 Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–364.

229 Белоглазова, Е. В. Еще раз об адресате и категории адресованности художественного текста / Е. В. Белоглазова // Текст – Дискурс – Стиль : сб. науч. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов ; отв. ред. В. Е. Чернявская. – СПб., 2003. – С. 142–149.

230 Муковозчик, А. Подождите гадать по «вагнеровцам», давайте вспомним о детях / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/sbbytoday/posts/1694078144077036>. – Дата доступа: 10.07.2024.

231 Муковозчик, А. Из белорусского среднего класса выделился подкласс: гулящие / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://yandex.by/turbo/sb.by/s/articles/sytyu-ne-razumeet.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

232 Sridhar, D. We now know the shocking effects of screen time on teens – but smartphone bans aren't the answer / D. Sridhar // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/04/teenagers-screen-time-smartphone-ban-school-parents>. – Access date: 10.07.2024.

233 Збереновская, А. СМИ: Нидерланды обещали летом передать Украине истребители F-16 / А. Збереновская // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/smi-niderlandy-obeshchali-letom-peredat-ukraine-istrebiteli-f-16-.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

234 Филинский, А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний / А. А. Филинский. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2002. – С. 85–86.

235 Лавренко, Е. В. Языковое воплощение коммуникативных стратегий в экономическом дискурсе (на материале британского и американского вариантов английского языка) : дисс. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 / Е. В. Лавренко ; Минск. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2008. – 120 с.

236 Гигин, В. Беларусь стала десятым полноправным членом ШОС. Почему этот день и это событие войдут в историю страны? / В. Гигин // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/tochno-v-desyatku.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

237 Hyde, M. Sunak axed, the cast eviscerated: at last, it's the Tories' season finale / M. Hyde // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/05/rishi-sunak-tories-truss-rees-mogg-shapps-liam-fox>. – Access date: 10.07.2024.

238 Hinsliff, G. Starmer has promised big – now he must be bold and move quickly. Here's how he should start / G. Hinsliff // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/05/keir-starmer-mayors-prime-minister-ideas-housing-labour>. – Access date: 10.07.2024.

239 Логический анализ языка: Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / Отв. редактор Н. Д. Арутюнова ; редкол. : Н. Ф. Спиридонова, М. Л. Ковшова, С. Ю. Богавер ; РАН. Институт языкознания. – М. : Индрик, 2010. – 472 с.

240 Сажина, Е. В. Структурные и прагматические характеристики полемического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. В. Сажина. – Минск : МГЛУ, 2007. – 132 с.

241 Карпук, Г. В. Контактостанавливающая функция языка: направления и перспективы исследования / Г. В. Карпук // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2010. – № 1. – С. 35–45.

242 Муковозчик, А. Пока есть хоть один змагар, готовый открывать рот, оттуда будет литься ложь, направленная на подмену смыслов / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/rokovueyautsa-s.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

243 Муковозчик, А. Ложь порождает и бессмысленность бунтов, и наглость вседозволенности. Но прежде всего ложь порождает ложь / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/sbbytoday/posts/1740424832775700>. – Дата доступа: 10.07.2024.

244 Toynbee, P. Cleaning up our fetid politics is Keir Starmer's toughest task yet. Here's how he can do it, fast / P. Toynbee // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/08/cleaning-up-politics-keir-starmer-toughest-task-heres-how>. – Access date: 10.07.2024.

245 Муковозчик, А. Подлые трусы / А. Муковозчик // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/sbbytoday/posts/1737758133042370>. – Дата доступа: 10.07.2024.

246 Тарасова, И. П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез / И. П. Тарасова. – М. : Высшая школа, 1992. – 176 с.

247 Почепцов, Г. Г. Информационные войны / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук : Ваклер, 2001. – 573 с.

248 Понятина, Т. П. Коммуникативная стратегия сближения с адресатом художественного текста / Т. П. Понятина // Вестник Нижегородского университета им. Н. Лобачевского. Сер. Филология. – 2013. – № 1(2). – С. 235–237.

249 Johnston, D. D. The art and science of persuasion / D. D. Johnston. – IA : W.C. Brown & Benchmark, 1994. – 404 p.

250 Шаховский, В. И. Роль комического в дискурсивном. портрете политика: разоблачительная функция языка / В. И. Шаховский, М. Р. Желтухина // Политический дискурс в России – 3 : материалы рабочего совещания (Москва, 27–28 марта 1999 г.). – М. : Диалог-МГУ, 1999. – С. 104–114.

251 Амиров, В. М. Агитационный предвыборный супертекст: организация содержания и стратегии реализации : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.01 / В. М. Амиров ; Екатеринбургский гос. ун-т. – Екатеринбург, 2002. – 228 с.

252 Филинский, А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг. : дис. ... канд. филологических наук : 10.02.19 / А. А. Филинский ; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2002. – 163 с.

253 Горина, Е. В. Газета с точки зрения воздействия на личность / Е. В. Горина // Журнал уральских журналистов. – 2001. – № 1–2. – С. 52–54.

254 Лебедева, Т. Ю. Искусство обольщения : Паблик рилейшнз по-французски : Концепции. Практика / Т. Ю. Лебедева ; отв. ред. Я. Н. Засурский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 132 с.

255 Каспарова, Г. С. Стратегии речевого поведения автора делового текста / Г. С. Каспарова // Вестник МГЛУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 4. – С. 87–97.

256 Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Перевод с английского Туrowsкого В. В. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М. : Прогресс, 1985. – С. 217–237.

257 Демешко, Ю. Политолог: совместные проекты России и Беларуси в авиастроении – это огромный задел на будущее / Ю. Демешко // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/politolog-sovmestnye-proekty-rossii-i-belarusi-v-aviastroenii-eto-ogromnyy-zadel-na-budushchee.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

258 Greening, J. Leaderless, rudderless, purposeless – the Tories have just one chance to stave off extinction / J. Greening // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/08/leaderless-purposeless-tories-extinction-government>. – Access date: 10.07.2024.

259 Терех, Ю. В США скоро пройдет саммит НАТО, от которого не стоит ждать громких решений. И вот почему / Ю. Терех, О. Карпович // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/fokus-obrechennyu-na-proval.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

260 Гигин, В. Пример белорусско-российского сотрудничества может быть распространен и на другие интеграционные объединения / В. Гигин // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/soyuz-silen-regionami.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

261 Darroch, K. In a fragile and dangerous era, strengthening ties with Europe is Britain's most urgent challenge / K. Darroch // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/06/britain-europe-foreign-policy-kim-darroch>. – Access date: 10.07.2024.

262 Красовская, А. Загрязнение воздуха – второй по значимости фактор риска смерти / А. Красовская // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/zagryaznenie-vozdukha-vtoroy-po-znachimosti-faktor-riska-smerti.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

263 Goodman, P. No Boris Johnson, no deals with Nigel Farage: it's time for the Tories to get serious / P. Goodman // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/06/no-boris-johnson-no-deals-with-nigel-farage-its-time-for-the-tories-to-get-serious>. – Access date: 10.07.2024.

264 Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.

265 Голоднов, А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Голоднов. – СПб., 2003. – 23 с.

266 Кочетова, Л. А. Динамика стратегии саморепрезентации в рекламном дискурсе / Л. А. Кочетова // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журн. – Электрон. текстовые дан. – Красноярск : Науч.-инновац. центр, 2012. – № 3 (11). – Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/3/kochetova.pdf>. – Дата доступа: 10.07.2024.

267 Пирогова, Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации / Ю. К. Пирогова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.jobyou.ru/doc/business/012006/creativ-008.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

268 Цыбикова, Н. С. Оценочные коммуникативные стратегии сетевого новостного дискурса / Н. С. Цыбикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. – С. 195–198. Режим доступа: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2014_12-1_53.pdf. – Дата доступа: 10.07.2024.

269 Халанская, А. А. Лингвистика текстов политических новостей в аспекте коммуникативных и манипулятивных стратегий (на материале печатных изданий качественной российской и британской прессы 2000-2005 гг.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. А. Халанская. – Краснодар, 2006. – 180 с.

270 Шкуратова, Е. А. Коммуникативные стратегии и тактики передачи сообщений о военном конфликте / Е. А. Шкуратова // Вестник КемГУ. – 2013. – Т. 2. – № 2 (54). – С. 204–209.

271 Сычевич, В. ОАО «МАЗ-Купава» успешно освоило выпуск импортозамещающей техники / В. Сычевич // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/svoi-kolesa-katyat-luchshe.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

272 Канашиц, С. Сборную Беларуси по футболу помножили на ноль / С. Канашиц // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/sbornuyu-belarusi-po-futbolu-pomnozhili-na-nol.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

273 Узнали, как в Беларуси решают проблему кадрового голода в строительной отрасли // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/uznali-kak-v-belarusi-reshayut-problemu-kadrovogo-goloda-v-stroitelnoy-otrasli.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

274 Nwanevu, O. Democrats don't just need a new candidate. They need a reckoning / O. Nwanevu // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/08/democrats-joe-biden-election>. – Access date: 10.07.2024.

275 Парфенова, А. Дизайнер рассказала, какая плитка уже не актуальна в современных интерьерах / А. Парфенова // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/dizayner-rasskazala-kakaya-plitka-uzhe-ne-aktualna-v-sovremennykh-intererakh.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

276 Лисюткина, И. С. Динамика реализации стратегии дискредитации в медиадискурсе 1950 – 2019 гг. (на материале русского и английского языков) : автореф. дис... канд. филолог. наук : 10.02.19 / И. С. Лисюткина. – Саратов, 2021. – 25 с.

277 Кусов, Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт : автореф. дис... канд. филолог. наук : 10.02.19 / Г. В. Кусов. – Волгоград, 2004. – 27 с.

278 Федорова, К. И. Реализация речевой агрессии: стратегия дискредитации и стратегия манипулирования в англоязычных СМИ [Электронный ресурс] / К. И. Федорова, Н. В. Сабурова, С. В. Николаева //

Вестник СВФУ. – 2016. – № 5. – С. 154–166. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-rechevoy-agressii-strategiya-diskreditatsii-i-strategiya-manipulirovaniya-v-angloyazychnyh-smi>. – Дата доступа: 29.05.2024.

279 Красовская, А. Во Франции состоялся второй тур досрочных парламентских выборов / А. Красовская // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/pravue-proigrali-no-i-levye-ne-pobedili.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

280 Попов, А. Основатель WikiLeaks Джулиан Ассанж вышел из британской тюрьмы / А. Попов // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/on-slishkom-mnogo-znaet.html>. – Дата доступа: 10.07.2024.

281 Taylor, P. In a referendum on Le Pen, French voters said ‘non’. This opportunity must not be squandered / P. Taylor // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/08/france-election-marine-le-pen-social-democracy>. – Access date: 10.07.2024.

282 Bennett, C. Great for parties, useless for governing: grace-and-favour homes are the spoils of power / C. Bennett // The Guardian [Electronic resource]. – 2024. – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/07/grace-and-favour-homes-dorneywood-chevening-chequers>. – Access date: 10.07.2024.

283 Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

284 Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М. : Флинта; Наука, 2004. – 294 с.

285 Азарова, Л. Понятие языковой личности в лингвистике / Л. Азарова // *Annales universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio ff.* – Vol. XXXV. – S. 169–181.

286 Михалевич, О. В. Проблема изучения языковой личности в лингвистике: исторический аспект / О. В. Михалевич // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». – № 1(17). – С. 145–151.

287 Шеннон, К. Математическая теория связи / К. Шеннон, У. Уивер. – Urbana : University of Illinois Press, 1949. – 117 с.

288 Шрам, У. Как работает связь. Обработка и эффекты массовой коммуникации / У. Шрам. – Urbana : University of Illinois Press, 1954. – 58 с.

289 Якобсон, Р. О. Избранные работы / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1985. – 460 с.

290 Gibson, R. Intercultural Business Communication (Oxford Handbooks for Language Teachers) / R. Gibson. – Oxford : University Press, USA, 2002. – 123 p.

291 West, R. Introducing Communication Theory: Analysis and Application / R. West, L. Turner. – 3rd ed. – McGraw-Hill, 2006. – 637 p.

292 Данюшина, Ю. В. Коммуникативно-когнитивные аспекты моделирования дискурса / Ю. В. Данюшина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – Т. 5. – № 1. 2010. – С. 111–117.

293 Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДКГ «Гнозис», 2003. – 280 с.

294 Олешков, М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил, 2006. – 146 с.

295 Jackel, M. Interaction. Soziologische Anmerkungen zu einem Begriff // Rundfunk und Fernsehen: 43, Heft 4. – 1995. – S. 463–476.

296 Кучко, М. О треше, угаре и медиках, забывших клятвы / М. Кучко // СБ. Беларусь сегодня [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/sbbytoday/posts/1777761105708739>. – Дата доступа: 10.07.2024.

Научное издание

Сажина Елена Владимировна

**ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПЕЧАТНЫХ СМИ
БЕЛАРУСИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Подписано в печать 06.08.2024. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 13,47.

Тираж 50 экз. Заказ 404.

Издатель и полиграфическое исполнение:

учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,

распространителя печатных изданий в качестве:

издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;

распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.

Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.

